

Издание осуществлено по заказу Управления по делам полиграфии и средствам массовой информации Тамбовской области

Составители:

Заслуженный работник культуры РФ **Валентина Дорожкина**,

Заслуженный работник культуры РФ **Иван Овсянников**

Фотографии Алексея и Бориса Ладыгиных, Анатолия Алексеева, а также из фондов Осиногаевского и Борщёвского музеев

Тамбов, ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2003, 180 с

Предлагаемая книга «Ты осталась в народе живая...» представляет собой сборник статей и очерков о Герое Советского Союза Зое Анатольевне Космодемьянской, а также воспоминания о ней её боевых соратников. В сборник включены очерки П. Лидова «Таня» и «Кто была Таня», В. Кожемяко «Память о ней нетленна», И. Овсянникова «Покушение на подвиг», рассказ О. Коротцева о «космическом мемориале» героев Великой Отечественной войны. О создании музеев народной героини в селах Осиновые Гаи и Борщёвка рассказывают их бессменные директора С. Полянский и Л. Шебунова.

Кроме того, в сборник включены фрагменты из книги Л.Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре», отрывки из поэмы Маргариты Алигер «Зоя», стихи российских авторов об отважной партизанке.

Книга богато иллюстрирована и представляет интерес для учителей, студенческой и школьной молодежи, краеведов и всех, кто интересуется историей родного края.

ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ЕЁ!

Жизнь её была короткой, но ясной и чистой, как стёклышко. Росла Зоя до шести лет в

Осиновых Гаях у дедушки с бабушкой — Тимофея Семёновича и Мавры Михайловны. Росла, как и все деревенские ребяташки, мало чем от них отличаясь: скакала по улицам, до посинения ныряла и плавала в тихой Кашме, бегала по росистой траве, любила летние грозы. И осталось у неё от деревенского детства ощущение светлой и тёплой радости. Любила она ещё собирать цветы, хорошо в них разбиралась, знала их названия...

«Зоя росла бойкой и весёлой, — вспоминала много лет спустя её подруга детства Зоя Епихина. — Но бывало иногда и на неё тучка набезит...»

Такими словами она, наверное, хотела отметить ту особинку, которая отличала девочку от остальных сверстниц. Да, ей совсем не были чужды ребячьи радости и затеи, но что-то и выделяло её из одногодков. Что же? Может, рано появившаяся сосредоточенность, углубленность в самую себя, незаурядность душевного мира? Она ведь рано, в шесть лет, научилась читать, с детства вела дневник. Летом пропалывала с бабушкой грядки, следила за домашней живностью. Однажды с отцом ездила в луга за сеном. Подсохшая трава пахлапряно, от этого слегка кружилась голова. А может, она кружилась оттого, что аккуратный возок на ухабах слегка покачивался, и она, запустив ручонку в разнотравье, изо всех сил удерживалась на его вершинке? Рядом был папа, с ним ничего не страшно. Только каждый раз, когда лошадка ускоряла ход, почему-то приятный холодок подкатывал к сердцу, которое начинало беспокойно трепыхаться.

Было ощущение счастья, необъяснимой радости.

Скорее всего — от созерцания родных мест, от своего здоровья, оттого, что все родные вместе, и впереди вся жизнь — долгая и, конечно, интересная. Она очень рано почувствовала себя личностью. В 1936 году, приехав в Осиновые Гаи на летние каникулы, Зоя запишет в своём дневнике: «Как здесь хорошо!»

Да, ей было хорошо на Тамбовщине.

Так и росла маленькая, хрупкая, приветливая, доверчивая ясноглазая девочка с кроткой улыбкой, мечтавшая стать писателем. И судьба подарила ей встречу с любимым автором — Аркадием Гайдаром. Они отдыхали в одном подмосковном санатории и подружились.

А когда прощались, Аркадий Петрович подарил Зое свою только что вышедшую книгу «Чук и Гек». И написал на титульном листе своё понимание счастья. И оно совсем не расходилось с Зоиним пониманием, потому они и потянулись друг к другу —

умудренный жизненным и боевым опытом популярный писатель и юная московская школьница. Она, как и Гайдар, стремилась жить честно и смело, ненавидела людей, которые ради выгоды и корысти могли отступить от веры, от служения Отчизне.

Когда Зоя уезжала из санатория, Гайдар сказал её маме, Любове Тимофеевне: «Она у вас великолепно читает Гёте». Но она также хорошо читала и Маяковского. И ещё любила напевать бетховенскую «Песенку Клерхен», написанную опять же на слова Гёте. Своим мелким ровным почерком она переписала в специальную тетрадочку понравившиеся строки:

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б Отчизну свою защищать...
Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!

И когда над Родиной нависла чёрная зловеющая тень фашизма, она не раздумывала, где ей нужно быть в это время. И только повторяла: «Какую землю топчут, какую землю!» Вместе с мамой шила мешки для фронта, рукавицы, шлемы, дежурила на чердаке и крыше, и готовилась попасть на фронт в любом качестве: медсестры, бойца, разведчицы, диверсанта...

Ах, если бы латы и шлем мне достать...

И достала! И ушла. Любовь Тимофеевна ничего не могла поделать, чтобы воспрепятствовать этому. Она знала характер Зои. И уже через четыре месяца после начала войны, Зоя была в воинской части, которой командовал герой испанской войны майор Артур Спрогис.

Что было дальше — известно каждому школьнику. 28 ноября 1941 года, выполняя боевое задание, она попала в лапы к фашистам. И не будем писать о тех нечеловеческих муках, которые выпали на её долю. Эти нелюди пытались сломить её. Но из этого ничего не вышло. То, что вынесла наша Зоя, ставит её в один ряд с великомученицами первых веков христианства. Партизанка даже свою смерть подчинила борьбе с врагом. Её сила духа, её жертвенность подвига потрясли весь мир. «У любого человека с нормальной нравственностью, — писал один из наших соотечественников, — образ этой девушки может вызвать только благоговение и светлую скорбь».

Но нашлись люди с лакейскими перьями, которые попытались лишить общественного смысла жертвенный подвиг 18-летней московской школьницы, представив его никчёмным, никому не нужным. И даже преступным. Они называли нашу Орлеанскую

деву «орудием преступления». Дескать, Космодемьянская нарушила международную конвенцию, которая запрещает поджигать дома мирных жителей. Стоит только удивляться тому, кто напечатал этот либеральный бред, бессовестный и циничный.

Самое поразительное заключается в том, что «писания» этих «гробокопателей» и «уточнителей» истории подозрительно идентичны текстам фашистских оккупационных листовок, которые издавались немецкими спецслужбами в целях дискредитации партизанского движения в годы Великой Отечественной. Да и лексика почти одна и та же. И это заставляет о многом задуматься. Разрушая национальное самосознание народа, его историческую память, эти господа тем самым демаскируют свои далеко идущие цели. Глумление над нашими святынями, по мнению академика С. Кара-Мурзы, стало главным инструментом «социо-культурных реформ». А «насколько точен выбор объектов для глумления, — пишет учёный, — мне объяснили специалисты. Читал я лекцию в Бразилии перед обществом психологов и психоаналитиков. Тему они задали такую: «Технология разрушения культурных устоев в ходе перестройки». Я рассказывал факты, приводил выдержки из газет. А смысл слушатели понимали лучше меня. Особенно их заинтересовала кампания по дискредитации Зои Космодемьянской. Мне задали удивительно точные вопросы о том, кто была Зоя, какая была у неё семья, как она выглядела, в чём была суть её подвига. А потом объяснили, почему именно её образ надо было испоганить — ведь имелось множество других героинь. А дело в том, что она была мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание независимо от официальной пропаганды, именно её выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И её образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа. И те, кто над этим образом глумились, стремились подрубить именно эту основу».

«Кем войдёт в историю Отечества Космодемьянская: символом, мифом, фетишем, легендой?» — совсем ещё недавно допытывались устроители неприличной дискуссии на страницах либеральных газет. Для нас, тамбовцев, ответ однозначен: она навеки останется в истории России русской Жанной д'Арк. Убедительно ответил лукавым «вопрошателям» и просто банальным лжецам лауреат Государственной и Международной премии имени М. Шолохова поэт Валентин Сорокин: «Ярославна плакала, ожидая князя, на стене каменного древнего Путивля, Авдотья рязаночка брата русского от ордынцев защищать кинулась. А Зоя за вешний свет русский во тьму шагнула кромешную! За народ, за Отечество, за достоинство и свободу во тьму, в погибель шагнула она, и теперь — Светом Иисуса Осиянная, Зоя Святолика, — молитва наша, надежда наша и песня горькая наша! »

...На Тамбовщине немало делается по увековечению памяти народной героини. В областном центре установлен прекрасный скульптурный портрет Зои, одна из улиц города названа её именем. На малой родине в селе Осиновые Гаи также воздвигнут памятник, ежегодно проводятся торжества в день её рождения, организуются спортивные соревнования, эстафеты, мотопробеги. Администрации области и Гавриловского района учредили премии в честь отважной землячки. Школьники пишут сочинения, поэты и композиторы создают песни и оратории о Зое. В сёлах Осиновые Гаи и Борщевке действуют школьные музеи семьи Космодемьянских. Один из совхозов области (ныне ТОО) назван именем Зои Космодемьянской.

Но давно уже не снимаются о ней фильмы, не издаются книги, в которых бы рассказывалось о подвиге вчерашней школьницы, этого «олёнёнка с большими глазами» (Юлия Друнина), и только по-прежнему злобные наветы и инсинуации не иссякают и продолжают тиражироваться в газетах известного толка. Мы, составители этого сборника, издающегося по решению областной администрации, решили собрать под одной обложкой наиболее существенные публикации разных лет, в которых бы Зоя предстала перед современным юным (и не только юным!) читателем без юбилейного глянца и идеологического славословия. Недавно один из руководителей нашего областного управления образования, выступая на пленуме тамбовских журналистов, говорил о «бешеной любви к родине», которую якобы насаждало государство в советское время. Пусть эта злобная кривда останется на совести этого недалёкого деятеля. Но и она, эта кривда, подвигла нас на то, чтобы рассказать о Зое устами её матери, её боевых соратников, тех журналистов, которые первыми сообщили миру о невиданной силе человеческого духа, которую проявила в фашистском плену наша землячка. Да и одна ли она?! А молодогвардейцы! А Матросов! А Гастелло! А Лиля Озолина! А Вера Волошина! Несть им числа... Но ведь повернулся же у человека язык...

Пророческими оказались слова боевой подруги Зои Клары Милорадовой, слава Богу, здравствующей, сказанные ею в те нелёгкие недели обороны Москвы: «Она многих ещё поднимет на борьбу, многим осветит путь своим подвигом». И подняла, и осветила! Её гибель переплавилась в благородную ярость атакующих лав краснозвёздных бойцов, в богатырскую силу наших танкистов и лётчиков, писавших перед боем на броне и фюзеляжах своих боевых машин короткое, но призывное, как клич: «За Зою!» И никто ныне не скажет, во что можно оценить подвиг русской Орлеанской девы, сколько дополнительно полков и дивизий он восполнил в тот критический момент, когда решалась судьба страны, а, может, и всего мира. Ведь коричневая чума поползла бы и дальше, заполонив всю планету. По крайней мере, таков был замах обезумевших от

безнаказанности гитлеровцев. И вот против этой бесчеловечной громадины, в считанные дни и недели сокрушившей Европу, встала московская школьница, родившаяся и выросшая на Тамбовской земле.

«Смотрите, люди! — воскликнул в те январские дни 1942 года, когда мир узнал о Зое, народный артист РСФСР, один из основоположников советского кинематографа Александр Довженко. — Это Зоя Космодемьянская. Смотрите, девушки, воины, дети, смотрите, господа международные политики! Вот идёт на смерть бессмертная среди оккупантов... Напишут книги, пропоются возвышенные стихи, и слава Зои перейдёт в века из рода в род как вдохновенье чистой нашей юности, которой всегда цвела и будет процветать наша земля».

...Она вернулась на свою малую родину, в село Осиновые Гаи, где ей так хорошо дышалось, где она была так счастлива. Вернулась памятником, воздвигнутым на народные деньги. Скульптор Михаил Салычев, словно услышав слова Довженко, изобразил её «как вдохновенье чистой нашей юности». С косынкой за плечами, словно бы стряхнув года, пришла Зоя в сельский сквер к своим односельчанам, чтобы теперь уже навеки остаться с ними. Пришла, «и вдруг среди сельчан окаменела», как поётся в песне Раисы Усенко. Но мы сохраним её в нашей памяти живой, чистой, нежной, прямодушной. Ведь недаром же имя её в переводе с греческого языка означает ЖИЗНЬ.

«Молитвенная память и вечная слава бессмертному подвигу великой дочери земли Тамбовской — Зои Космодемьянской, отдавшей бесценный дар — свою жизнь, за Великую Русь святую и её народ», — написал в книге отзывов Осиногаевского музея десять лет назад архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений.

Запомним эти слова.

Иван Овсянников.

Заслуженный работник культуры России, лауреат премии имени Зои Космодемьянской.

ТАНЯ

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-москвичку, назвавшую себя Татьяной.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Дачные места за Голицыном и Сходней стали местами боёв. Москва отбирала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником в тылу. Вот тогда в Петрищеве кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей. На следующий вечер партизан был пойман.

Из рассказов солдат петрищевские колхозники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался к важному военному объекту. На нём была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из неё и потом нагнулся, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это — девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и тёмными стриженными, зачесанными наверх волосами.

Хозяевам дома было приказано выйти в кухню, но всё-таки они слышали, как офицер задавал Татьяне вопросы и как та быстро, без запинки отвечала: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет», и как потом в воздухе засвистели ремни, и как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши.

Хозяева насчитали двести ударов, но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос её звучал глуше, чем прежде.

После допроса Татьяну повели в избу Василия Александровича Кулика. На ней уже не было ни валенок, ни шапки, ни тёплой одежды. Она шла под конвоем в одной сорочке и трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда её ввели в дом, хозяева при свете лампы увидели на лбу у неё большое иссиня-чёрное пятно и ссадины на ногах и руках.

Руки девушки были связаны сзади верёвкой. Губы её были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями от неё хотели добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним был ещё один солдат. Василий и Прасковья Кулик, лёжа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи и подошёл было к кадлушке с водой, но часовой оттолкнул его.

— Тоже хочешь палок? — злобно спросил он.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались над ней. Одни шпыняли её кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провёл по её спине пилой.

Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой вскинул винтовку на изготовку и велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шёл позади неё вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к её спине, потом он крикнул: «Цурюк!» — и повёл девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока её мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под тёплый кров.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти часов вечера до двух часов ночи и через каждые полчаса-час выводил её на улицу на 15-20 минут. Наконец, изверг сменился. На пост встал новый часовой. Несчастной разрешил прилечь на лавку.

Улучив минутку, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не ответила. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонала, хотя её ноги были обморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет, и о чём думала она, окружённая злыми

врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:

— Позавчера это ты была?

— Я... Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль... А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают — оружие сгорело...

В 10 часов утра пришли офицеры. Старший из них по-русски спросил Татьяну:

— Скажите, кто вы? Татьяна не ответила.

— Скажите, где находится Сталин?

— Сталин находится на своём посту, — ответила Татьяна. Продолжение допроса хозяева дома не слышали — им велели выйти из комнаты и впустили обратно, когда допрос был уже окончен.

Из комендатуры принесли часть Татьянинных вещей: жакет, брюки, чулки. Шапка, меховая куртка и валяные сапоги исчезли — их успели уже поделить между собой унтер-офицеры. Тут же лежала её походная сумка и в ней — бутылка с бензином, спички, патроны к нагану, сахар и соль. Татьяну одели, и хозяева помогли натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь Татьяне повесили отобранную у неё бутылку с бензином и доску с надписью «Партизан». Так её вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружали десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояли больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлёй были поставлены один на другой два ящика из-

под макарон. Татьяну приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака»: немцы — любители фотографировать казни и экзекуции. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозницам и колхозникам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить её, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ...

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать её сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

— Скорее же!

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна, нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня...

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись, чтобы не видеть того, что должно сейчас произойти.

Палач потянул верёвку, и петля сдавила Танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придёт!..

Палач упёрся кованым башмаком в ящик, и ящик закрипел по скользкому утопанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнул оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Она умерла во вражьем плену на фашистской дыбе, ни единым звуком не выдав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть, как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломить! Память о ней живёт вечно!

В ночь под Новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над телом. Оно висело посреди деревни ещё день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января фашисты распорядились спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мёрзлой земле яму в стороне от деревни.

Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завеела могильный холмик.

А вскоре пришли те, для кого Таня в тёмные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Остановившись для привала, бойцы приедут сюда, чтобы до земли поклониться её праху и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню; и учителям, воспитавшим её; и товарищам, закалившим её дух. И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далёкой заснеженной могилке, и Сталин мысленно придёт к надгробию своей верной дочери.

Пётр Лидов.

«Правда», 27 января 1942 г.

КТО БЫЛА ТАНЯ

Указом Президиума Верховного Совета СССР комсомолке-партизанке Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О ее подвиге было рассказано в очерке «Таня», напечатанном в «Правде» 27 января этого года. Тогда еще не было известно, кто она. Ни на допросе, ни в разговоре с петрищевской крестьянкой Прасковьей Кулик девушка не назвала своего имени и лишь при встрече в лесу с одним из верейских партизан сказала, что ее зовут Таней.

Но и здесь из предосторожности она скрывала свое настоящее имя.

Сейчас Московским комитетом комсомола установлено, кто была эта девушка.

Это — Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица десятого класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

Ей было восемнадцать лет. Она рано лишилась отца и жила с матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка, в доме № 7 по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, плечистая, с живыми темными глазами и черными, коротко стриженными волосами — таким рисуют друзья ее внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, и часто вдруг густой румянец заливал ее смуглое лицо.

Мы слушаем рассказы ее школьных товарищей и учителей, читаем дневники, сочинения, записи, и одно поражает в ней всюду и неизменно: необычайное трудолюбие, настойчивость, упорство в достижении намеченной цели. Перед уроками литературы она прочитывала множество книг и выписывала понравившиеся места. Ей хуже давалась математика, и после уроков она подолгу засиживалась над учебником алгебры, терпеливо разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала ее окончательно.

Зою избрали комсомольским групповым организатором в классе. Она предложила комсомольцам заняться обучением малограмотных домохозяек и с удивительным упорством добивалась, чтобы это начинание было доведено до конца. Ребята вначале охотно принялись за дело, но ходить нужно было далеко, и многие быстро остыли. Зоя болезненно переживала неудачу, она не могла понять, как можно отступить перед препятствием, изменить своему слову, долгу...

Русскую литературу и русскую историю Зоя любила горячо и проникновенно. Она была простой и доброй советской школьницей, хорошим товарищем и деятельной комсомолкой, но кроме мира сверстников, у нее был и другой мир — мир любимых героев отечественной литературы и отечественной истории.

Порой друзья упрекали Зою в некоторой замкнутости — это бывало тогда, когда ее целиком поглощала только что прочитанная книга. Тогда Зоя становилась рассеянной и нелюдимой, как бы уходя в круг образов, пленивших ее своей внутренней красотой.

Великое и героическое прошлое народа, запечатленное в книгах Пушкина, Гоголя,

Толстого, Белинского, Тургенева, Чернышевского, Герцена, Некрасова, было постоянно перед мысленным взором Зои. Это прошлое питало ее, формировало ее характер. Оно определило ее чаяния и порывы, оно с неудержимой силой влекло ее на подвиг за счастье своего народа.

Зоя переписывает в свою тетрадь целые страницы из «Войны и мира», ее классные работы об Илье Муромце и о Кутузове, написанные с большим чувством и глубиной, достаиваются самой высокой оценки. Ее воображение пленяет трагический и жертвенный путь Чернышевского и Шевченко, она мечтает подобно им послужить святому народному делу.

Перед нами записная книжка, которую Зоя Космодемьянская оставила в Москве, отправляясь в поход. Сюда она заносила то, что вычитывала в книгах и что было созвучно ее душе. Приведем несколько выписок, которые помогут нам понять Зою.

«...В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (Чехов).

«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь» (Маяковский).

«Умри, но не давай поцелуя без любви» (Чернышевский).

«За десять французов я ни одного русского не дам» (Кутузов).

«Ах, если бы латы и шлем мне достать,

Я стала б Отчизну свою защищать...

Уж враг отступает пред нашим полком.

Какое блаженство быть храбрым бойцом!» (Гёте).

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!» — записывает она карандашом в свою памятную книжку. И далее: «Отелло» — борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты, тема «Отелло» — победа настоящего большого человеческого чувства!»

С какой-то особенной, детской искренностью и теплотой пишет Зоя о тех, в ком воплощены горделивое вчера, бурливое сегодня и светлое завтра нашего народа, — об Ильиче, о Сталине.

В этих записях она вся — чистая помыслами и всегда стремящаяся куда-то ввысь, к достижению лучших человеческих идеалов.

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Зоя хочет стать бойцом, она уходит добровольцем в истребительный отряд.

Она прощается с матерью и говорит ей:

— Не плачь, родная. Вернусь героем или умру героем.

И вот Зоя в казарме, в большой и показавшейся ей суровой комнате, перед большим столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в ее лицо:

— Не боитесь?

— Нет, не боюсь.

— В лесу ночью одной ведь страшно?

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадетесь, если пытаться будут?

— Выдержу...

Ее уверенность подкупила командира, он принял Зою в отряд. Вот они, латы и шлем бойца, которые грезилась Зое!

Семнадцатого ноября она послала матери последнее письмо: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду погостить домой. Твоя Зоя». А в свою книжечку занесла строку из «Гамлета»: «Прощай, прощай! И помни обо мне».

На другой день у деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-партизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли свое боевое задание, а днем грелись в

лесу у костра и спали, сидя на снегу и прислонившись к стволу сосны. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Она переносила их стойко и гордо.

Пищи было запасено на пять дней. Ее растянули на пятнадцать, и последние сухари уже подходили к концу. Пора было возвращаться, но Зое казалось, что она сделала мало. Она решила остаться и проникнуть в Петрищево. Она сказала товарищам:

— Пусть я там погибну, зато десяток немцев уничтожу.

С Зоей пошли еще двое, но случилось так, что вскоре она осталась одна. Это не остановило ее. Одна провела две ночи в лесу, одна пробралась в деревню к важному вражескому объекту и одна мужественно боролась против целой своры терзавших ее с безумной жестокостью фашистов. И в эти последние часы ее, наверное, не покидали и окрыляли любимые образы героев и мучеников русского народа!

Как-то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты словно сама родная, советская земля дала Зое могучую, не девичью силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден признать даже враг.

В наши руки попал унтер-офицер Карл Бейерлейн, присутствовавший при пытках, которым подверг Зою командир 332-го пехотного полка 197-й немецкой дивизии подполковник Рюдерер. В своих показаниях гитлеровский унтер, стиснув зубы, написал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Зоя умерла на виселице с мыслью о Родине и с именем Сталина на устах. В смертный час она славилась грядущую победу.

Тотчас после казни площадь опустела, и в этот день никто из жителей не выходил на улицу без крайней необходимости. Целый месяц висело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Прекрасное лицо ее и после смерти сохранило свою свежесть и чистоту, и печать глубокого покоя лежала на нем. Те, кому нужно было пройти мимо, низко опускали голову и убыстряли шаг. Когда же через деревню проходили немецкие части, тупые фрицы окружали виселицу и долго развлекались,

тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом они шли дальше, и в нескольких километрах их ждало новое развлечение: возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шли они по оккупированной земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

Немцы отступали поспешно и впопыхах не успели сжечь Петрищево. Оно одно уцелело из всех окрестных сел. Живы свидетели кошмарного преступления гитлеровцев, сохранились места, связанные с подвигом Зои, сохранилась могила, где покоится ее прах.

И холм славы уже вырастает над этой едва приметной могилкой. Молва о храброй девушке-борце передается из уст в уста в освобожденных от фашистов деревнях. Бойцы на фронте посвящают ей свои стихи и свои залпы по врагу. Память о ней вселяет в людей новые силы. «Нам, советским людям, — пишет в редакцию «Правды» студент-историк, — много еще предстоит пережить. И если трудно придется, я прочту снова этот печальный рассказ и погляжу на прекрасное, мужественное лицо партизанки».

Лучезарный образ Зои Космодемьянской светит далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, о ком мечтала, у кого училась жить.

Петр Лидов.

«Правда», 18 февраля 1942 г.

АРТУР СПРОГИС РАССКАЗАЛ...

Его называли «человеком из легенды». И не без основания. Он стал профессиональным разведчиком в... 14 лет, а в 16, по настоянию Ф. Дзержинского, зачислен курсантом Кремлевской школы командиров-пулеметчиков. Это он проводил через польскую границу Бориса Савинкова и сопровождал его до самого Минска. Воевал в Испании. С первых дней Великой Отечественной войны майор А. К. Спрогис — в действующей армии. Он становится одним из руководителей по ведению подрывной работы в тылу врага, назначается начальником разведывательной школы.

Интервью, которое взял у Артура Спрогиса в 1978 году журналист Валентин Лавров, было опубликовано спустя тринадцать лет, в декабре 1991 года в газете «Московский комсомолец»

— Почему комиссия отказала Космодемьянской, и первоначально ее не приняли в ваш отряд?

— Нам следовало набрать две тысячи добровольцев, а к кинотеатру «Колизей» (теперь в этом помещении театр «Современник») пришли три тысячи. Зоя была слишком юной, хрупкой и... красивой. Представьте: появляется такая в населенном пункте, занятом врагами. Естественно, у немцев сразу проснется интерес. В наши планы такое не входит. Но Зоя оказалась настойчивой — она осталась на ночь возле нашего кабинета. Твердо мне заявляет: «Хочу воевать за Родину».

Вздохнул я и зачислил в отряд Космодемьянскую.

— Какой она была в отряде?

— Скажу честно, я не обращал на Зою внимание — кроме нее, помните, было еще две тысячи бойцов. В то время мы дислоцировались на нашей территории вблизи линии фронта. Второй переход ее для Зои стал последним...

— Про Петрищево писалось много, но ничего внятного не сказано о том, почему оно стало объектом повышенного стратегического внимания.

— В этой глухой деревушке, затерявшейся среди лесов, немцы расположили часть армейской радиоразведки. Она перехватывала наши радиопереговоры, устраивала эфирные помехи. В те дни советское командование планировало мощное контр-наступление. Вот почему стало необходимым вывести вражескую станцию из строя — хотя бы на некоторое время.

— Теперь понятно, почему Петрищево охраняли гестаповцы.

— Охраняли надежно. Мы посылали несколько групп — никто задания не выполнил, мы несли обидные потери. В ту зиму стояли лютые морозы, выпал глубокий снег — местами его нанесло по пояс. Все это осложняло нашу задачу. В очередную группу была включена Зоя. Но и теперь подступы к Петрищеву были перекрыты. Бойцы по пути следования уничтожали провода связи, установили на дорогах два десятка мин,

командир дал приказ — возвращаться. Зоя наотрез отказалась:

— Пока задание не выполню — не вернусь. Я иду к Петрищеву. Командир был вынужден оставить в помощь Зое некоего Клочкова (сейчас кое-кто из публикаторов называет другую фамилию — **В. Л.**), до войны он возглавлял комсомольскую организацию крупного московского завода. Они пробрались к Петрищеву, где их схватили немцы. Зоя действительно вела себя героически, с достоинством вынесла все муки, и была повешена. Зато Клочков сразу же согласился сотрудничать с немцами. Не исключено, что именно он выдал немцам Зою и имя ее сообщил, хотя это никакого значения не имело. Кстати, Пётр Лидов, первым рассказавший в «Правде» о подвиге Космодемьянской в знаменитом очерке «Таня», ошибочно писал, что «с Зоей пошли еще двое, но... вскоре осталась одна». Туманно так написал...

— Почему?

— Потому, что Клочков, как я сказал, был комсомольским вожаком, и нельзя было писать о его предательстве. Он, если мне память не изменяет, и у нас в отряде был комсоргом. Клочков вскоре вновь появился

у меня в подразделении.

— Убежал, — говорит, — от ненавистных фашистов. Смерть немецким оккупантам! Да здравствует товарищ Сталин!

Клочкова я отправил в первый отдел, и через пять минут его «раскололи». Размазывая по лицу сопли, этот «вожак» признался, что прошел подготовку в немецкой разведшколе и был к нам переброшен. Рассказал он и про гибель Зои. Клочкова расстреляли.

В конце января сорок второго года «Правда» опубликовала очерк «Таня». Он имел исключительный резонанс. Первый секретарь Московского горкома партии Щербаков приказал: «Срочно установить личность героини». Готовилось ее награждение Золотой Звездой. Я отправил ему донесение, в котором твердо назвал Космодемьянскую.

Но к этому времени нашлось несколько женщин, которые считали, что «Таня» — это их дочь. Я был вынужден посетить Москву, провести беседу с этими матерями. После этого осталась лишь одна претендентка, да еще Любовь Тимофеевна Космодемьянская. Образовали комиссию, куда вошли комсомольские руководители, представители городской милиции, доктор и я. Когда беседовали с матерями, Любовь Тимофеевна

рассказала, что у Зои было очень чистое тело и никаких примет. Другая же, напротив, решительно потребовала запротоколировать: у Тани выше левого колена глубокий шрам, а на щеке оспинки.

Провели эксгумацию. Шура Космодемьянский, который сопровождал мать и которому судьба тоже уготовила геройскую гибель и Звезду Героя, воскликнул:

— Мама, это Зоя!

Но Любовь Тимофеевна свою дочь не узнала. Другая женщина, напротив, запричитала:

— Это моя Танечка! Вот шрам, а вот оспинки!

Я, признаюсь, испытал дурные минуты: сразу же признав Зою, я в то же время увидел и шрам, и оспинки. Да и Любовь Тимофеевна дочь напрочь не узнает. Голова пошла кругом! Тогда Зою стоймя прислонили к сосне. «Нет, это не Зоя! — еще более упорствует ее мать. — Зоя была много ниже».

Господи, но не могу же я ей объяснить, что повешенные сильно вытягиваются. Кстати, Зоя висела около месяца.

Положили героиню в приготовленный гроб — пора закапывать. Вдруг Любовь Тимофеевна говорит:

— Я Зою в поле рожала, пупок узлом завязывала.

Зоя лежала в одной рубашечке, местами окровавленной... Подняли ее — пупок узлом завязан. Все стало ясно!

Лжемамаша тут же призналась: ей удалось из Москвы добраться до Петрищева, за самогон подкупить местных мужиков, которые подняли из могилы труп и дали осмотреть этой проныре.

— Про шрам на ноге Любовь Тимофеевна могла забыть, но откуда оспинки?

— Я тоже вначале недоумевал: у Зои лицо действительно было чистым. Но все объяснилось просто: когда ее доставили к месту казни, виселица не была достроена. Конвойный толкнул Зою в находившийся рядом сарай. У девушки были связаны руки, она неловко упала на песчаный пол. К лицу прилипли песчинки — они остались оспинками.

16 февраля 1942 года Калинин подписал указа о присвоении звания Героя Советского Союза Космодемьянской. Слава партизанки стала всемирной — о ней писали и говорили во всех странах антигитлеровской коалиции: имя ее сделалось символом мужества. Но Зоиному праху не давали покоя.

Спрогис продолжал:

— По весне тело Космодемьянской вновь — уже в третий раз! — подняли из земли. Ее кремировали. 7 мая 1942 года в торжественной обстановке под ружейный салют мы захоронили урну в центре Петрищева (прежде Зоя лежала за околицей, вначале даже без гроба).

Минуло без малого полвека. Новые гробокопатели предлагают провести «криминалистическую экспертизу» праха (см. АиФ № 43). Может, хватит бесчинствовать, и оставим на пьедестале тех, кто ради Отчизны не пожалел свою жизнь!

Валентин Лавров.

«Зоя. Еще раз о гибели Зои Космодемьянской»,

газ. «Московский комсомолец», 1991, 12 декабря.

ЗОЯ И КУРТ РЁМЛИНГ

Письмо боевой подруги Зои Космодемьянской Клавдии Милорадовой немецкому учителю Макс Клоссу, создавшему музей имени Зои в городе Кётен (близ Галле), автору песни о нашей землячке

Дорогой товарищ Макс Клосс!

Получила бандероль, отправленную мне Вами и Вашими юными друзьями-воспитанниками вокально-инструментальной группы. Сердечное Вам спасибо за теплые слова в мой адрес и за ту большую работу, которую Вы ведете во имя МИРА, для

счастья человечества. Я бесконечно счастлива, что вместе с Вами работают, живут вечно живые, вечно юные, не пришедшие с войны мои боевые друзья Зоя Космодемьянская и Курт Рёмлинг. Для меня они оба в одинаковой степени дороги, так как оба делали одно и то же дело — помогали старшим в борьбе с коричневой чумой — фашизмом. Есть старинная русская поговорка: «Кто за Родину сражается, защищает дело правое, тот бессмертен в памяти народной». Зоя и Курт по зову честного, юного, комсомольского сердца добровольцами пришли в партизанский отряд. Оба защищали дело правое, народное, следовательно, они и бессмертны в памяти народной, их подвиги должны быть примером честного служения народу, трудовому народу нашей планеты.

13 сентября исполнилось 60 лет вечно юной 18-летней Зое. Сколько я ни пыталась представить ее в таком возрасте — ничего не получилось, память воскрешает образ юной, необыкновенно красивой девушки. Как она была хороша! В газете «Пионерская правда» есть моя статья к 60-летию нашей Зои. Эту газету я высылаю Вам. Очень хорошая статья была в Вашей газете «Trommel». Эту газету выписывает моя внучка, и мы ее с удовольствием читаем. 29 ноября исполняется 42 года со дня героической гибели нашей Зои. 25 ноября начнутся соревнования юных гимнасток на приз Зои, они будут проходить в районе Петрищева. 25 ноября я буду давать старт, вернее, буду открывать соревнования. В 201-й школе 29 ноября будет торжественное собрание, посвященное 42-летию со дня подвига народной героини Зои Космодемьянской.

Зоя и Курт — комсомольцы-добровольцы, для которых счастье народное, свобода человечества были дороже собственной жизни. С Куртом мы познакомились в октябре 1941 года, когда нас привезли в партизанскую часть для прохождения учебного курса. Одну из комнат занимала группа юношей, недавно вернувшихся с задания. О них говорили с уважением, так как эта группа уже несколько раз побывала за линией фронта. Особенно много рассказывали нам о немецких ребятах, кстати, в этой группе, сказали нам, есть мальчишка-немец. Под предлогом попросить карандаш написать домой письмо первая в эту комнату пошла я. Юноши встретили дружелюбно, шутками, только один белокурый юноша не обращал внимания, он из-за книги, которую читал, бросил бегло взгляд и вновь углубился в чтение. Карандаш мне дали, но я не спешила уйти. Кто же из них немец? Подошла к читающему юноше, взглянула на книгу — она на немецком языке. Спросила: вы так хорошо читаете по-немецки? Юноша ответил, что это его родной язык, что он — немец. Вечером в Красном уголке все уже могли познакомиться с Куртом. Зоя попросила учить ее немецкому языку, в ответ обещала учить Курта русскому правильному произношению. Помню, Зоя однажды задала Курту вопрос, на который, мы думали, он не станет отвечать:

— Правда ли, что ты настоящий немец?

— Правда.

— А как же ты воюешь против немцев?

— А я против немцев не воюю. Наоборот, я продолжаю дело моего отца, а отец погиб за немецкий трудовой народ. Поняла?

— Да, спасибо, теперь я все поняла.

Очень недолго длилась дружба Зои и Курта. И Курт, и Зоя навсегда остались в Подмосковье, в одном районе Московской области. Оба отдали жизнь за то, чтобы были счастливы люди, чтобы на земле был мир, чтобы больше не было войн, чтобы не погибали юные, чтобы до конца своих дней не плакали матери, потерявшие самых дорогих людей — своих детей.

Спасибо Вам еще раз, дорогой товарищ Макс Клосс, за то, что оставляете в памяти народной жить тех, кто заплатил жизнью за человеческое счастье. У меня есть небольшая просьба: не могли бы Вы прислать мне слова песни о Зое на немецком языке? Заранее Вам благодарна.

С сердечным уважением и любовью К. Милорадова.

Москва, 23 ноября 1983 г.

ТАТЬЯНА, МИЛАЯ ТАТЬЯНА...

О коротком, но очень важном периоде жизни Зои Космодемьянской на базе воинской части 9903 в прифронтовом подмосковном поселке Кунцево удалось узнать от Анны Акимовны Юдиной. Каждое слово бывшей разведчицы — это новый штрих к образу и характеру Зои, новое свидетельство ее большой душевной красоты

Будучи однажды в Москве, я зашел к Любове Тимофеевне, чтобы поздравить ее с Международным женским днем. День выдался действительно весенний: все было

залито ослепительным солнечным светом, быстро таял снег, и по улицам проворно бежали ручейки. В квартире Любви Тимофеевны на Звездном бульваре, где мы беседовали, тоже было светло и празднично.

— Я могу познакомить вас с настоящей Зоиной подругой, — сказала Любовь Тимофеевна, когда речь зашла о боевых товарищах ее дочери. А через несколько минут я уже разговаривал с ней по телефону. Так состоялось мое заочное знакомство с Анной Акимовной Юдиной.

Встреча состоялась только через полгода. Я узнал ее сразу: по нагрудному знаку ветерана воинской части 9903. Да, эта женщина была рядом с Зоей, видела ее улыбку и глаза.

«Из девушек, живших со мной в одной комнате, — начала Анна Акимовна свой рассказ о тех далеких грозных днях, — первыми выехали на боевое задание Аня Курносенко и я.

Помню, в первом задании пробыли четырнадцать суток: минировали дороги и мосты — уничтожали врага и его технику. А когда все трудности и опасности этого рейда были уже позади, и мы вернулись на базу нашей части, восторгам не было конца. Особенно много смеялись при виде меня в костюме русской крестьянки, который я случайно раздобыла во время продвижения к линии фронта. Представьте себе: стою я в этом, отнюдь не военном облачении с винтовкой через плечо. Картинка что надо! Даже у самых серьезных она вызывала смех.

Когда все вдоволь насмеялись и немного утихомирились, посыпались вопросы. Мы едва успевали отвечать. Вдруг Наташа Кузнецова громко сказала:

— А вот без вас к нам прибыл новый товарищ. Познакомьтесь!

Возле печки стояла высокая, стройная девушка и молча наблюдала за нами. Она тут же подошла к нам, протянула руку и неторопливо, четко и внятно произнесла:

— Зоя Космодемьянская.

Внешне Зоя была очень привлекательной, даже красивой девушкой. Мы невольно залюбовались ею. Одета, однако, скромно. На ней было простое маркизетовое платье, перекрашенное в черный цвет. Поверх платья — пушистый светло-песочного цвета свитер домашней вязки с круглым отложным воротничком. На ногах аккуратные сапоги. Пышные темные волосы были высоко подстрижены «под мальчишку».

Зоя внимательно посмотрела на Аню и на меня. Я увидела ее спокойные, очень красивые серые глаза в темных ресницах. На смугловатом розовом лице они особенно выделялись. Длинные, пушистые ресницы словно бы творили чудо — издали Зоя казалась черноглазой.

Такой она мне и запомнилась.

А еще Зоя была скромная и сдержанная. Никакого кокетства и девичьих восторгов. В беседах всегда спокойна и уравновешена. На вопросы отвечала неспешно, видно, стараясь найти самый правильный ответ.

Запомнилась мне и наша первая беседа с Зоей.

Отдыхая после задания, я проснулась поздно вечером. В комнате кроме Зои никого не было.

— Где остальные? — спросила я ее.

— Аня, вы немного отстали от жизни. Пока вы отсутствовали, в Красном уголке открыли зал для танцев... — не без иронии поведала мне эту новость Зоя.

— Тогда скажи, пожалуйста, чего же ты не на танцах? — спросила я.

— Это сейчас не гармонирует с обстановкой, — ответила девушка, а потом строго добавила: — Сюда попали и случайные люди...

— Это почему же? — удивилась я, даже немного обидевшись за подруг.

— А потому, что некоторые наши девушки занимаются косметикой, и это тоже сейчас не гармонирует с обстановкой.

Эти Зоины замечания, довольно безжалостные к своим юным подругам, убедили меня в ее исключительной строгости к себе и окружающим, в определенном аскетизме, необходимом в дни испытаний. Еще недавно, до войны, она умела веселиться, любила танцы и красивую одежду... Теперь же Зоя всецело была устремлена на борьбу с врагом, все другое считала отвлечением от дела, от борьбы. Мне, старшей по возрасту, это было тоже примером и поддержкой.

С тех пор вечерами мы оставались с Зоей вдвоем. Зоя не ходила на танцы, не желая изменять своему твердому мнению, что это сейчас «не гармонирует с обстановкой»; я

вообще была не любительницей таких развлечений.

Отдых Зоя проводила в уединении, обычно за чтением книг. Любила поговорить на литературные темы. Иногда, читая книгу, она так и засыпала. Я, как старшая по комнате, подходила будить Зою на ужин и тихонько, трогая ее за плечо, шутливо обращалась к ней по-пушкински:

— Татьяна, милая Татьяна... Уж очень-то ты, девонька, похожа на Татьяну Ларину. Вечно с книгой и такая же смуглянка. Жаль только, косы у тебя нет, а так бы в точности была Пушкинская Таня. Зоя молча улыбалась, слушая мои слова. Какая хорошая, кроткая у нее была эта улыбка. Так приятно было смотреть на нее, нежную, добрую девочку...

Один раз перед обедом, когда девушки были в сборе и сидели на своих кроватях (из мебели у нас на всех была только одна табуретка), Зоя подошла ко мне и обратилась с просьбой:

— Аня, — сказала она, — вы старше всех нас и, наверно, знаете вот эти песни? — Она протянула мне песенник со старыми революционными песнями.

Я перелистала сборник, встала, облокотилась на Зоину кровать и, не обращая ни на кого внимания, стала петь подряд: «Отречемся от старого мира», «Смело, товарищи, в ногу»...

Пение прервала команда на обед. А одна из девушек заметила мне с ехидцей:

— Аня, пели вы, прямо скажем, неплохо, с чувством, только вот все песни на один мотив.

— Может быть, и так, — сказала я. — Как умела, так и пела.

При этих словах девушки весело рассмеялись. Не смеялась только Зоя, даже не улыбнулась, а встала и самым серьезным образом поблагодарила меня за мое не очень-то хорошее исполнение.

— Ты пела от сердца, — сказала она тихо.

Однажды вечером Зоя попросила меня пройтись с ней по коридору. Когда мы вышли из комнаты, Зоя взяла меня под руку и доверительно сказала:

— Аня, какой у нас внимательный командир (воинской частью 9903 особого назначения командовал майор, впоследствии полковник, Артур Карлович Спрогис. — **О. К.**). Сегодня утром я иду, а он остановил меня и говорит: «Космодемьянская, что это вы голову повесили, зайдите ко мне в кабинет».

Я зашла, а он меня спрашивает: «Не надумали ли вернуться домой?» «Ни в коем случае», — отвечаю.

«Тогда почему плохое настроение?»

Я сказала, что соскучилась по маме.

«Хорошо, товарищ Космодемьянская, — ответил Артур Карлович, — если завтра не будет указания отправлять разведчиков на задание, я разрешу вам съездить домой на машине, которая должна пойти в Москву за продуктами».

Я вдруг увидела и ощутила, как мне показалось, совсем другую Зою, не ту гордую Татьяну, но нежную, совсем еще девочку, которая при всей своей терпимости к нашим труднейшим условиям, при всей своей сдержанности, может так по-детски грустить по дому, мечтать о встрече с мамой, быть может, даже всплакнуть... Как это было непохоже на нее, и так понятно теперь мне, ведь она так и не повидалась с матерью.

На следующий день после нашего разговора я была вызвана к командиру части майору Спрогису. Он приказал мне готовиться идти завтра на задание и тут же выписал необходимую для похода одежду. Но мне для моего небольшого роста было очень трудно подобрать что-либо подходящее, и я долго провозилась в поисках на складе. Когда вернулась в нашу комнату, там уже никого не было.

Я уселась на свою кровать и стала подгонять ватник по росту. Вдруг слышу за спиной шаги, обернулась — передо мной стояла Зоя с рюкзаком за плечами, готовая к боевому походу...

Зоя быстро поцеловала меня в лоб, и не успела я опомниться, как она выбежала вон. В окно светило солнце, и было слышно, как со двора выезжали машины... С тех пор я Зою больше не видела».

В те крайне тревожные и тяжелые дни ноября сорок первого года уходили за линию фронта, в тыл врага, отряды комсомольцев-разведчиков. В одном из них была Зоя Космодемьянская. Своими неожиданными ударами из тыла отважные советские патриоты помогали Красной Армии уничтожать фашистских захватчиков.

Олег Коротцев.

Действительный член

Всесоюзного астроном-геодезического общества,

лауреат диплома имени Юрия Гагарина

В ИХ ОТРЯДЕ СРАЖАЛАСЬ ЗОЯ

Несколько лет назад один бывший фронтовик сказал как-то мне:

— А ведь Борис Крайнов, командир партизанского отряда, в котором служила Зоя Космодемьянская, — наш земляк, ярославец. Почему бы вам не написать о нем?

Я решил начать сбор материалов о своем земляке. Было известно, что Борис Крайнов погиб в одном из боев, что родители его живут в Ярославле, в Суздальском поселке.

Достал адреса всех Крайновых — их оказалось более пятидесяти. После долгих поисков заглянул и в небольшой домик на улице Писемского, где я встретил старшего брата Бориса Крайнова и его мать. Подвижная старушка очень обрадовалась, узнав, что где-то заинтересовались судьбой ее сына.

Прежде всего нужно было уточнить: тот ли Борис, которого я ищу. Я попросил показать его письма. Краткие весточки: «Жив и здоров», «Обо мне не беспокойтесь» — ничего не говорили. И вдруг фраза: «Если вы читали о Герое Советского Союза Зое Космодемьянской, так она из моего отряда». Первое подтверждение!

Кто может лучше всего знать о Зое Космодемьянской и ее друзьях, как не самый близкий Зое человек — ее мать! Я написал Л. Т. Космодемьянской. Вот что она ответила: «С Крайновым Борисом я встречалась на похоронах Зои. Меня познакомили с ним в крематории. Сейчас я представляю его стоящим у гроба Зои. Он мне показался слишком юным для командира отряда. Очень скромный, с голубыми глазами и светлыми волосами. Только военная шинель придавала ему некоторую солидность...»

Голубые глаза и светлые волосы... Да, это Борис Крайнов (в детстве мать его даже

называла: «Серебряный мой!»)

По совету Л. Т. Космодемьянской, я начал переписку с Клавдией Милорадовой, сражавшейся в одном отряде с Зоей. Совершенно неожиданно получил письмо от незнакомого мне Г. Курбатова — бывшего разведчика с Западного фронта. Пришли весточки из Львова, из Щербакова, от бывших соратников Зои и Бориса — Ивана Колесникова и Лидии Булгиной. Вот по всем этим письмам и стал вырисовываться портрет мужественного партизана, командира отряда Бориса Крайнова.

Война застала его на комсомольской работе в Ярославле. Борису шел тогда девятнадцатый год. Когда гитлеровцы подходили к Москве, из молодежи стали создаваться подрывные группы для работы в тылу врага. Бывший участник обороны Москвы, ныне капитан Советской Армии Иван Колесников вспоминает, как его вызывали в Ярославский обком комсомола и предложили пойти в тыл врага. Почти никто не отказывался. Одну из групп в составе семидесяти человек сопровождал Борис Крайнов. Ему было строго наказано возвратиться в Ярославль. По дороге в Москву Борис в дружеской беседе с Колесниковым несколько раз говорил о своем желании стать партизаном. В ЦК комсомола он настоял на своем.

В волжском городе Щербакове я разыскал соратницу Зои — бывшую партизанку Лидию Булгину. Эта женщина лет 36, высокая, с волевым лицом. Она много лет работает на Щербаковской фабрике вторичного сырья. Никто из соседей по цеху даже не подозревает, что Лидия Булгина прошла трудный и славный путь партизанки.

— Я не люблю говорить об этом, — призналась она мне. — Еще подумают, что хочу выделить себя.

Лида рассказала, как осенью 1941 года на станции Жаворонки, под Москвой, учились будущие партизаны. 16 октября 1941 года они получили гранаты, личное оружие, сухой паек и двинулись в путь. Только отъехали, как в деревне Шаликово встретили отступающих бойцов. Вскоре показались немецкие мотоциклисты. Вступить в бой нельзя: у отряда была иная задача. И вот группа в двадцать человек под командой Бориса Крайнова пробирается болотом в тыл врага. С дороги раздается стрельба. На рассвете группа вышла к Верейскому шоссе. Первое боевое дело — установили на шоссе несколько противотанковых мин.

Многое увидели комсомольцы в тылу врага. В большом селе присутствовали на сходке, где гитлеровцы объявили о свержении советской власти и роспуске колхозов. Перед молчаливой толпой был расстрелян крестьянин за неповиновение фашистским

порядкам. В те трудные для отряда дни, когда половина людей была ранена, когда кончились продукты, Борис Крайнов показал исключительную выдержку. Он помогал уставшим бойцам вести разведку и подрывную работу, заботился о раненых.

Приближался праздник — 7 ноября. Выполнив задание, группа решила выходить к своим. Внезапно начался дождь. Тонкий лед на реке Наре накрылся водой.

— Мы, девчата, — вспоминает Лида Булгина, — стали просить у командира лодку, так как у Наташи Самойлович была ранена рука, а Воронина Аля не умела плавать. Лодку найти не удалось. Начали плести из прутьев маты, чтобы положить их на лед. Из этой затеи ничего не вышло, — маты тонули. Когда ломали в лесу кусты, подняли шум. Со стороны наших войск группу обстреляли из пулемета. Обнаружил нас и противник. Два бойца под огнем стали прорубать лед, чтобы можно было пуститься вплавь. Наташа Самойлович, приземистая, курносая девушка, обратилась к подругам: «Поплывем!» И вот разделась на снегу, белье связали в плащпалатку. Бросились в воду. Холод пронизывал все тело, ноги сводило... Наташа Самойлович гребла одной рукой, то и дело погружаясь в воду с головой. Первые перебравшиеся бойцы подали нам шесты.

На берегу остались неумевшая плавать Аля Воронина и командир отряда. Он не захотел оставить ее одну.

По рассказам Али, Борис пошел вдоль берега по направлению к деревне, занятой противником. Рядом в окопах слышалась чужая речь. Почти под носом у солдат Борис приметил полузатонувшую лодку, вылил из нее воду и поплыл, отталкиваясь шестом. Недалеко от берега лодка затонула, и Аля с Борисом не избежали ледяной купели.

Где же сейчас смелая Наташа Самойлович, увлекшая за собой девчат? Я разыскал ее в Москве, в Останкине. Тринадцать лет она работает инженером-нормировщиком на Ростокинской камвольно-отделочной фабрике. И это является большим ее подвигом. Наташа вернулась с фронта инвалидом: у нее были перебиты ноги и поврежден позвоночник. Девушке грозило медленное угасание... Но она так же решительно, как бросилась когда-то в ледяную Нару, начала борьбу с болезнью.

— Много раз я твердила себе, что нельзя сидеть без дела! — рассказывала она мне. — Я стала надомницей, вязала кофточки для артели и старалась забыть о недуге. Затем ко мне пришли с камвольной фабрики и предложили работу нормировщицы. Несмотря на костыли, я пошла в цех. А сейчас, как видите, вполне здорова, имею детей.

— Если бы не Лида Булгина, — сказала мне Наташа, — я утонула бы, наверное. Лида

все время поддерживала меня в воде да еще толкала впереди себя плащпалатку с одеждой...

Первый поход очень сдружил всех его участников. В штабе им предоставили выбор: кто желает, может перейти на другую работу, но никто не изменил партизанской судьбе.

Партизаны стали готовиться ко второму походу. Командиром снова был назначен Борис Крайнов, его заместителем — ярославец Павел Проворов. Еще тогда Лида Булгина заметила, что в отряде все парни — ярославцы, а девчата — москвички. Павел Проворов, черноволосый красавец с карими глазами, смеясь говорил девушкам:

— Держитесь за нас. Мы, ярославцы, — народ крепкий! Все выдержим!

Группа снаряжалась в тыл, в район Вереи. Клавдия Милорадова, которая работает сейчас в Москве, рассказывала мне:

— Ребята были одеты в ватные брюки и телогрейки, в валенки зеленого цвета. Эти валенки мы в шутку окрестили водонепроницаемыми. Все — и парни, и девчата — были обвешаны гранатами, через плечо перекинута сумка, в ней — бутылки с горючей смесью. Наши мешки, кроме продуктов, были набиты толлом, минами, термитными шариками и термитными спичками. У ребят винтовки, а у девушек на ремне наганы. Зоя Космодемьянская была одета в коричневое пальто с черным воротником, в сапогах. Головной убор заменял подшлемник — очень теплый, пушистый. Зоя была неразговорчивая и упрямая. Многие советовали ей надеть шинель, но она решительно отказалась: «Не хочу быть мишенью!» В сапогах она мерзла, и Борис учил ее солдатской науке — обращаться с портянками.

Перейти фронт было труднее, чем в первый раз. Группе дали двух проводников-разведчиков. Шли гуськом, затылок в затылок. Впереди — Борис, замыкал колонну Павел. Связой между разведчиками-проводниками и группой была Вера Волошина — белокурая, стройная сибирячка из Кемерово, московская студентка.

По сигналу Веры группа остановилась. Борис скомандовал: «Ложись!», а сам ушел вперед. Через несколько минут над головами партизан засвистели пули. Пронесли раненого проводника. Когда стрельба затихла, Крайнев приказал подняться. Снова пошли гуськом, прислушиваясь к каждому шороху. Впереди, разведывая дорогу, находились Вера Волошина и Наташа Самойлович. Рассвет застал партизан далеко за линией фронта.

Наступило утро 18 ноября. Борис выбрал густые заросли молодого ельника, расставил часовых, послал четырех девушек в разведку, остальные поели всухомятку и легли спать.

Это была первая разведка Зои Космодемьянской. Она шла в паре с Клавой Милорадовой. Хотя внешне Зоя ничем не выделялась среди подруг, Клава запомнила ее по какой-то особой сосредоточенности, стремлению тщательно выполнить первое задание. Девушки обошли лес — повсюду тишина и безлюдье. Когда вернулись, доложили командиру обстановку. Он коротко сказал:

— Спасибо, закусите — и спать!

Партизаны шли днем и ночью, останавливались только на короткие привалы. Клава Милорадова рассказывает о Крайнове:

— Когда он спал, не знаю! Когда я засыпала, он что-то проверял по компасу, по карте. Нас будили — он стоял уже наготове и ждал, когда мы выстроимся.

...Страшные морозы и бессонные ночи не сломили волю молодых партизан. Дисциплина была строгая, но сознательная, комсомольская. Бойцов мучила жажда: воды достать негде. Земля чуть припорошена снегом, ручейки замерзли. В одном месте сумели кинжалами продолбить ямку в ручье и напились холодной горьковатой воды. Третьи сутки были партизаны в тылу у врага, но ничего еще не успели сделать. Партизанская судьба обманчива: стремишься иногда поймать врага в ловушку, а попадаешь в нее сам. В таком положении отряд оказался на третьи сутки похода.

Ночь. Деревня далеко. Партизаны вышли из лесу и хотели перейти поляну. Здесь их ждала засада. Когда выбрались на бугор, кругом со всех сторон началась стрельба. Борис вполголоса крикнул: «Перебежкой, за мной!» Клава и Зоя бежали следом за командиром. Поляна казалась бесконечной. Когда добрались до леса, не досчитались десяти человек: иные погибли, иные ушли в другую сторону. Не стало больше Веры Волошиной, всегда шедшей впереди отряда.

К ночи заболел Павел Проворов — распухло горло, поднялась температура, но он не подавал виду. Впереди группы теперь шли Клава Милорадова и Зоя Космодемьянская. Каждый раз после привала Борис подзывал их, доставал карту, намечал ориентиры.

Группа двигалась к Петрищеву. Лида Булгина вспоминает:

— Сухари в мешке перемешались с толом и стали горькими. Греясь у костров, многие

прожгли шинели. «Водонепроницаемые» валенки разваливались. Но никто из девушек не проронил ни слова, только ненависть кипела в сердцах.

Гитлеровцы искали партизан, которые мешали их натиску на советскую столицу. Много таких групп, как группа Крайнова, скрывалось в лесах Подмосковья, нанося удары по врагу.

Вскоре отряд получил особое задание. Из ближайших к фронту деревень немцы угнали все население и расположили там свои боевые части. Партизаны должны были пожарами ориентировать нашу авиацию на эти части.

В селе Петрищеве, по слухам, находился крупный штаб. Туда и спешили комсомольцы. Но путь их был нелегким. Из разведки не вернулись Клава Милорадова и Лида Булгина: им пришлось уйти в сторону и одним пробираться к своим.

На боевые задания Борис Крайнов посылал только парней. Однако Зоя все время настойчиво требовала «настоящего дела». В ночь с 27 на 28 ноября Зоя подожгла конюшню, а Борис — дом, где размещались немецкие солдаты. Борису пришлось отходить одному. Зою ждали три дня. Отряд без нее продолжал рейд по тылам врага. Партизаны не знали, какие муки испытала Зоя в эти дни...

Борис Крайнов, Павел Проворов, Клава Милорадова и другие еще дважды выходили на задание — в район Рузы и в Кармановский район. Была суровая зима. Партизаны продвигались на лыжах. Под селением Пустой Вторник группа попала в засаду. Чтобы отвлечь внимание противника и дать бойцам выйти из ловушки, Павел Проворов на виду у немцев ушел в другую сторону и вызвал огонь на себя. Так погиб этот черноволосый ярославский парень, воспитанный в детском доме.

Борис Крайнов еще долго воевал в партизанских отрядах. В 1942 году он руководил специальной разведывательной группой в тылу врага в районе Полоцка-Витебска-Невеля. Он погиб под Ленинградом 5 марта 1943 года.

Его бывший заместитель Г. Курбатов пишет мне: «Этот человек всегда вызывал у меня безмерное восхищение, на всю жизнь оставшись в памяти героем и патриотом. До боли обидно, что такой яркий человек, как Борис Крайнов, его жизнь, его действия в трудных условиях вражеского тыла остались известными только небольшому кругу товарищей по оружию».

Именно эти слова помогали мне вести розыски материалов, идти по забытому

партизанскому следу. Но сделаны мною только первые шаги.

Евгений Савинов.

г. Ярославль.

«Литературная газета», 11 декабря 1956 г.

ВСПОМИНАЕТ КЛАВДИЯ МИЛОРАДОВА

«...Прокричали репродукторы беду». Сколько волнующих воспоминаний пробуждают эти слова из песни в сердцах тех, чья память хранит для нас с вами подлинные свидетельства о Великой Отечественной войне! В районе «Сокол» города Москвы живет Клавдия Александровна Милорадова, встретившая лето 41-го в Москве. Студентка педагогического института собиралась стать учителем-словесником. Стала партизанкой, выполнявшей первое задание вместе с Зоей Космодемьянской.

Рассказывает К. А. Милорадова:

В июне 41-го уже не было студентов, все рвались на фронт. На фронт не брали, и молодежь пошла на заводы, чтобы заменить ушедших на фронт, и с гордостью называли себя рабочими. С 1 июля я стала работать на 37-м заводе (теперь это завод им. Орджоникидзе на Преображенке). Была распрередом (распределителем работ) в термическом цехе, вечно ходила черная, грязная, как кочегар. Вернее, не ходила, а бегала. У меня был пропуск во все цеха, включая сборку и полигон. Был на заводском дворе маленький деревянный домик, там жили вышедшие из госпиталя танкисты. Израненные, изуродованные лица... Они торопили: «Давайте танки!» Комсомольская организация постановила: неурочно давать наш, комсомольский танк. Следовательно, работали по 17 часов. Спали там же. Ложишься на обтирочные тряпки и так сладко поспишь часов 5 — и снова работать.

Октябрь. Кто-то пустил слух: в Химки ворвался немецкий танк. Так и было: один ошалелый танкист, имевший при себе билет на парад фашистов на Красной площади, влетел в Химки, где тут же его уничтожили. Но в Москве поднялась паника. Враг был у самого порога Москвы. Волоколамск занят. Началась эвакуация нашего завода.

Влетела в механический цех: полная тишина! Рабочие снимали станки, смазывали их солидолом, грузили на платформы и отправляли в Куйбышев. Мы получили увесистые пачки денег — подъемные и зарплату, не так, как сейчас, когда зарплату по полгода не платят. Давали в дорогу продукты, очень хорошие, эвакуационное свидетельство. Предупредили: завтра к вечеру быть на Казанском вокзале, уходит эшелон с людьми. Вот тут я увидела самое страшное. Иду пешком с Преображенки в Сокольники. Там, среди деревянных домиков, всегда чистенько было, палисадники ухоженные. А тут — клочки бумаги ветер разносит, кругом грязь. Только окна домов смотрели на меня, как живые, и как будто говорили: «Что, уезжаешь? Бросаешь?» Села на скамью, разрыдалась. Прямо рядом со мной сели двое мужчин. Тот, кто помоложе, рассказывает другому: «Только что был в райкоме, записался в ополчение. Я не эвакуируюсь!» Я бегом в райком комсомола, что был рядом с метро. Вбегаю, все двери раскрыты, кругом клочки бумаг. Врываюсь в кабинет секретаря райкома Гриши Коварского, говорю: «Давай путевку на фронт!» «Ты откуда?» — спрашивает. «С 37-го!» — «Повезешь завтра документы и учетные карточки в Куйбышев!» — «Вези сам, сам!» — кричу. — Мне давай путевку!» Разгружаю свой рюкзак: «Это икра, это маслице, это деньги! Забирай, мне не нужно, мне путевку давай!»

Не заметила, как вошел 2-й секретарь по военной работе Женька Ковальков. Говорит: «Гриша, дай ей то, что в столе! Ей в самый раз туда». Гриша отодвигает ящик, протягивает мне запечатанный конверт. «Здесь спецпутевка комсомола. Завтра в 14.00 приходи в здание ЦК, на комиссию».

31 октября на комиссии нас принимали секретарь горкома комсомола Саша Шелепин и военные. Задавали вопросы каверзные, спрашивали, выдержим ли, если схватят, пытать будут... На комиссию тогда пришла Зоя...

...Потом назначили на следующий день сбор в 12.00 в кинотеатре «Колизей» на Чистых прудах, 21 девушка и 2 юноши отправились в часть. В те дни Москву уже бомбили фашистские самолеты. Ехали на грузовике. Видели, как москвичи копали траншеи. Даже дети таскали мешочки с песком и складывали их как кирпичи, сооружали укрепления. Уж этих-то никто не посылал. Но люди понимали: Москва была в опасности, а она была нам дороже всего на белом свете.

В части началась учеба. Ускоренными темпами нас учили стрельбе, хождению по азимуту, с картой, без карты, взрывному делу, «снятию» часовых. Мы ведь и холодным оружием научились владеть. Потом нас признали годными к выполнению заданий. Первым нашим командиром был «дядя Миша», он нам показался очень старым: еще бы — 34 года! В группе — 12 человек: 8 мальчишек и 4 девочки — Лида Королева, Валечка

Зоричева, Зоя и я. Первое задание выполняли под Волоколамском. На 3 дня раньше в том же направлении ушла группа Кости Пахомова, 8 человек. При случае мы должны были с ними соединиться. Привез нас сопровождающий офицер капитан Федя Батулин, впоследствии — генерал-майор Батулин, умер он... Мы остались с группой бойцов, они жгли костер у станции Дубосеково. Офицер спросил Зою: «Ты кто будешь? Медсестра?» Зоя ответила: «Партизаны мы». — «А до войны кем была?» — «В 10-й класс перешла...». Офицер обратился к бойцам: «Ребята! Слышите! Школьницы на смерть идут...». Потом мы узнали, что это бойцы из тех 28 панфиловцев, которые погибли, но не пропустили фашистов в Москву. А тогда накормили нас печеной картошкой, проводили немного. Между станцией Дубосеково и Горюны мы перешли линию фронта.

Двое суток шли спокойно, хотя одежда промокла и обледенела. Мы шли в своих пальто, в чем приехали. На 4-е сутки, в ночь с 6 на 7 ноября, начали выполнять полученное задание. Минировали дорогу Шаховская-Князьки Горы. Мы ставили совсем новые натяжные мины конструктора Старикова. Взрывали мосты. Натянули провод на дороге, подстерегли мчавшегося фашистского мотоциклиста, свалили, взяли его полевую сумку. Вернулись через линию фронта на 7-й день, такой срок нам дали для выполнения задания, мы в него уложились. Принесли в часть тяжелую весть: группа Пахомова, с которой мы хотели соединиться, и среди них — две наших подружки — Женя Полтавская и Шурочка Грибкова, студентки Художественного училища им. Калинина, приняли неравный бой на Волоколамском кладбище. Тяжело раненые, они были схвачены фашистами, выдержали невероятные пытки. Все восемь были повешены в Волоколамске.

В штабе доложили обо всем виденном. Нам дали машину и повезли в Москву. А Зоя, когда подрывали мост, наступила на гнилую балку и провалилась в ледяную ноябрьскую воду.

Температура у нее была высокая, сильно болело ухо. Зоя умоляла не отдавать ее в госпиталь. Просила: «Везите меня только в часть!» Наш врач за неделю вылечил ее, а еще через неделю снова вызвали в Красный уголок Зою и меня да еще 2 девочек. Мы вошли в группу Павлуши Проворова из 10 человек. Ему было 18 лет. Другая группа была у Бориса Крайнова, тоже 18-летнего. Горком комсомола Ярославля направил их на подмогу комсомольцам Москвы. Поезда уже не ходили, и они добрались до Москвы пешком. В нашей группе, кроме нас с Зоей, были комсорг Вера Волошина и Наташа Обуховская. Наталочку мы этой весной хоронили... В группе Крайнова — тоже 10 человек. Из девочек — Аня Воронина, комсорг Наташа Самойлович, Лида Булгина и Клава Лебедева.

Через р. Нару нас переправляли разведчики знаменитой 32-й Восточной дивизии, той, что до войны была 27-й. Предупредили нас: «Головково обходите! Опасно!» На 3-й сутки вышли к Головковскому полю. Стали совещаться: обходить — потеряем больше суток. Идем напрямую! Ночь. Вперед выслали разведку. Только на взгорок вышли — перекрестный огонь. Крайнов скомандовал: «Перебежкой — за мной!» Когда собрались на опушке, оказалось, что шло 20 человек, осталось только 10. Зоя попросилась выползти посмотреть, нет ли раненых. С кем-то из мальчиков нашли убитого, но опознать не смогли. На наши позывные никто не ответил. Решили: этим составом двигаться и выполнять задание. Резали связь. В Анашкино подожгли межштабной узел связи. В деревне Мишинка ночью увидели, что в маленькой школе фашистские офицеры устроили кутеж. Круглую ночь они орали, песни пели. Даже патрули ходили вдребезги пьяные. Напоролись мы на часового, а он спяну полез к нам обниматься. Часового бесшумно «сняли», подперли двери кольями, облили проемы окон и дверей горючей жидкостью КС-3, подожгли и ушли. Фашисты на фронт не вернулись.

Петрищево перед нами. На опушке я встретила мальчика. Хворост вез. Сказал, что это Петрищево. Я назвалась беженкой. Была в гражданском, сапоги на мне были яловые, крестьянские. Потом Боря Крайнов (мы его выбрали командиром, а Павлушку — заместителем) послал Лиду Булгину и меня в разведку. Мы отошли метров на 400 — засада! Стали уходить. Нас преследовали. Потом группу свою мы так и не смогли найти: ведь они услышали, что немцы стали поблизости стрелять, и снялись. В ту же ночь Зоя ушла в Петрищево. Больше я ее не видела — живую... Видела мертвую, но уже 3 февраля 1942 года...

Когда мы прочитали в «Правде» статью Лидова «Таня», то сказали командиру части: «Это не Таня, это — наша Зоя!» Когда приехали в Петрищево, вижу, тот мальчик идет, который встретился мне в ноябре 41-го. «А ты говорила — беженка!» — повернулся и убежал, а вскоре вернулся. Протягивает мне варежки Зоины, они остались в избе Седовой, куда ее с самого начала привели. Достаяю из карманов такие же... Это нам с Зоей достался подарок от ребятишек из Горьковского детдома. В них было припрятано по 10 конфет-подушечек, завернутых в бумажку. Дети от себя отрывали для девушек-бойцов. Потом пошли к могиле. Мама Зоина, Любовь Тимофеевна, с нами идет, впервые я увидела Сашу, Зоиною брата младшего. Идут Шелепин с командиром части, врач военно-медицинской экспертизы. Подходим. Уже вырыли Зою из могилы. Сорванная с петель дверь, на ней лежит труп. Волосы забиты снегом. Исколотое штыками тело, срезанная грудь. У мертвой отрезали, издевались над трупом. Ногти вырваны, на пальцах выцветшая кровь. Когда перевернули — сплошь иссеченное, в запекшейся крови тело. Толстая обрезанная веревка на шее. Подошел врач: «Какие приметы

помнишь?» Я молчу, горло сжалось. Он меня тряхнул: «Ты боец или нет?!» Говорю: «На левой ноге через колено и вниз — шрам. Это она в детстве еще в Осиновых Гаях от быка спасалась и полезла через колючую проволоку. Долго не заживало. Зоя мне об этом рассказывала...» Чуть стянули чулок на окоченевшей ноге: этот самый шрам... Никаких сомнений у нас не было: это Зоя! Какое лицо у нее было: как у спокойно спящего человека... Зою оставили там, в могиле. Мы в Москве с Борей Крайновым поставили свои подписи под актом эксгумации. Зимой 42-го наш командир отобрал тех немногих девушек, которые вернулись с задания, и начал их готовить к серьезному броску — в Белоруссию. Помню, как в апреле пришла новенькая: маленькая девушка с косичками-хвостиками — Нина Молий. Пришла по комсомольскому призыву: «Отомстим за Зою!» Я, как уже обстрелянная, взялась ее учить всем нашим боевым премудростям. Говорю: «Будешь теперь моей дочкой!» Весной 5 мая мы поехали в Петрищево за Зоей. Надо было ее похоронить как подобает. Мы понимали, что земля уже сильно подтаяла, и труп трудно будет обрядить. Инструктор МК ВЛКСМ Лида Сергеева взяла с собой несколько метров голубого крепдешина. Когда мы пеленали Зою в голубую полупрозрачную ткань, бабы петрищевские выли в крик... Потом была кремация. Тяжело это было, ужасно...

В ночь с 14 на 15 мая мы вылетели в тыл, на глубокую усадку в Белоруссию. С собой я взяла листовку со статьей Лидова «Таня».

Клавдия Милорадова.

Сб. «Жизнь и подвиг Зою», М., 1998 г., стр. 16.

ВРАГ СТОЯЛ ПОД МОСКВОЙ

В одном отряде с Зоей Космодемьянской была и Нора Александровна Смирнова, наша землячка — уроженка Моршанска. Обе девушки по зову сердца, по призыву комсомола добровольцами ушли на фронт, обе неоднократно выполняли задания в тылу врага. Правда, в одной боевой группе тамбовчанкам встретиться не пришлось, но они знали друг друга и делали одно общее дело.

Бывшая партизанка и фронтовичка Нора Смирнова долгое время занималась

сбором и изучением материалов, документов тех лет

Командир разведывательно-диверсионной группы М. Н. Соколов внимательно прочитал листок с текстом задания и, расписавшись, вернул его начальнику штаба части. На 12 человек, уходивших в тыл врага, возлагался большой объем работы. Отводилось на нее десять дней. Задание считалось выполненным, если будет уничтожено 5—7 автомашин и мотоциклов, 2-3 моста, сожжено 1-2 склада с горючим, боеприпасами, уничтожено 15-20 офицеров и солдат противника...

На следующий день, получив боеприпасы и продукты, группа отбыла на задание. Пожелать успехов вышли командир части А. К. Спрогис и комиссар Н. Д. Дронов. Машину до линии фронта сопровождал Ф. П. Батулин (впоследствии — генерал-майор). В группе были четыре девушки: Зоя, Валя Зоричева, Клава Милорадова и Лида Королева.

В ту осень рано наступили холода. В начале ноября уже лежал снег. Одеты были в свое, только на ногах — кирзовые сапоги. Зоя простудилась. У нее началось воспаление среднего уха. Но она стойко переносила боль и только потихоньку сетовала, почему командир не всех посылает на диверсии. Праздник 7 ноября встретили в лесу, «под елкой», но во вражеском тылу. Шли медленно, ориентируясь по компасу и карте. На четвертый день «дядя Миша» (так партизаны про себя звали Соколова), как всегда, послал двух бойцов в разведку. Ждали долго, не трогаясь с места. Разведчики не вернулись. Отправил за ними еще двоих. И они пропали. Решили идти всем отрядом в том направлении, куда ушли разведчики. Через час-полтора группу окликнули: «Стой! Кто идет?» Оказалось, что вышли в расположение наших танкистов. Они же задержали и высланных ранее разведчиков. Узнав, что у группы еще остались мины и тол, танкисты стали уговаривать отдать им взрывчатку: нужно заминировать нейтральную полосу, а нечем. После некоторого колебания Соколов согласился.

Кончились и продукты. Углубляться дальше в тыл без взрывчатки и продуктов? Командир принимает решение возвращаться на базу. Зоя была расстроена: «Ни одного немца не убили!» Она не знала, что Спрогис, напутствуя командира, сказал: «В открытый бой не вступайте. Берегите людей!»

Группа «дяди Миши» вернулась в Кунцево. Зоя пошла к врачу: к следующему заданию нужно быть здоровой. 15 ноября она написала коротенькую весточку домой: «Здравствуйте, дорогие мама и Шура. Жду от вас весточки. Это у меня к вам второе письмо. Я жива и здорова. Ваша Зоя. P.S. Мамочка! Жду ответа и посылаю свой адрес: 736, полевая почта, Почтовый ящик 14, майору Спрогис, для Космодемьянской Зои

Анатольевны». Сдержанные, скупые строчки последнего письма. А Вале Зоричевой, с которой каталась на лыжах, печально сказала, когда они, устав, присели отдохнуть на одну из берез, срезанных толовой шашкой при обучении подрывному делу: «Я так хочу поехать домой, повидаться с мамой». Не пришлось. После передышки на второе задание (уже на Можайском направлении) было сформировано две группы. Зоя и еще три девушки — Вера Волошина, Клавдия Милорадова, Наташа Обуховская — входили в ту, которую возглавил Павел Проворов. Сопровождал их М. Н. Клейменов. Красивый, сероглазый, русоволосый, он отличался особой интеллигентностью и скромностью, что не мешало ему быть прекрасным разведчиком-профессионалом. Знала ли Зоя, что он ее близкий земляк — тоже тамбовский, тоже из Пичаевского района, только село другое — Подъем? Миша Клейменов погиб осенью 1942 года на Смоленщине...

Зима установилась снежная, морозная. Партизаны получили валенки, телогрейки, теплое белье, свитера, шерстяные подшлемники. Зоя же пошла на задание в кирзовых сапогах и своем пальто. «Так будет лучше ходить в разведку», — объяснила она подругам. Температура в те дни опустилась ниже 20 градусов. Особенно страдала от холода Зоя, хотя она и старалась не подавать виду. Да ведь подруг не проведешь. И вот кто-то отдал ей свой свитер, кто-то шерстяные носки. За первую ночь отряд прошел около 20 километров. На дневку остановились в заросшем кустарником глубоком овраге. С наступлением темноты снова двинулись в путь, предполагая до рассвета достичь Верейского шоссе. Уже перед рассветом, когда партизаны переходили поляну, их обстреляли. Выйдя из-под обстрела, не досчитались семи человек, которые составляли головное охранение. Поиски потерявшихся ничего не дали. Борис Крайнов (руководитель первой группы) и Павел Проворов приняли решение действовать вместе. Шли к деревне Петрищево, где располагался штаб 332-го полка 197-й пехотной дивизии противника. По пути разбрасывали колючки и минировали проселочные дороги, где днем шло оживленное движение вражеской техники.

Ночевали на снегу, костров не разводили. Многие бойцы простудились. Заболел и Павел Проворов. Решили больных отправить домой. С Крайновым остались лишь два человека — Зоя Космодемьянская и Василий Клубков. Из донесения Бориса Крайнова командованию части: «...Со мной остались Космодемьянская и Клубков. Я решил с двумя товарищами поджигать объекты. Дошли до Петрищева и зажгли четыре дома, на место сбора Клубков и Космодемьянская не явились, ждал до утра. После решил идти до части. В районе дет. коммуны Мякишево перешел линию фронта 29 ноября 1941 г.»

Теперь мы хорошо знаем, что и как было дальше с Зоей...

Нора Смирнова.

«За землю, которая зовется советской страной».

Газ. «Тамбовская правда», 1986, 29 ноября.

ЕЁ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

...Это было 28 ноября 1941 года. Часов в десять вечера в мою избу привели девушку — босую, в нижней рубашке, без платка. Губы у неё были искусаны в кровь и вздулись, на лбу синяк. В избе находились 25 фашистских солдат. Девушку посадили на край скамейки. Фашисты стали пинать её ногами, трепать за волосы, бить по лицу. Один солдат, закурил и спичку потушил о её тело. Зоя не вскрикнула, она только поморщилась. Это понравилось фашистам. Они стали тушить о её тело горящие папиросы. Опять ни стоны, ни крика. Зоя попросила пить. Вместо воды один из немцев поднёс горящую керосиновую лампу без стекла и обжёг ей подбородок. Зоя отшатнулась, но промолчала, фашисты вокруг захохотали.

Так продолжалось до тех пор, пока солдатня не улеглась спать. С Зоей остался молоденький немец-часовой. На груди у фашиста висел автомат. Он привязал длинную верёвку к скрученным рукам Зои и пинком ноги отворил дверь. Показав автоматом на выход, вывел девушку, босую и раздетую, на мороз. Изверг гонял девушку по улице Петрищева до тех пор, пока сам не замёрз. Через 10-15 минут, отогревшись, часовой снова выводил девушку на мороз. Так продолжалось с десяти вечера до трёх часов ночи, ноги у Зои распухли и посинели. В жарко натопленной избе они отогревались и болели особенно сильно. А Зоя лишь пошевелит ногами, потрёт одна о другую и молчит. В это время я находилась с детьми на печи и по будильнику, установленному немцами на тумбочке, видела, сколько времени девушка находилась на морозе.

Когда немец-часовой приводил Зою с улицы в избу, то сажал её на край скамьи и верёвкой привязывал к дверной скобе. В три часа ночи заступил другой часовой. Зое было разрешено прилечь на скамью. На этой скамье провела она ночь перед казнью. В настоящее время эта скамья хранится в музее Зои Космодемьянской в нашей деревне Петрищево.

29 ноября, очень рано утром я вышла на улицу и увидела, что фашисты сколотили виселицу. Я поняла, что они хотят повесить юную партизанку и решила узнать, где

живут ее родители, чтобы после войны сообщить им о судьбе дочери. В семь часов утра мне удалось с ней поговорить. Я спросила её:

— Откуда ты?

— Из Москвы.

— Как тебя зовут?

Зоя промолчала. После второго вопроса с досадой проговорила: «Зачем вам это знать, тётенька?» А затем я услышала от неё: «Победа всё равно будет за нами. Пусть они меня расстреляют, пусть эти изверги надо мной издеваются, но все равно нас всех не расстреляют!»

Во время разговора присутствовало несколько солдат-немцев, но они русского языка не знали. Но вот в избу вошли офицеры с переводчиком. Мою семью выгнали на улицу.

После допроса мне было разрешено войти в избу. Я увидела, что Зоя сидела на полу, около неё была лужа крови. Встать она не могла. Фашисты принесли с улицы куртку, мокрые брюки. Эти брюки она одеть сама не смогла, так как ноги у неё были обморожены. Офицеры же на неё кричали: «Быстрее одевайся!»

Когда Зою наконец одели, два солдата подняли её. Сапог на девушке не было, от слабости её ноги подкосились, и она упала. Те же два солдата вывели её на улицу к приготовленной заранее виселице.

Как только вывели партизанку из избы, ей повесили на шею фанерную табличку. «Поджигатель домов» — написано было по-русски и по-немецки, по-русски — крупными буквами, по-немецки — мелкими.

На улице Зоя увидела толпу и столб с перекладиной. И тут словно незримая пружина расправилась в ней: юная героиня выпрямилась, оттолкнула локтями конвоира и твёрдо пошла вперёд, высоко подняв голову.

Горько плача, вернулась я домой. Казнь Зои не видела... Гитлеровцам показалось недостаточно расправы над живой Зоей. Они не снимали её тело больше месяца.

В новогоднюю ночь к виселице подошла компания пьяных солдат. Теперь они издевались уже над мёртвым телом партизанки. Стреляли в неё из оружия как в мишень, кололи штыками, срывали последние клочья одежды. Взявшись за руки,

водили хоровод вокруг виселицы и выкрикивали песни.

Виселица находилась в нескольких метрах от моей избы. На этом месте сейчас обелиск — место казни Зои Космодемьянской. Страшно вспомнить об этом. Как издевались фашисты в моей избе над Зоей!

Крепкая была Зоя. Смелая. Если бы я своими глазами не видела всего — не поверила бы. Уж как ни били, как ни издевались фашисты, Зоя им ни слова не сказала. Народ нашей страны Зою не забудет никогда.

С 1948 года в деревне Петрищево открыт музей Героя Советского Союза Зои Анатольевны Космодемьянской, и сюда ежегодно приходят тысячи людей поклониться памяти нашей героини.

Прасковья Кулик.

Газета «Сельские новости», 1995 г., 6 мая.

ПАМЯТЬ НЕТЛЕННА

Полвека спустя после гибели эту девушку снова пытаются и казнят

Пятьдесят лет назад, в ноябре 1941 года, в подмосковной деревне Петрищево гитлеровцы, пришедшие сюда как оккупанты, повесили восемнадцатилетнюю комсомолку, которая назвала себя Татьяной. Партизанка. Подожгла дома, где находились вражеские солдаты, сарай с немецкими лошадьми; была схвачена при выполнении боевого задания и подвергнута жесточайшим, нечеловеческим пыткам, проявив сверхъестественное мужество и стойкость... Об этом, когда Петрищево освободили наши войска, страна узнала из очерка корреспондента «Правды» Петра Лидова «Таня». А позже стало известно её настоящее имя — московская школьница, десятиклассница Зоя Космодемьянская.

Люди, помнящие войну, подтвердят, что значило для всех нас это имя. В самую трудную пору оно придавало веру и силы тем, кто их, казалось, утрачивал. Убеждён: если бы даже не воспроизвел сегодня её портрет, всё равно перед мысленным взглядом едва ли не каждого моего сверстника возникло бы прекрасное девичье лицо,

каким мы впервые увидели его тогда на фотографиях в газетах. А до того было другое фото — сделанное правдистом Сергеем Струнниковым у свежевырытой могилы. Потрясающее, ставшее историческим. Голова мёртвой девушки с разметавшимися по снегу короткими волосами и обрывком петли на шее, истерзанное врагами тело.

И всё это вошло в нашу душу. Как волнующие строки написанной вскоре поэмы Маргариты Алигер «Зоя», как одноимённый фильм, как книга матери — Любови Тимофеевны Космодемьянской — «Повесть о Зое и Шуре».

Надо же! Зоин брат, танкист, павший смертью храбрых под Кенигсбергом, тоже стал Героем Советского Союза.

Мог ли я подумать, что на светлый образ героини моего детства и юности когда-нибудь падёт чёрная тень? Нет, и в дурном сне такое не приснилось. Однако произошло.

ЧЁРНАЯ ТЕНЬ

Первым сообщил мне эту новость племянник — человек другого поколения, но, как и я, свято чтивший память Зои. Вернее, он не сообщил даже, а спросил:

— Дядя Витя, значит, Зоя Космодемьянская — вовсе не героиня?

— Откуда ты взял?

— В «Аргументах и фактах» напечатано.

Нет-нет, да и ловлю себя на мысли: наивный я всё-таки человек! Вроде уж пора бы ничему не удивляться. Кажется, окончательно и бесповоротно доказано, что не было и просто не могло быть никаких героев в нашей стране за 74 года Советской власти. Ну, по крайней мере, до августа 1991-го. Не велено им быть, не разрешено. В других странах или у нас до октября 1917-го — пожалуйста. А после — ни в коем случае.

Может, впрочем, и не вполне оправданна моя ирония? Что толковать, ведь немало бывших героев, которым мы искренне поклонялись, не выдержав исторической проверки, в самом деле предстали вдруг перед нами за последние годы фигурами идеологически дутыми, а то и настоящими злодеями, подлецами. История делается делами людей, но пишется-то она перьями, причём не всегда добросовестными. Так что принцип «подвергай всё сомнению» давайте признаем и будем следовать ему.

И всё же, всё же, всё же...

Сдаётся мне, что и переписывать историю, как бы исправляя и уточняя её, берутся перья не всегда добросовестные. Примеров тому наши последние годы тоже дают немало. Происшедшее с Зоей, думается, — один из них.

Напомню для тех, кто читал, и расскажу тем, кто не знает. В 38-м номере еженедельника «Аргументы и факты» за 1991 год появилась статья А. Жовтиса «Уточнение к канонической версии». Подзаголовок: «К обстоятельствам гибели Зои Космодемьянской». Что же «уточнил» не известный мне писатель?

Невероятно, но факт: исследованиями в статье и не пахнет. Жовтис ссылается на другого писателя — Н. Анова, ныне покойного, который когда-то (судя по всему, ещё во время войны) вроде бы побывал в Петрищеве и от одной учительницы (безымянной!) услышал неожиданную версию, связанную с гибелью Зои. Под страшным секретом (все жители деревни были настолько запуганы советскими властями, что не могли говорить правду) она, дескать, сообщила: немцев в Петрищеве, оказывается, вообще не было. Они располагались «в другом населенном пункте» («к сожалению, я не помню, в каком именно», — походя делает сноску Жовтис). А в деревне Петрищево однажды ночью загорелась изба. Придя к выводу, что это поджог, на следующую ночь жители выставили караульных. И поймали девушку, которая пыталась поджечь другой дом. Караульные избили её, затем втащили в избу к некоей Лукерье, а утром староста отправился к немцам и доложил о случившемся. «В тот же день девушка была повешена приехавшими в Петрищево солдатами спецслужбы...»

Вот вкратце «неканоническая версия», изложенная А. Жовтисом. Ну ладно, согласимся: при восстановлении исторической правды не стоит и слухи сбрасывать со счетов. Но их ведь, наверное, надо проверять! Человек же, называющий себя писателем, в данном случае не только не озаботился и не утрудился малейшей проверкой. Он даже общеизвестные и совершенно бесспорные факты извратил. Так, реальная, и легко узнаваемая всяким более или менее осведомлённым читателем Прасковья Кулик у него становится Лукерьей, перевираются инициалы матери Зои Космодемьянской... Мелочи? Допустим. Но они тоже говорят о методе автора. Впрочем, об этом писателе, как и об Анове, достаточно хорошо рассказал их коллега по перу Владимир Успенский, знавший обоих не один год, живший одновременно с ними в Алма-Ате. Он многие годы собирал материалы о Зое Космодемьянской, недавно издал книгу о ней. В одном только согласиться с Успенским не могу. Дважды в своей статье он замечает: нелепостей у Жовтиса так много, «что нет необходимости опровергать или хотя бы перечислять их — они говорят сами за себя» И далее: «Нет смысла

опровергать, доказывать».

А по-моему, есть. Далеко не все нынче верят на слово даже самому квалифицированному специалисту. Далеко, далеко не все помнят и знают подробности событий пятидесятилетней давности, уверенно разбираются или хотя бы ориентируются в них. Да и сомнения после той публикации могут возникнуть: даже у меня, немало знавшего, началась в голове некоторая сумятица. Словом, я решил, что надо всё ещё и ещё раз основательно перепроверить. Особенно после того, как в 43-м номере «Аргументов и фактов» появилась уже целая подборка писем «Зоя Космодемьянская: героиня или символ?», большинство из которых по-прежнему «развивают» и «углубляют» версию Жовтиса.

НЕМЦЕВ НЕ БЫЛО?

Я встретился с боевыми подругами и друзьями Зои — их, живущих в Москве, собралось двенадцать человек. Побывал в архиве, где хранятся десятки папок с материалами, относящимися к той давней истории. Наконец, промозглым и сумрачным ноябрьским утром отправился в Петрищево, где поговорил со всеми жителями, помнящими 41-й год.

И что выяснилось? Начну с исходного, на мой взгляд: были или не были немцы в Петрищево? Согласитесь, если их не было, то получается, что Зоя как бы боролась против своих.

Из показаний, написанных по-немецки пленным унтер-офицером 10-й роты 332-го пехотного полка 197-й пехотной дивизии Карлом Бейерлейном:

«Уже 10 дней мы были в боях, и вот наконец пришло спасительное известие: смена. Наш батальон отошёл в эту ночь в деревню Петрищево, лежащую в нескольких километрах от фронта. Мы были рады отдыху и вскоре ввалились в избу. В небольшом помещении было тепло. Русскую семью выставили на ночь на улицу. Только мы вздремнули, как стража подняла тревогу. 4 избы вокруг нас пылали. Наша изба наполнилась солдатами, оставшимися без крова. Наше волнение быстро улеглось, и, выставив полроты для охраны от поджога остальных домов, мы довольно неудобно провели остаток первой ночи...»

Это — документ из архива. А старые люди, с которыми я виделся в Петрищево, не просто подтверждали, что немцы стояли здесь, причём долго, до 14 января 1942 года,

когда деревня была освобождена бойцами нашей 108-й стрелковой дивизии. Люди приходили в искреннее удивление от самого моего вопроса. Ведь оккупанты, заняв большинство крестьянских домов, поначалу даже выгнали жителей, которым пришлось перебраться в более глухие деревни за восемь-десять километров отсюда — в Богородское, Златоустово и другие. Только потом, после унижительных просьб и всяческих хитростей, удалось вернуться домой. Да и то ютились здесь кое-как — на кухнях да в запечках, спали на полу.

Мария Ивановна, 62 года:

«Это как же немцев у нас не было? Битком набита ими была вся деревня. Почти в каждой избе, разве что кроме самых плохих — по несколько человек. Мой старший брат сперва в лесу прятался. Нас же с сестрёнкой мама на санках в Златоустово перевезла. А когда мы вернулись, в домах немцы уже нары двухъярусные понаделали, чтобы спать на них, нам же места почти не оставалось».

Егор Степанович Тарасов, 63 года:

«У нас в доме жил какой-то важный немецкий начальник, офицер. Помню, по утрам приходили брить его. А вообще немцы размещались почти во всех избах. Когда Зоя подожгла соседний с нами дом Кареловых и сарай с лошадьми возле него, немцы выскакивали полуодетые. Это я тоже запомнил».

Можно было бы счесть все подобные свидетельства за результат давно внушенной с помощью угроз официальной версии. Да ведь время другое, люди нынче ни о чём не боятся говорить. Да и слишком много деталей, которые не придумаешь.

К примеру, Антонина Семеновна Филиппова (ей 76 лет) рассказывала, что немцы устроили за её домом кузню, где ковали и перековывали своих лошадей. Стоял во дворе молодой вяз — на ствол его нанизывали подковы. Они так и остались потом, заросли. Вяз нынче в обхват толстенный. «Распилите, — говорила Антонина Семеновна, показывая на дерево, — и увидите там железо это заросшее».

Мария Ивановна Седова (сейчас 81 год) и её дочери Валентина и Нина (было им тогда соответственно 11 и 9 лет) жили в доме на самом краю деревни, куда немцы сначала привели схваченную Зою и где обыскивали её. Так вот, в этом доме тоже было полно незваных постояльцев. Они и кур перестреляли на еду, и овец, и поросёнка, и корову у бабушки Седовой. Перед Рождеством ёлку срубили около избы (в лес пойти, очевидно, боялись) и установили её в комнате.

Перепились, бросались бутылками в стену, орали песни. А потом вывалились на улицу. Известно, что тело казнённой Зои оставалось на виселице — для устрашения жителей — полтора месяца, до самого прихода наших, и в ту рождественскую ночь пьяные солдаты ещё раз надругались над ним: искололи штыками, кинжалами, отрезали грудь.

А насчёт того, что подожгла Зоя три дома (унтер Бейерлейн ошибся, назвав по памяти четыре), в газетах писалось уже тогда, вскоре после событий. Известны и фамилии владельцев этих домов — Кареловы, Солнцевы, Смирновы.

Кто поймал Зою? У Лидова в первом очерке сказано: в тот момент, когда она собиралась поджечь конюшню, где стояли обозные лошади, часовой подкрался и обхватил её сзади руками. Уточню: первым Зою заметил один из местных жителей, которых после поджога немцы тоже выставили в караул. И схватил её или он сам, или солдаты, которых он позвал.

КТО ЕЁ ИСТЯЗАЛ

Да, в истории всё гораздо сложнее, нежели в газетном очерке, написанном даже талантливым и честным журналистом, но оперативно, срочно, когда для подобного расследования просто не было времени. Учтём и суровые тогдашние идеологические табу. Что-то в очерк не вошло просто из-за недостатка места, что-то, возможно, — было опущено сознательно, а какие-то моменты были переданы не совсем точно. Всё это так. В подтверждение жизненной сложности обстоятельств могу привести не только факт поимки Зои, но и ряд других. Скажем, хозяева сожжённых домов /а не только немцы/ вполне естественно досадовали, оставаясь без крова. Кто-то из них, когда Зою схватили, прямо сказал ей об этом, кто-то даже ударил её. Но достаточное ли это основание, чтобы утверждать теперь, что избили Зою жители деревни, а никаких фашистских зверств, о которых в своё время столько писалось, совершенно не было? Ведь так же получается в статье Жовтиса!

Из показаний унтер-офицера Карла Бейерлейна: «На следующий день по роте пронёсся шум и одновременно вздох облегчения — сказали, что наша стража задержала партизанку. Я пошёл в канцелярию, куда двое солдат привели женщину. Я спросил, что хотела сделать эта 18-летняя девушка. Она собиралась поджечь дом и имела при себе 6 бутылок бензина. Девушку поволокли в помещение штаба батальона, вскоре туда явился командир полка подполковник Рюдерер. Через переводчика он хотел не только добиться признания, но и выяснить имена помощников. Но ни одно

слово не сорвалось с губ девушки... На улице её продолжали избивать до тех пор, пока не пришёл приказ перенести несчастную в помещение. Ее принесли. Она посинела от мороза. Раны кровоточили. Она не сказала ничего...»

Так это было. О пытках, жестоких мучениях, которыми была подвергнута фашистами Зоя, рассказывала в своё время Прасковья Кулик — хозяйка дома, где всё это происходило. Рассказывали и хозяйки других домов, где допрашивали Зою, — Воронина, уже знакомые нам Мария Седова с дочерьми, которые живы до сих пор. Кощунство отрицать это сейчас! Кощунство подгонять под новую заданную схему то, что произошло в Петрищеве более полувека назад!

А ведь Жовтис именно подгоняет.

«Трагедия в подмосковной деревушке, — пишет он, — явилась результатом того, что, срочно создавая партизанские отряды из готовых к самопожертвованию во имя правого дела мальчиков и девочек, их, видимо, ориентировали на осуществление тактики «выжженной земли». Ведь, как свидетельствует писатель В. И. Кожинов, «отряды подрывников не только уничтожали стратегические объекты, но и прихватывали обычные селения».

Что сказать? Наверное, решающее слово тут за кропотливыми, глубокими, честными исследователями, а также за более широким кругом свидетелей. Мне стало известно, что был осенью 41-го года секретный приказ Сталина об уничтожении населенных пунктов в районе линии фронта. Но насколько действовал он на практике? По многим личным свидетельствам участников той борьбы, которыми я располагаю, — нет. Да и в заданиях группе Зои и другим не нашёл я ничего подобного. Мы знаем сотни сёл и деревень, спаленных гитлеровцами (не только знаменитую Хатынь, но и, скажем, Грибцово, рядом с Петрищевым), но нет столь же массовых и убедительных фактов о таких действиях с нашей стороны.

Хотя допускаю: эпизодически где-то всё могло быть. Но повод ли это для обобщений и крайних выводов? Хорошо, по-моему, написала об этом семья Лидова в «Аргументах и фактах» (увы, редакция не сочла возможным или нужным напечатать это место из письма, как и многое другое из прочих писем, «невыгодное» и «неудобное» для этой газеты). Цитирую:

«У войны не женское лицо. Почти дети уходили на фронт и становились одновременно ее героями и заложниками, поджигали свои дома, чтобы в них сгорели чужие. Бывало, люди падали и собственные хаты. Из сегодняшнего далека можно пожалеть не только

о сожженных пятистенках, но и сгоревших лошадях. Но то было другое, жестокое время, которое нужно мерить его же собственной меркой».

Разве неверно сказано? О том же, хоть и по-своему, говорила мне в Петрищеве старая крестьянка Мария Ивановна Шилкина: «Да можно ли судить о военном времени с нашей нынешней колокольни? Надо в ту пору вникнуть...»

Нет, Жовтис внушает своё: «Заблуждался ли П. Лидов, обманутый смертельно запуганными жителями деревни, или сам создал «выгодную» сталинской пропаганде версию событий, но именно эта версия стала признанной и вошла в историю».

ОБ ЭТИКЕ И СОВЕСТИ

Однако и этим «работа» газеты, охотно пошедшей вслед за сенсационным автором, не кончилась. Многое из того, что специально отобрано для публикации откликов, я бы назвал уже полным беспределом.

Представьте себе, нашлись медики из Ведущего научно-методического центра детской психиатрии, которые написали /а редакция опубликовала!/ письмо со ссылкой на историю болезни 14-летней Зои. Замечу: на истории, которой в архиве больницы нет, — якобы изъята после войны. Но, положим, она была. И о чём это свидетельствует? Что Зоя Космодемьянская, признанный эрудит и школьная отличница до 10 класса, из которого ушла воевать, — психически больной человек, шизофреник? Говорят, Жанне д'Арк порой слышались неземные голоса, но французам и в голову не придёт объявлять свою национальную героиню сумасшедшей. Неужели не стыдно вам, врачам-соотечественники? И вам не стыдно, коллеги из «Аргументов и фактов»?

Владимир Успенский правильно поставил вопрос об этике писателя. Но есть ещё и этика врачебная, этика журналистская. Есть и редакционный профессионализм, который не позволяет — при любой гласности и свободе слова — публиковать заведомую нелепость. А именно такой я считаю заметку некоего В. Леонидова из Москвы, напечатанную в той же подборке писем.

Автору хочется доказать, что Зоя — это вообще не Зоя, а кто-то другой. И он ставит под сомнение опознание тела, проводившееся после освобождения Петрищева зимой 42-го года. Причём, как это делает!

«Расскажу вам, что я слышал примерно в 1948 году от жителей д. Петрищево», — так

начинается. Опять «слышал»... Ну, ладно. А что же слышал-то?

«Бои в Петрищеве не шли. Немцы ушли. Через некоторое время в деревню приехала комиссия и с ней 10 женщин. Выкопали Таню. Никто в трупе не определил своей дочери, её снова закопали. В газетах тех времен появились фотографии издевательства над Таней. Наконец, за подвиг девушке посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Вскоре после этого указа приехала комиссия с другими женщинами. Вторично вытащили из могилы Таню. Началось чудо-представление. Каждая женщина в Тане опознала свою дочь. Слезы, причитания по погибшей. А потом, на удивление всех жителей деревни, — драка за право признать погибшую своей дочерью. Побоище было страшное. Всех разогнала длинная и худая женщина, впоследствии оказавшаяся Космодемьянской. Так Таня стала Зоей».

Ну почему Зоя назвалась Таней — давно и широко известно: по имени своей любимой героини гражданской войны Татьяны Соломахи. Но вдумайтесь как следует в то, что вы прочитали. Я уж не говорю ещё об одном грязном кощунстве, относящемся на сей раз к матери Зои. Однако оскорблена-то по сути не только она, потерявшая на войне дочь и сына, поседевшая и оглохшая от нервного потрясения при опознании дочери. Оскорблены и многие неназванные матери, тоже приезжавшие к могиле в надежде найти своё пропавшее без вести дитя. Но вы вдумайтесь: того, что описано, просто не могло быть по элементарной логике!

Получается: при первом приезде комиссии и матерей Зою не опознали. И тем не менее вскоре ей присвоили звание Героя Советского Союза. Но кому же присвоили? Бесфамильной Тане? Такого, естественно, не было и не могло быть. Бесфамильным, неизвестным званием и наград не выдавали. Звание Героя Советского Союза было присвоено Зое Анатольевне Космодемьянской (именно ей!) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года.

Акт опознания, который я держал в своих руках, будучи в архиве, подписан 4 февраля. Значит, не было надобности после этого вторично вскрывать могилу и свозить матерей. Невозможен был никакой спор, а тем более драка, побоище (!) за право стать матерью Героя Советского Союза. Мать уже была установлена. Где же она, логика? Как же можно было не заметить явной нелепости? Нет, скорее всего сознательно «не заметили», потому что нелепость-то выгодная...

КАКИЕ МЫ СЕГОДНЯ

Кстати, свидетелем неожиданного продолжения той истории я стал, приехав в Петрищево. Здесь, в музее, мне показали недавнее письмо из Воронежа юриста Игоря Юрьевича Дубинкина. К нему от умершего отца, работавшего в саратовской областной газете, попала фотография (не репродукция — подлинник!), на которой воспроизведён еще один, ранее неизвестный ракурс Зоиной казни. Игорь Юрьевич поспешил послать этот уникальный снимок в петрищевский музей, сопроводив искренним прочувствованным письмом.

О, благодарная человеческая память! Не все мы, к счастью, утратили её, не все окончательно озверели в эти смутные годы. Есть и настоящие люди среди нас...

Считаю нужным сказать в связи с этими разысканиями вокруг Зои. Елена Сенявская, аспирантка Института истории России, тоже послала в «Аргументы и факты» своё письмо. Дело в том, что некоторые студентки бывшего Московского геологоразведочного института, увидев в 1942 году в «Правде» фотографию казненной Тани, признали в ней свою однокурсницу Лилию Азолину.

У неё с Зоей много общего. Известно, что Лиля осенью 41-го ушла добровольцем в Коммунистический батальон Красной Пресни, что с ней беседовал майор Спрогис — командир Зоиной части. Но в эту часть Лиля почему-то не попала. Была в отряде Иовлева, который действовал в районе Звенигорода. Это примерно в 60 километрах от Петрищева. Где-то там, наверное, и погибла. Однако подруги продолжают поиск. Загоревшаяся их гипотезой, подключилась к ним и 24-летняя аспирантка Лена Сенявская.

Более увлечённого человека — увлечённого и историей Великой Отечественной войны, по которой она пишет диссертацию (тема — «Духовный облик фронтового поколения»), и личностью Лили Азолиной, пожалуй, трудно представить. Есть тому объяснение: ее отец, в юности — фронтовик, всю войну носил в комсомольском, а затем в партийном билете фото Зои Космодемьянской. Первой любовью его тоже стала девушка, сражавшаяся и погибшая в истребительном батальоне. Ей и Зое он, доктор исторических наук, после войны посвятил свою повесть «Лунная соната».

Но вдруг, когда он уже умер, Лена узнаёт, что есть ещё одна безвестная, но прекрасная героиня — Лиля Азолина. Стремление сделать её тоже известной всецело овладевает девушкой.

Она показывала мне Лилин портрет. Сходство с Зоей действительно удивительное. Хотя пока это по существу единственный аргумент. Нет, имеется ещё один — Лиля

тоже могла назваться Таней, потому что так звали её младшую сестру, и ей очень нравилось это имя. Лена Сенявская хочет непременно провести криминалистическую экспертизу, чтобы исследовать и квалифицированно сличить два портрета. Ведь жива ещё Лилина мама — ей 95 лет, и она по-прежнему ждёт свою дочку, пропавшую без вести.

Что ж, я считаю, дело, которым увлечена Лена Сенявская, не только правомерное, но и по-своему святое. Никогда нельзя ставить последнюю точку в военной истории, в поиске героев, которые где-то и когда-то погибли за родину. Надежда умирает последней ...

А теперь — вопрос, который ставили при нашей встрече все боевые друзья и подруги Зои. Да и не только они. Передо мной он, этот вопрос, тоже возник сразу после прочтения тех материалов в «Аргументах и фактах»: а случайно ли они появились именно в нынешнее время, да ещё накануне 50-летия разгрома немецко-фашистских войск под Москвой?

Думаю, не случайно. У известного поэта есть известные строки: «Если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно?» Признаем и другое: если гасят звёзды, это тоже нужно кому-нибудь. А сейчас (разве не видно?) идёт целенаправленная стрельба по героическим звёздам нашей истории. Добрались уже до Великой Отечественной. Стреляют, как в тире по мишеням, выбивая одну за другой.

Говорят, мёртвым не больно. Не знаю. Вижу только: стреляют нередко в мёртвых, а попадают — в живых. Покончила с собой поэт-фронтовик Юлия Друнина. Узнав о невольном перезахоронении из Вильнюса своего боевого товарища, прославленного полководца Ивана Черняховского и спеша на неожиданное новое прощание с ним, скоростно скончался полковник в отставке, писатель и учёный Акрам Шарипов — сердце не выдержало.

Впрочем, трагический список можно бы привести большой. Довольны ли вы, гробокопатели?

Авторы ряда откликов, направленных в «Аргументы и факты», в разговорах со мной сетовали, что их материалы так и не появились в этом издании. Разумеется, в чём-то я понимаю его сотрудников: увы, всего не напечатаешь. Но в данном случае и авторы некоторых напечатанных заметок тоже огорчены и удручены. Считают, что их сократили и отредактировали весьма тенденциозно, из-за чего оказался или не вполне донесённым, или даже искажённым главный смысл. Приведу хотя бы два абзаца,

которые по техническим или более серьёзным причинам — редакция «Аргументов и фактов» сочла нужным опустить.

Из письма кандидата исторических наук ветерана Отечественной войны Владимира Ивановича Залужного:

«Складывается впечатление, что некоторые сотрудники еженедельника, защищая свой мундир в связи с опубликованием провокационного материала А. Жовтиса, решили идти до конца и любой ценой попытаться развенчать светлый образ казнённой немецкими фашистами Зои Космодемьянской. Если это так, то подобная затея должна квалифицироваться как аморальный поступок».

Из письма Лены Сенявской:

«Что же до обстоятельств гибели... На Руси мучеников всегда считали святыми. А то, что девушка погибла мученически, думаю, ни у кого не вызывает сомнений. И кто бы она ни была — Таня, Зоя, Лиля, — будем помнить. Её и других, известных и безымянных, положивших жизнь на алтарь Победы. Больше жертвы не бывает. Сестры по судьбам, они совершили каждая свой подвиг во имя Отечества».

Полностью разделяю эти мысли — и ветерана, и юной исследовательницы Великой войны. Но как огорчило её, что, украв из этого абзаца мысль о жертвенном мученичестве героев для редакционной сводки, какая-то жестокая и расчётливая рука две последние фразы вычеркнула, вписав свою: «Другое дело — насколько оправданна была эта жертва». К счастью, Лена Сенявская так не думает. В оправданности героизма наших людей у неё нет сомнения.

Вновь и вновь вслед за ней я пытаюсь представить себя на месте тех совсем молодых ребят и девчат, которые, не очень-то и обученные воевать, добровольно, группами и поодиночке уходили в ночь, в мороз, в зимний лес, каждую минуту рискуя попасть в лапы жестокого врага. Кто-то из них стал известен потом стране и всему миру, о ком-то мы до сих пор ничего не знаем. Но воздадим славу им всем — заслуженную и неделимую. Низкий поклон и вечная память героям, достойно представляющим целое поколение нашего народа. Фронтное поколение. Да святится в веках имя твоё, Зоя, Лиля, Таня!.. Все вы, которых было так много, в страшные военные годы отдали за нас действительно самое дорогое — свою жизнь. И мы не можем, не должны, не имеем права забывать, а тем более предавать.

* * *

Через полвека шаг за шагом я восстановил всю последовательность опознания Зои. После освобождения Петрищева, где была казнена неизвестная юная патриотка, жителям деревни, близко видевшим «Таню» (а таких оказалось немало), показали фотографии нескольких девушек из разведывательно-диверсионной части 9903 под командованием майора Спрогиса — тех, что ушли на задание и не вернулись, пропали без вести. Мария Ивановна Седова и две её дочери, с которыми я встретился в Петрищеве, рассказывали: принесли целую стопку комсомольских билетов с фотографиями. И среди них все смотревшие — каждый сам по себе — выделили одну.

Далее. На опознание кроме матери, Любови Тимофеевны, приехали также ближайшая подруга Зои по отряду Клава Милорадова, Зоины одноклассники и учителя. Сомнений, что перед ними она, у них не было.

Но и это ещё не всё. В 1943 году под Смоленском у убитого немецкого офицера, а потом уже в 1945 году, в Германии, были обнаружены фотографии казни Зои (о том, что её казнь гитлеровцы фотографировали, писал ещё в своём первом очерке Лидов). Так вот, на этих фотографиях, сделанных в разных ракурсах, Зоя узнаётся совершенно чётко.

Разве могли после всего этого оставаться хоть какие-то сомнения, что в Петрищеве 29 ноября 1941 года казнена она, Зоя Космодемьянская?

Но сомнения, как мы видели, сеялись, распространялись! Чтобы окончательно расставить все точки над «и», после опубликования в «Правде» моего очерка «Трагедия Зои Космодемьянской» решено было провести ещё и судебно-портретную экспертизу. Инициатором этого стал бывший заведующий Центральным архивом ВЛКСМ В. Хорунжий. Официальная просьба была направлена в Научно-исследовательский институт судебных экспертиз при Министерстве юстиции Российской Федерации. Туда были посланы прижизненные фотографии вместе с известным снимком повешенной, который сделал в Петрищеве фотокор «Правды» Сергей Струнников. Направлялось для исследования также фото ещё одной девушки-бойца, пропавшей без вести в то же время и примерно в тех же подмосковных местах: однокурсницы по институту считали, что она похожа на казнённую со струнниковской фотографии.

И мы все с волнением ждали ответа из Научно-исследовательского института судебных экспертиз. Он пришёл, обстоятельный и подробный, юридически скрупулёзный. А в

заключение значилось: «На фотографии трупа повешенной девушки запечатлена Зоя Космодемьянская».

Проведение этого исследования было поручено одному из опытнейших и самых квалифицированных специалистов — Александру Александровичу Гусеву, работавшему в области судебно-портретной экспертизы с 1948 года. Я тогда позвонил ему по телефону и спросил:

— А нет ли сомнения в достоверности результата?

— Ни малейшего, — ответил он. — Абсолютно убеждён, что вывод полностью соответствует действительности.

Виктор Кожемяко.

«Трагедия Зои Космодемьянской:

Факты против домыслов».

«Правда», 29 ноября 1991 г.

ПОКУШЕНИЕ НА ПОДВИГ

В странном, однако, живём мы нынче мире. Словно сдвинулась система координат, и все мы разом попали в Королевство Кривых Зеркал, и тут вдруг обнаруживается, что генерал Власов, бросивший свою армию в окружении, вовсе не предатель, а идейный борец с тоталитаризмом. О нём пишут сочувственные статьи, снимают фильмы. Он — герой дня. А вот маршал Тухачевский — уже не блестящий полководец, а оккупант родной земли. Зато барон Врангель, адмирал Колчак, генерал Корнилов, батько Махно, эсер Антонов — кто там ещё? — большие патриоты и невинные страдальцы за землю русскую. Бесстрашный Григорий Котовский по нынешней системе координат уже не тянет на героя. Даже Аркадий Гайдар и тот в глазах блюстителей новой нравственности (как и нового мышления) запятнал свою репутацию: оказывается, гоняясь за шайками бандитов в Сибири в свои восемнадцать юношеских лет, он стрелял из боевого оружия и иногда попадал в цель ... Это же надо!

А взять более позднее время. Бывший сотрудник КГБ Олег Гордиевский, долгое время «по совместительству» работавший на разведку Англии и в конце концов разоблачённый, вывезенный из Союза в багажнике дипломатической машины, переправленный новыми хозяевами за Ла-Манш, — не изменник, не клятвопреступник, а симпатичный малый, вызывающий у некоторых изданий понимание и сочувствие. И панфиловцы не так воевали под Москвой, и Александр Матросов, оказывается, не таким манером, как следовало бы, бросился на амбразуру дзота... Есть ли всему этому предел? Судя по последним публикациям шибко демократических изданий, — нет. Одна, например, газета из номера в номер печатает статьи о том, где лежать Ленину. Для неё сейчас это первостепенный вопрос. Не горе народное, не грядущий голод, не обнищание повсеместное — а где лежать Ленину и что ещё переименовать из непереименованного.

Не так давно «Аргументы и факты» внесли в нынешний «театр абсурда» свеженькую новость: писатель А. Жовтис опубликовал «Уточнение к канонической версии» (№ 38). А редакция к ней рубрику приспособила: «К обстоятельствам гибели Зои Космодемьянской». Вы думаете, их в самом деле интересуют обстоятельства гибели юной партизанки? Да ничего подобного! Просто по этому имени ещё никто квачом не проходил, и они торопятся быть первыми. Ведь на чистом так эффектно смотрятся брызги дёгтя.

Так вот писатель Жовтис решил поделиться своими сомнениями по факту совершения подвига комсомолкой Зоей Космодемьянской. Его другу Н. Анову (тоже, кстати, писателю) одна учительница из села Петрищева, где была казнена девушка, под большим секретом сообщила, что подвига не было, но попросила, чтобы эта новость «осталась между ними». Ну, не удержался Анов, поделился «страшным» секретом с другом, а тот в свою очередь — с 24 миллионами читателей. Вы спросите фамилию этой сверхсекретной учительницы? Запомняли, запомняли её сочинители. Да разве так это важно, когда что-то уточняешь? Важно, что сообщила она. «Маленькая сморщенная старушка» Лукерья добавила к этому ещё кое-что по мелочи. Фамилия Лукерья? Её тоже писатели не запомнили. Полагают, вероятно, что «Аргументам и фактам» можно верить на слово. Жовтис лишь уточнил: «Та самая, на которую ссылается Лидов в своём очерке». Перечитал я очерк «Таня» — нет там никакой Лукерьи. Есть Прасковья Яковлевна Кулик, в доме которой и провела свою последнюю ночь перед казнью Зоя. Так, может, для Жовтиса (как и самой массовой, и самой дешёвой газеты) всё одно — что Лукерья, что Прасковья. Ему же, Жовтису, не точность, не истина нужна, а сенсация, да поскандальней. Вот он, например, со слов своего друга пишет, что в Петрищеве немцев на постое не было. По этой причине поджигать там

партизанам ничего не стоило.

А наша землячка Нора Смирнова, которая, как и Зоя, выполняла боевые диверсионные задания в тылу врага, долго собиравшая и изучавшая документы военных лет, свидетельствует: «В Петрищеве располагался штаб 332-го полка 197-й пехотной дивизии противника». Кому верить? Жовтису, который пересказывает свою версию с чужих слов и мало что помнит сам, или же разведчице Смирновой? У меня больше доверия к землячке. Да разве по этому поводу стоит дискутировать? Разве это не уточняется элементарным обращением в архив? Так были или не были? Приведу только один эпизод из той драмы, которая разыгралась в Петрищеве полвека назад. Пленную партизанку сперва завели в дом к жительнице В. М. Седовой, а потом, избитую, повели через всё село в дом Ворониных, где располагался штаб полка (по другим сведениям — штаб войск связи). И именно в тот вечер подполковник Рюдерер допрашивал Зою. О том, как допрашивал, лучше не писать. Вот небольшая цитата из протокола показания немецкого военнопленного унтер-офицера Карла Бейерлейна: «Девушку приволокли в помещение штаба, вскоре туда явился командир полка подполковник Рюдерер, награждённый рыцарским крестом. Через переводчика он хотел добиться не только признания, но и выяснить имена помощников, но ни одно слово не сорвалось с губ девушки. Командир задрожал от злости. Резким прерывающимся голосом он приказал раздеть её до рубашки и бить палками. Но маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство...»

Немецкому унтер-офицеру, наверное, лучше знать, были ли немцы в Петрищеве. Были! И даже их штаб здесь базировался. Или, по Жовтису, и этот шкодливый вояка способствовал созданию «выгодной сталинской пропаганде версии события?» Не до того ему, думается, было.

И вот под рубрикой «У газетного киоска» мы опубликовали краткое изложение вышеупомянутой статьи из «Аргументов и фактов». Не потому, что разделяли взгляды её автора, а чтобы показать читателям беспардонность иных «уточнителей», запоздалых «летописцев» прошлой войны, и пожалели об этом. В редакции затрезвонили телефоны, посыпались возмущённые письма читателей. «Я не могу изложить глубины своих чувств от прочитанного, — пишет нам А. Васильев из Тамбова. — Ощущение такое, будто я прикоснулся к чему-то гадкому, бездуховному и низменному. На Руси всегда считалось безнравственным говорить плохо о покойниках. А тут, спустя 50 лет, «праведники» очерняют девчонку, которая заплатила за свои поступки жизнью. ...Я очень огорчен, что новая газета «Тамбовская жизнь» перепечатала такую безнравственную статью из другой газеты. Для чего? Если и

впредь будет такое, вы в моём лице потеряете своего читателя».

Да, приходится согласиться: без комментариев эту одиозную статейку из «Аргументов и фактов» даже в изложении публиковать не стоило. Но и обойти её молчанием было нельзя. Как нам стало известно, экскурсоводы областного музея уже сделали «поправку» на новую «версию» и в своих беседах со школьниками всю цитируют «сенсационное» открытие Жовтиса. Зашелестели слухи и по некоторым школам: «Вы читали?.. Вы слышали?.. Оказывается, Зоя... Да что вы говорите?.. Сама читала!» Заложенный в статье яд безверия и нигилизма начал свою разрушительную работу. Вот почему мы и решили напомнить Жовтису, а заодно и редколлегии «АиФа», что же произошло в Петрищеве полвека назад.

...Итак, холодная морозная осень 1941 года... Бои велись уже на подступах к Москве, в дачной местности. Смертельная угроза нависла над столицей. Вчерашняя школьница Зоя Космодемьянская вступает в разведывательно-диверсионную группу. Добивается этого настойчиво, ибо с первого захода комиссия её кандидатуру отклонила — уж больно юна. 31 октября группа направляется в деревню Кунцево, где в воинской части юноши и девушки изучали стрелковое оружие, приобретали навыки взрывных работ. А уже 4 ноября отважные мстители переходят линию фронта, углубляются в тыл врага. Они обвешаны гранатами, через плечо перекинуты сумки, в которых хранятся бутылки с зажигательной смесью. В вещевых мешках, кроме десятидневного запаса продуктов — мины, тол, термитные шарики и термитные спички. У ребят — винтовки, у девушек — наганы. Им предстояло заминировать Волоколамское шоссе, регулярно сообщать интересующие командование Западного фронта разведданные. Первая успешная операция была проведена 7 ноября. В конце ноября группа, по распоряжению разведуправления фронта, выдвинулась к Петрищеву. Уж не потому ли, что там находился вражеский штаб полка? Ведь готовилось мощное наступление под Москвой. А они взрывали мосты, рвали связь, устраивали пожары в расположении гитлеровцев, давая ориентиры для наших бомбардировщиков. Второй выход Зои в Петрищеве оказался роковым. Кто же пленил отважную партизанку? Караульные из местных жителей, как считают Анов-Жовтис? Зачем гадать на кофейной гуще. Сохранились свидетельства очевидцев, публикации по свежим следам Петра Лидова и Сергея Любимова, многочисленные документы, неопубликованные дневники... 26 ноября на операцию с Зоей выходил её ровесник. Он сам напросился в действующую в тылу врага часть. Вместе с Зоей Василий должен был бросить бутылку с зажигательной смесью, но в последнюю минуту дрогнул, оставил девушку одну, а сам попытался скрыться. Далеко ему уйти не удалось. Он был задержан немцами, дал им показания о действиях партизан. Да, Клубков совершил предательство, но его вина в гибели Зои

косвенно. В поимке её принял активное участие житель села Петрищево, пьяница и немецкий прихвостень С. Свиридов. Кстати, Лидов, беседовавший с ним в январе 1942 года, и не зная ещё, с каким негодяем имеет дело, записал в дневнике: «Он (Свиридов — **И. О.**) вёл себя весьма подозрительно». И не ошибся журналист, не подвела его интуиция. Свидетельскими показаниями на суде была доказана вина Свиридова. Это он в ноябрьской темени первым заметил Зою, пробирающуюся к намеченному объекту. Это он трусливо побежал за немецким караулом, который и схватил девушку. На вопрос следователя, какое же вознаграждение за предательство получил немецкий пособник, тот ответил: «Кроме угощения вином, ничего».

О том, как мужественно вела себя Зоя, оказавшись в лапах иноземных палачей, которых язык не поворачивается назвать людьми, общеизвестно. И писать об этом не буду. Не могу. Кровь стынет в жилах, когда перечитываешь документальный очерк Петра Лидова «Таня», бесхитростные свидетельства очевидцев казни девушки.

«Неужели все это правда, неужто бывают такие?» — спрашивала у рассказчика хозяйка придорожной избы. Бывают. И прав был журналист, написавший полвека назад: «Немеркнущая слава о ней разнесётся по всей советской земле...» — так оно и было. Так оно и есть на самом деле. Имя Зои без всякой натяжки слилось в нашем сознании с понятием мужества, чести, девичьей чистоты, высокого патриотизма. Ныне всё это не в почёте. В Королевстве Кривых Зеркал всё перевернулось, как в доме Облонских. «Не настало ли время, — спрашивает автор статьи в «Аргументах и фактах», — выяснить, что же в действительности произошло в деревне Петрищево в дни оккупации?» Что тут сказать? Для Жовтиса, наверное, настало. И вот уже ставится под сомнение подвиг. Муссируется «версия»: а Зоя ли была захоронена в Петрищеве? И если всё-таки Зоя — не шизофреничка ли она? Кошунству этому нет предела. Тамбовцы, доколе же мы будем терпеть издевательство над памятью землячки? Где вы, рабочие совхоза, носящего имя Космодемьянской? Где лауреаты областной комсомольской премии её имени? Почему молчите? Где вы, школьные следопыты, партизаны, убелённые сединами воины? Умирая в фашистской петле, Зоя успела крикнуть: «Это счастье — умереть за свой народ!» Мой народ! Что же ты не заступись за дочь свою, положившую жизнь на алтарь Отечества?

Но не все молчат. Семья Петра Лидова прислала в «Аргументы и факты» письмо. В нём совершенно справедливо пишется, что писатель Жовтис, полемизируя с так называемой официальной версией подвига Зои, просто плохо с ней знаком. Сохранились в семейном архиве Лидова документы, подтверждающие, что «целью отряда были именно фашисты, которые действительно находились в подожжённых избах» («АиФ», № 43). Бывший боец истребительного отряда В. Залужный сообщает в

том же номере «АиФа», что «диверсионным отрядам запрещалось поджигать дома жителей». И тоже уличает Жовтиса в фальсификации, в вымысле. Вынужденная опубликовать эти письма в интересах, так сказать, торжества плюрализма и доказательства своей беспристрастности, редакция «уравновешивает» их другими «жареными фактами».

Так, некто В. Леонидов из Москвы сообщает байку, которую он слышал (обращаю внимание — слышал) от одного жителя (конечно же, бесфамильного) примерно в 1958 году. И о чём же повествует сей любитель легенд и апокрифов? О том, как в третий раз откапывали труп Зои для опознания. Тут, по словам воспоминателя, «началось чудопредставление. Каждая женщина в Тане опознала свою дочь... Побоище было страшное», но всех «разогнала длинная и худая женщина, впоследствии оказавшаяся Космодемьянской». Вас, читатель, еще не тошнит от пошлости, от развязности, нравственной глухоты тех, кто всё это пишет и кто печатает? Если нет, тогда ещё один факт. Врачи ведущего научно-методического центра Н. Камельсон со товарищи вспомнили к месту, что в 1938-1939 годах «14-летняя Зоя Космодемьянская неоднократно находилась на обследовании... У неё подозревали шизофрению». Подозревали? Ну и что дальше? Смысл-то какой наши Гиппократы вкладывают в свою информацию? Он становится ясным, когда мы узнаём, что после войны двое (не иначе в штатском?) пришли в больницу «и изъяли историю болезни Космодемьянской». Попробуй теперь проверь: изъяли или там изымать было нечего? Но червь сомнения запущен: а не была ли героиня шизофреничкой? Ох, подозрительно...

Боже, что мы за страна, что мы за люди?! Фашистский холуй Свиридов выдал Зою за бутылку шнапса, но мы-то за что распинаем память этой святой девочки на кресте невежества и нравственного беспредела? Возможно ли это ещё где-нибудь? Во Франции, например, с Жанной д'Арк? Почему же мы так легко и бездушно отдаём нашу Орлеанскую деву на поругание?

«Над тобою не властны года», — написала о нашей землячке Юлия Друнина, пережившая ад войны. Это только и сглаживает горечь. Ни года, ни жовтисы, ни «Аргументы и факты» не властны над подвигом Зои. А сама она находится в сердце породившего её народа. И вечным, недосыгаемым монументом героине стала малая планета в созвездии Овна. Международный планетный центр назвал её Зоей. И она продолжает нам сиять в безбрежьи Вселенной, и никаким «Аргументам» не удастся бросить на неё тень. Руки коротки. Сбываются слова боевой подруги Клавды Милорадовой о Зое: «Она многих ещё поднимет на борьбу, многим осветит путь своим подвигом». Так и будет. Ей посвящают стихи и песни, о ней продолжают создавать книги. Беспредельным горем и торжествующей гордостью пронизан «Народный плач о

Зое» сибирской сказительницы Чигаевой.

А всем «гробокопателям», всем «уточнителям версии» скажу словами Горького: «А вы на земле проживёте, как черви слепые живут. Ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют».

АВТОРСКОЕ И ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта статья, опубликованная в «Тамбовской жизни» 20 ноября 1991 года, вызвала широкую читательскую почту. Письма шли и шли. Не меньше было и телефонных звонков. И тогда редакция решила предоставить слово землякам героини. Прислали в первые же дни в редакцию свои отклики ветеран труда Е. Годова, библиотекарь из Жердевки И. Юганова, К. Романова и В. Фомина из Тамбова, М. Разуваев из Кирсанова, А. Васильев и А. Мокшакова из областного центра, группа партизан-подпольщиков: Е. Волосевич, Ю. Шебунова, Б. Петкович, Ю. Кузнецова, Ф. Мымриков и многие-многие другие неравнодушные люди. «Это как глоток чистой воды среди потоков грязных помоев, которые каждый день выливаются на наши головы так называемой свободной прессой, радио России, телевидением, — написала наша читательница, не указавшая своей фамилии. — Ведь всю историю исковыряли, живого места нет... Всё охаяли, оплевали, облили грязью. Кто следующий? Только вчера по радио России какие-то безголосые кретины исполняли куплеты о Чкалове (причём произносили эту всем известную фамилию как Чекалов). Что им до того, что Чкалов — наша слава и гордость. Для таких холуев, не имеющих ни чести, ни совести, таких понятий не существует. Типичное беспредельное хамство...»

Если начать цитировать письма, то трудно будет остановиться. В них, говоря словами поэта, «душ золотые россыпи». В них — боль, недоумение, презрение к безродным манкуртам и в то же время гордость за нашу Зою, за наш народ, породивший героиню. Вот только несколько строчек из них: «В те далекие годы я была на Дальнем Востоке, служила в военно-морском госпитале. Когда мы прочитали в газете очерк «Таня», то плакали навзрыд. Этому писаке Жовтису не понять того патриотизма и того героизма, с каким люди шли на смерть за свою русскую землю. Он написал циничную и грязную статейку». «С большим вниманием и душевным волнением прочитали мы, работники библиотеки, очерк «Покушение на подвиг». Спасибо вам! Спасибо за то, что не промолчали, заступились за Зою, за память о ней». «Иногда плакать хочется от бессилия, когда всё святое в нашей жизни обливается грязью». «А Зою оставьте в покое. Она за свои поступки отдала всё, что у неё было — жизнь». «Автор статьи

Жовтис. Указано, что он — писатель, но, думаю, крыса выползла из норы и в угоду Горбачёву и Ельцину старается помочь, как более очернить нашу жизнь, наш добросовестный народ... Жаль, народ оказался таким слепым и поверил этим двум утопистам...» «Господи, если ты есть, заступись за наши души грешные, хотя бы на том свете, если на этом некому. Не трогайте мёртвых, не бередите души живых...»

И вот такие письма остались в редакционном архиве. Почему? Пока мы их готовили к печати, появились статьи в «Правде», «Советской России», «Труде», «Московском комсомольце», еженедельнике «Жизнь» и некоторых других изданиях. Их авторы камня на камне не оставили от злобствующих измышлениях «прогрессистов» из «Аргументов и фактов». Примечательно, что редакция этого издания, сотворившая столь «пахучее блюдо», не откликнулась ни на одну из публикаций. При всей бесстыжести, которая была проявлена организаторами этой клеветнической кампании, им нечего было сказать в своё оправдание. «Гробокопатели» сделали своё подлое дело и молча отошли в сторонку. Впрочем, это их дело. Удивительно другое. Наша «молодёжная» газета, бывшая комсомольская, в день рождения Зои Космодемьянской не опубликовала о ней ни одной строчки, но зато приурочила к этой дате (а может, это случайность?) завлекательный «проблемный» материал «Тамбову нужен публичный дом». Да уж, конечно, когда всё растоптано, предано, оплёвано — только публичный дом и остаётся. В эту «демократическую» голодуху борделя нам как раз и не хватает...

Другая тамбовская «независимая» газета под двойным названием, шибко гордящаяся своей радикальностью, вмешалась в наш спор с «уточнителем» Жовтисом. Конечно, она была не на стороне «Тамбовской жизни». Господин С., сочинивший свой длинный и невнятный трактат на заданную тему, стремился и невинность соблюсти, и капитал приобрести: лишний раз засвидетельствовал своё почтение демократам, в очередной раз укусил «Тамбовку», продемонстрировал свою мнимую объективность. Мы этим господам, которых хорошо знаем, не доставили радости своим полемическим ответом. И не только потому, что не видим предмета для спора. Просто, чтобы не создавать им излишней рекламы, которую они так обожают.

Три месяца прошло со времени первой публикации очерка, столько событий прошумело с тех пор, столько вихрей пронеслось по страницам газет, столько потрясений мы все пережили. Один декабрьский беловежско-пушинский поворот чего стоит! А письма всё шли. И вот совсем недавно, в канун Дня Вооружённых сил получили ещё одно от участника Великой Отечественной войны В. Шутова. Он, в частности, пишет: «В последнее время на страницах наших газет стали появляться статьи, которые перечёркивают массовый героизм всего советского народа... Как будто люди, что воевали, трудились в тылу, переживали, блокаду, защищали Сталина, а не

свою страну. Появилась статья такого «писателя», как Жовтис, который хотел бы доказать, что Зоя была не героиней, а чуть ли не врагом. Появились статьи, восхваляющие предателя Власова, власовцев, бендеровцев, бульбовцев, мельниковцев и т. д. Но это же чушь. Я знаю власовцев и бендеровцев не по газетам. В войну после окончания спецшколы два года находился в тылу врага. Они как были, так и остались предателями. Только тот, кто не нюхал пороха, может утверждать обратное». Думается, под этим письмом ветерана могли бы подписаться очень многие. Особенно его бывшие товарищи по оружию. И они никогда не позволят трепать имя Зои никаким жовтисам, никаким перевертышам, по-хамелеонски перекрасившимся в нужный защитный цвет.

А всё ли мы знаем о подвиге Зои? Да нет, конечно. Но это не повод для различных инсинуаций и спекуляций. Нужен добросовестный исторический поиск, кропотливое исследование. До последнего времени в печати высказывалось сомнение: а действительно ли Зоя Космодемьянская была повешена в Петрищеве в ноябре 1941 года? Называлось имя другой отважной девушки, пропавшей без вести, — Лили Азолиной. Опытнейшие криминалисты провели недавно экспертизу и однозначно установили: на фотоснимках повешенной девушки запечатлена Зоя Космодемьянская («Жизнь», № 3, январь 1992).

Читатель В. Шульгин упрекнул меня в незнании приказа Сталина об уничтожении населённых пунктов в районе линии фронта. Чем, мол, и занималась Зоя и её товарищи. Я ссылаясь на бывшего бойца истребительного отряда В. Залужного, который в тех же «Аргументах и фактах» писал, что диверсионным отрядам запрещалось поджигать дома жителей. Так что, думается, господину Шульгину лучше бы поговорить с товарищем Залужным. Но ведь на войне, как на войне. Бывали случаи, когда селяне сами поджигали собственные хаты, чтобы они не достались врагу. Так что же, теперь и их будем винить в этом? Как пишет в «Правде» Виктор Кожемяко, «мы знаем сотни сёл и деревень, спалённых гитлеровцами (не только знаменитую Хатынь, но и, скажем, Грибцово — рядом с Петрищевым), но нет столь же массовых и убедительных фактов о таких действиях с нашей стороны».

Но почему Петрищеве стало объектом повышенного стратегического внимания? Слово командиру диверсионного отряда А. Спрогису: здесь, в Петрищеве, «немцы расположили часть армейской радиоразведки. Она перехватывала наши радиопереговоры, устраивала эфирные помехи. В те дни советское командование планировало мощное наступление. Вот почему стало необходимо вывести вражескую станцию из строя хотя бы на некоторое время». Для выполнения ответственного задания посылали не одну группу, и всё неудачно. Несли потери. И только в одну из

вылазок Зое удалось поджечь три дома и конюшню. Она настояла на повторной диверсии. «Командир был вынужден оставить в помощь некоего Клочкова (сейчас кое-кто из публикаторов называет другую фамилию), до войны он возглавлял комсомольскую организацию одного крупного завода. Они пробрались в Петрищево, где их схватили немцы. Зоя действительно вела себя геройски, с достоинством вынесла все муки и была повешена. Зато Клочков сразу же согласился сотрудничать с немцами. Не исключено, что именно он выдал немцам Зою и имя ее сообщил, хотя это никакого значения не имело». (В. Лавров. «Зоя», «Московский комсомолец», 12 декабря 1991 г.).

Писатель Владимир Успенский рассказывает, что, начиная с хрущевских времен, в печати стали появляться заметки и статьи, проникнутые стремлением принизить, очернить, развенчать подвиг героини, лишить его общественного смысла. У него, написавшего книгу о нашей землячке, скопилась целая папка таких «разоблачительных» вырезок, причём обнаружилась интересная закономерность. «Разоблачения», как правило, появляются в ноябре — декабре, когда отмечается очередная годовщина разгрома немцев под Москвой, когда наступает печальная дата гибели Зои Космодемьянской. Кому это нужно и для чего это делается, я думаю, читатель сделает выводы сам.

...Как невозможно закрыть солнце ладонью, так никто не в силах опорочить подвиг Зои, сельской тамбовской девочки, потрясшей мир силой своего духа. Им, духовным кастратам, этого не понять. Потому и глумятся они над памятью героини, которая со временем, я верю в это, будет причислена к лику святых наравне с Сергием Радонежским и Александром Невским.

Иван Овсянников.

«Тамбовская жизнь». 1991 -1992 гг.

ИМЯ ЗАЖГЛОСЬ... ЗВЕЗДОЙ

С той лихой военной поры прошло немало лет. И вот однажды, просматривая книги о Великой Отечественной, я встретил знакомую фотографию, при виде которой больно сжалось сердце. На снимке крупным планом была запечатлена мертвая девушка, лежавшая на снегу с обрывком веревки вокруг шеи. Да, это была она — Зоя

Космодемьянская.

Картина трагической гибели Зои не раз возникала в моей памяти и пробудила мысль о том, что именем славной героини следовало бы назвать одну из безымянных малых планет Солнечной системы. Пусть такая планета будет вечным космическим «монументом» бесстрашной девушке, а ее имя засияет в небе звездой!

Возможно, не все знают, что такое малые планеты. Где и как их наблюдают?

Вокруг Солнца, в основном между орбитами Марса и Юпитера, движутся тысячи малых небесных тел. Большинство из них представляют собой бесформенные скалистые глыбы размером в несколько километров. Это и есть малые планеты. В телескоп они кажутся светящимися точками, похожими на слабые звезды. Вот почему их еще называют астероидами, что означает «звездopodobные».

Наблюдения малых планет в России были начаты в 1912 году в Симеизской обсерватории. Чистый горный воздух Крыма и темные южные ночи — всё это благоприятствовало наблюдениям. Здесь отечественными астрономами было открыто 148 новых астероидов.

В годы войны Симеизская обсерватория была разрушена, а после Великой Победы в Бахчисарайском районе была построена Крымская астрофизическая обсерватория (КрАО) Академии наук СССР. С 1964 года там работает группа наблюдателей малых планет, которую возглавляет учёный-астроном Николай Степанович Черных. В основном это бывшие научные сотрудники Института теоретической астрономии. За долгие годы наблюдения наши крымчане обнаружили в просторах Солнечной системы более тысячи никому не ведомых ранее планет и две кометы.

...На холмистом горном плато, где в небесную синеву устремились серебристые купола астрономических башен, обычное и необычное соседствует рядом. Когда дневное светило уходит за горизонт, в обсерватории наступает самая страдная пора. Навстречу звёздным россыпям устремляются объективы двойного 40-сантиметрового астрографа — специального телескопа, предназначенного для фотографирования небесных светил.

Чтобы открыть новую планету, совсем недостаточно однажды увидеть в поле зрения телескопа какую-то неизвестную мерцающую искорку или заметить появление новой, едва различимой точки на фотографической пластинке. Необходимо выполнить не менее трех последовательных наблюдений незнакомого объекта и проследить за его движением среди звёзд, чтобы затем вычислить орбиту. Однако очень часто

наблюдениям мешает непогода или слабый свет планетки тонет в ярком лунном сиянии. И тогда удача уплывает из рук: неожиданная находка бесследно теряется в космической бездне...

Но если даже и повезёт, то о своей находке астроном узнаёт не скоро, через несколько лет, при очередной встрече с «незнакомкой», конечно, если её удастся найти на небе в ожидаемом месте и отнаблюдать заново. И только тогда, после надёжного определения орбиты нового небесного тела, когда появится уверенность в том, что за его движением можно будет следить и оно не потеряется, малая планета получает свой постоянный порядковый номер и заносится в специальный каталог. Такой каталог-справочник ежегодно издаётся в городе на Неве — Санкт-Петербурге. Им пользуются астрономы всего земного шара, участвующие в международной программе наблюдений малых планет. Число известных астероидов уже достигло пятидесяти тысяч.

Первооткрывателю малой планеты дано право выбрать для своей «новорожденной» имя-название. Но только после его утверждения в Комитете по наименованию малых планет Международного астрономического союза оно заносится в каталог рядом с порядковым номером планеты.

Большинству малых планет, открытых в числе первых, были даны имена древнеримских и древнегреческих богинь — Церера, Паллада, Веста, Юнона, Урания... Но, так как число астероидов быстро росло, «мифологические запасы» скоро исчерпались. Тогда решили давать астероидам обычные женские имена, и астрономы стали называть их в честь своих любимых... Но в настоящее время данное правило больше не соблюдается — планетам дают и мужские имена.

А есть имена, начертанные кровью... Это имена самых дорогих нам людей, павших в борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины.

В ноябре 1971 года — в канун 30-летия подвига Зои Космодемьянской — автор этих строк обратился к отечественным астрономам со страниц «Комсомольской правды» с призывом: «Исследователи малых планет, назовите одну из них Зоя! Пусть отныне по околосолнечной орбите движется планета, носящая имя верной дочери Ленинского комсомола, Героя Советского Союза Зои Космодемьянской».* (* Коротцев О.Н. Гордое имя — планете. — «Комсомольская правда», 1971, 14 ноября, № 267.)

Призыв был услышан и поддержан. Научный сотрудник Института теоретической астрономии Тамара Михайловна Смирнова предложила назвать именем Зои малую планету № 1793, открытую ею в КрАО 28 февраля 1968 года.

Правда, еще до открытия Т. М. Смирновой данная планета уже не менее восьми раз оказывалась в поле зрения астрономов. А самое первое ее наблюдение, как выяснили с помощью ЭВМ в США, относится к 1932 году. Но все эти наблюдения были разрозненные, они не позволяли определить орбиту астероида, и потому его каждый раз теряли. И только ряд последовательных наблюдений, выполненных Тамарой Михайловной, позволил вычислить орбиту новой планеты, и теперь ее наблюдают регулярно,

Около четырёх лет планета № 1793 оставалась безымянной. Но вот её «досье» было направлено за океан — в Международный планетный центр, где и состоялось официальное утверждение ее названия — Зоя. По моей просьбе ленинградский поэт Юрий Оболенцев посвятил этому событию свои проникновенные поэтические строки. Совсем не просто было мне сочинить на стихи Оболенцева величественную мелодию... Так родилась песня.

Светлой памяти

Зои Космодемьянской

посвящается

ПЛАНЕТА ЗОЯ

Сл. Юрия Оболенцева

Муз. Олега Коротцева

Молились небу тысячи веков —

Незыблемо и свято было это.

Лишь имена мифических богов

Давало Человечество планетам.

Но, распрямившись, жители Земли
Взорвали вольной мыслью твердь устое
И новую планету нарекли
По имени обычной смертной — Зоя...

Горячим пеплом в памяти рассказ
О том, как в стужу, по снегу, босая
Шла девушка несломленной на казнь,
От поруганья Родину спасая.

...Мы будем жить, работать день за днем,
И людям покорится скорость света...
И вот однажды вздрогнет космодром —
Рванётся в небо новая ракета.

Уйдет в безмолвье, в звездные дожди —
Дороги в Неизвестное пробиты...
Землян к себе, планета ЗОЯ, жди —
Прочертим трассу до твоей орбиты!

Малая планета Зоя, как и большинство её космических сестёр, движется на

значительном удалении от Солнца: 333 миллиона километров — таково её среднее расстояние от дневного светила. Вследствие вытянутости орбиты это расстояние изменяется от 300 до 365 миллионов километров. Обращение по орбите планета совершает за 3 года 4 месяца. Значит, в течение 10 лет она трижды обходит вокруг Солнца и возвращается в прежнее положение относительно Солнца и Земли.

В среднем через каждые 17 месяцев планета Зоя сближается с Землей (очередное сближение произойдет 25 декабря 2003 года; планета будет находиться в зодиакальном созвездии Близнецов). Но даже в периоды наиболее благоприятных «встреч» она никогда не бывает расположена к нам ближе, чем Солнце (напомним: среднее расстояние Земли от центрального светила — 150 миллионов километров). Прильнув глазом к окуляру телескопа, наведенного на участок звёздного неба, где движется астероид, вы заметили бы слабо светящуюся «звезду», которая не отмечена на звёздной карте (планеты постоянно перемещаются!). Это и есть малая планета Зоя.

Большинство астероидов даже в мощные телескопы видны светящимися точками — без малейших признаков планетных дисков.

Поэтому их размеры определяют по принципу: чем ярче кажется астероид — тем он крупнее. Понятно, что, вычисляя величину планеты неправильной формы таким приближенным способом, астроном довольствуется лишь тем, что узнает её средний диаметр. У планеты № 1793 он равен примерно одиннадцати километрам, что не так уж мало.

Если сравнить Зою с такой знаменитостью из мира малых планет, как Икар, то последний рядом с ней выглядел бы совсем карликом: по объему и по массе Зоя крупнее Икара в тысячу раз! И всё же сила тяжести на планете № 1793 в две тысячи раз меньше, чем на Земле. Космонавт даже в тяжёлом скафандре был бы там легче воя...

Присвоение имени легендарной партизанки-разведчицы малой планете положило начало созданию Космического мемориала героев Великой Отечественной войны, равного которому еще не было в мировой истории. Сейчас в мемориале насчитывается 132 планеты-«памятника», названных в честь участников войны и городов-героев.

«Звездный» мемориал героев войны — это наша память. Память о тех, кого уже нет. И наш долг сохранить благодарную память о храбрых защитниках Родины в названиях «звезд» и передать её следующим поколениям. Наверное, все-таки очень важно, под какими звездами вырастут наши дети и внуки.

2003 г.

Олег Коротцев.

ЭСКИЗ «ЗОЯ В ОГОРОДЕ»

Письмо Л. Т. Космодемьянской художнику В. Н. Кожухову

Тамбовцы преклонного возраста помнят, конечно, старейшего художника края Василия Николаевича Кожухова (1882-1964).

Он долгое время преподавал в педагогическом училище им. К. Д. Ушинского, был награжден орденом Ленина.

Знают его и как портретиста. Наиболее известно его полотно «Чтение Указа об основании города Тамбова».

Когда стало известно о подвиге нашей землячки, В. Н. Кожухов решил сделать серию рисунков, посвященных Зое.

Судя по всему, он встречался с матерью героини, после чего и послал ей свои первые наброски

Уважаемый Василий Николаевич!

Простите, что задержала эскизы так долго, но вы поймите, что в Москве я занята больше, чем была в Тамбове. Относительно эскизов скажу только то, что если вы хотите связать с действительностью, то придется менять многое. Во-первых, когда Зое было 8 лет, то у дедушки коз-то не было, а были коровы и овцы. У дедушки был и дом не тот, который сейчас, и дедушка был гораздо моложе.

Теперь то, что есть у вас: у Зои носик попрямее, костюм Зоя всегда носила такой —

широкую коротенькую юбочку в складку синего или черного цвета и светлую блузку с пионерским галстуком. Обувь можно оставить и так, как есть у вас, можно в чулках и туфлях.

Брат Зои с 6-ти лет ее догнал в росте. Лысым он никогда не был, у него темные густые волнистые волосы и синие глаза, у Зои глаза потемнее.

Второй эскиз «Зоя в огороде» мне больше нравится, но не нравится только Зоя. Действительности, конечно, здесь нет, около дома огорода не было, огороды были очень красивые, много зелени, деревьев. Но сейчас все вырублено, и все изменилось. Так что можно оставить так, как у вас есть. Поза брата в огороде около Зои лучше, чем он отдельно показан.

Вы просите порекомендовать вам на случай, если вы поедете в Осиновые Гаи, любимые места Зои, я вам еще раз напомню, что ничего вы там не найдете: то, что было, война все изменила, несмотря на то, что фронта там не было.

Последний раз Зоя проводила каникулы у дедушки, когда ей было 16 лет, была она также в селе и в 12 лет.

Оставьте эскизы так, как они у вас начаты, если не сочтете нужным учесть мои замечания, и желаю вам успеха в вашей работе.

27/III-44 г.

С приветом

Л. Космодемьянская.

Опубликовано в газете «Тамбовская жизнь», 1998, 12 сентября.

БУДЬТЕ, КАК ЗОЯ!

Моим землякам — тамбовчанам

Двадцать лет тому назад пронеслась над миром грозная буря опустошительной войны.

Она принесла людям горе, лишения и страдания. Но советский народ выдержал это великое испытание, он добился полной победы над гитлеровцами, освободив не только свою родную землю, но и братские страны народной демократии. Мы победили в этой жестокой схватке с черными силами фашизма, благодаря единству нашего многонационального, многомиллионного советского народа, охваченного беспредельным патриотизмом и великими идеями коммунизма.

Мы никогда не забудем тех, кто в борьбе за эти высокие идеалы не щадил своих жизней. В сердцах наших матерей до сих пор жива боль о погибших близких и утраченных детях, которые, как и мои Зоя и Шура, отдали свои жизни за свободу своей Родины.

С тех пор прошло двадцать лет, а перед моими глазами как живое возникает лицо Зои с ее серыми лучистыми глазами и нежной улыбкой юного счастья. Такой запомнилась она мне в наши последние минуты прощанья, когда она уходила в партизанский отряд. «Не беспокойся за меня, мама, — сказала она мне, — мы обязательно победим, потому что на нашей стороне правда и справедливость».

И она была права — правда восторжествовала. Как сказочная птица Феникс, страна наша вышла еще более мужественной и прекрасной из пожара и пепелищ войны — на земле ее возникли новые города, шумит золотым колосом целинная степь, отважные космонавты проложили дорогу к звездам, а на самой Луне гордо красуется советский вымпел с серпом и молотом — символом нашего трудового народа.

Давно уже нет на земле моей Зои, но за это время выросло новое поколение молодежи, готовой бороться за те же светлые идеалы; со всех концов земного шара приходят ко мне письма со словами участия и обещания продолжать эту славную борьбу за счастье и свободу всего человечества. Рапортуют пионерские отряды и дружины имени Зои, и мне кажется, она незримо стоит среди них в пионерском галстуке, высоко подняв руку в своей торжественной клятве: «Будь готов! Будь готов всегда защищать родную землю!», мне кажется, я слышу ее голос и вижу ее сияющие ласковые глаза. Но великим утешением мне служит то, что она не даром отдала свою юную жизнь за то, чтобы все люди на земле никогда не испытали более кровавых войн и жили спокойно и радостно.

Хорошие и радостные письма мне пишут пионеры и комсомольцы Тамбовщины. С десятками школ, детских домов я поддерживаю систематическую переписку: Покрово-Васильевским детдомом, Канищевской школой-интернатом Пичаевского района, Осиногаевской средней школой и со многими другими школами. Я вместе с ними

радуюсь их пионерским делам. И хочется в день 20-летия со дня гибели Зои пожелать моим юным друзьям-землякам учиться еще лучше, трудиться на благо Родины! Помните, что вам, дорогие товарищи, придется строить и жить в коммунистическом обществе. Пусть же засияют для всего человечества великие слова коммунистической программы: Мир, Труд, Свобода, Братство, Равенство и Счастье для всех людей на земле!

Будьте же счастливы, мои дорогие друзья тамбовчане. Пусть на вашу долю никогда не выпадет это страшное зло, что выпало на долю Зои. Будем же своей отличной учебой и самоотверженным трудом крепить мощь и благосостояние нашей великой Родины — оплота мира во всем мире. Пусть ваши горячие сердца не забывают свою землячку Зою, и образ ее служит вам в воспитании лучших качеств советского человека.

27 ноября 1961 г.

С сердечным материнским приветом

Л. Космодемьянская.

Газета «Комсомольское знамя», 1961 г., 1 декабря.

СМЕЛО ГЛЯДИТЕ ВПЕРЕД!

Письмо Л. Т. Космодемьянской школьникам Осиногаевской школы

Дорогие товарищи, мои юные друзья!

Приближаются скорбные для меня дни героической смерти моей незабвенной Зои. Я пишу «дни», потому что фашисты почти месяц издевались и над мертвой Зоей. И в этот день хочется послать из нашей краснозвездной вам свой материнский привет.

Ежегодно школы, пионерские дружины и отряды отмечают день героической гибели Зои — 29 ноября. Хотя прошло уже много лет, но в памяти матери навсегда сохранится образ моей юной, жизнерадостной, жизнелюбивой дочери Зои.

Никогда не сотрутся в памяти матери тяжелые годы войны с гитлеровской Германией. Смерть и разрушение принесли подлые фашисты на нашу землю, и нужно было собрать все мужество, проникнуться сознанием перед Родиной и историей, чтобы отдать молодую жизнь за торжество правого дела. Так поступила моя Зоя, мечтавшая о литературном институте, так поступил и мой сын Александр, обыкновенный вихрастый паренек, всерьез думавший стать художником.

Мы, люди старшего поколения, закаленные в битвах революции, знали, конечно, что немецкий фашизм рано или поздно протянет свои кровавые лапы к нашей земле, а наши дети были чисты и наивны. Но с первых же дней войны им стало ясно, что они столкнулись с упорным, сильным и злобным врагом, не щадившим ни стариков, ни женщин, ни детей. Это понял наш народ, наши дети.

И вот тогда с миллионами юношей и девушек мои дети отважно ринулись в бой и отдали свои юные жизни за свободу и независимость своей любимой Родины. Наши молодые воины показали всему миру несокрушимую силу воли, свое превосходство над зарвавшимся врагом и стали примером борьбы за коммунистические идеалы.

Имена героев бессмертны. Народы чтят их память, называя их именами улицы и школы, пионерские дружины, отряды и рабочие бригады. В Москве есть улица имени Зои и Александра Космодемьянских, их имена присвоены школе, в которой они учились, скоро начнет бороздить моря и океаны второй корабль «Зоя Космодемьянская», спущенный со стапелей Николаевской судовой верфи, а далекая одноименная планета, открытая недавно, вечно будет бороздить космическое пространство.

Фашистам не удалось навсегда заглушить голос Зои, он звучит вот уже более 30 лет, зовет молодежь на лучшую учебу, на лучшие дела во славу и процветание нашей прекрасной Родины.

Годы идут. И то, что вчера было кровью и плотью, сегодня уже достояние истории. Но мы не забудем, мы не вправе забыть тех, кто отдал свои жизни за торжество идеалов Ленинской Коммунистической партии.

Дорогие пионеры, комсомольцы, молодежь! Отмечая день героической смерти Зои и Шуры, я всегда думаю о вас и не сомневаюсь в том, что если потребуется, то и вы по первому зову встанете на защиту нашей Родины, которая дала вам счастливое детство. Берегите ее замечательную природу, ее изумительные исторические памятники, изучайте революционное прошлое нашей страны. Все это сделает вас настоящими людьми, строителями светлого будущего. Не страшитесь никаких испытаний, смело

глядите вперед!

Желаю вам больших успехов в учебе.

Ноябрь 1972 г.

С сердечным приветом

Л. Космодемьянская.

РАССКАЗЫВАЕТ УЧИТЕЛЬНИЦА...

В 201-й московской школе, где учились Зоя и Шура, до войны сложился талантливый коллектив педагогов. Любимой учительницей Зои была Вера Сергеевна Новоселова.

В изданном пособии для учителей «Уроки словесности» автор И. Преловская пишет о ней: «Новоселова была учителем — публицистом, страстным, непримиримым. И мне всегда кажется, что в подвиг Зои Космодемьянской влилась какая-то часть души Веры Сергеевны Новоселовой: ведь Зоя была ее любимой ученицей, после уроков литературы появлялись в записной книжке Зои цитаты из романа «Что делать?» и «Как закалялась сталь», из Пушкина и Маяковского, а Зоины сочинения читались Верой Сергеевной вслух на уроках»

А вот что рассказала В. Новоселова автору пособия.

«Класс, в котором училась Зоя, был очень умный. Ребята рвались к культуре. Саша Космодемьянский занимался в кружке при Третьяковской галерее. Виктор Белокунь не раз выступал по радио как чтец. Читал, например, «Смерть Остапа». Часто бывали на экскурсиях. В Ясной Поляне, в Третьяковке. Зоя отличалась величайшей скромностью. Руки не поднимет, но, если спросишь, ответит прекрасно. Она занималась в кружке художественного чтения у Марии Дмитриевны Сосницкой, однако на вечере выступить отказалась, помешала застенчивость. В ее душе была так сильна потребность правды, с

которой было даже тяжело жить...

Зою я учила в VII, VIII и IX классах. Но раскрылась она мне с VIII класса, когда написала сочинение о трех богатырях. Я поняла, что передо мной не просто грамотная, но и незаурядная ученица, начитанная, мыслящая, принципиальная. Это было ее первое сочинение, которое я полностью прочла классу... В классе часто возникали споры, каждый хотел отстоять свое мнение. Вот мы обсуждаем драму Островского «Гроза». Возникает спор вокруг ее героини. Почему она покончила с собой — от силы или от слабости духа? Я им давала полную свободу высказаться. Образ Катерины они все-таки не приняли, потому что она не боролась, а ушла из жизни...»

Вере Сергеевне Новоселовой выпала трагическая миссия помочь установить личность Зои после гибели героини.

И. Преловская

«Уроки словесности», М. 1981 г.

«ЭТО БЫЛИ НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ...»

Крепкая дружба связывала ребят из Клуба интернациональной дружбы (КИД) «Планета» села Борщевка Тамбовского района и двоюродную сестру Зои Космодемьянской Нину Сергеевну Ланге. Они переписывались, делились интересующей их информацией, обменивались поздравлениями в дни больших праздников. И всегда отмечали день рождения Зои — 13 сентября. Руководитель клуба и создатель музея семьи Космодемьянских Лидия Алексеевна Шебунова попросила Н. Ланге поделиться воспоминаниями о Зое. «К сожалению, об этом я узнала слишком поздно, чтобы написать что-нибудь более или менее подробно, — писала уже тяжелобольная Нина Сергеевна в Борщевку. — Поэтому посылаю вам то, что сумела написать за сегодняшний вечер». Думается, и эти крупинки воспоминаний будут интересны всем, кто чтит память нашей народной героини, преклоняется перед ее подвигом. Подлинник письма хранится у Л. А. Шебуновой

Дорогие друзья!

Сердечное спасибо вам за добрую память о Зое, Шура и тете Любе. Это были настоящие люди, недаром их взрастила тамбовская земля. Земля, которая имеет свою историю и в настоящее время не утратила своей самостоятельности, и в смутное время не потеряла своего лица.

Зоя и Шура почти каждое лето ездили в Осиновые Гаи к дедушке и бабушке. Летом 1936 г. я с мамой и моим братом Леликом пришли из деревни Вельможки в Осиновые Гаи и все вместе отдыхали.

О мертвых плохо не говорят, но о Зое действительно ничего плохого сказать нельзя. Это была очень трудолюбивая, добрая, честная девочка, ни на какие компромиссы она не шла. А таким людям живется трудно. Зоя была очень отзывчива на добро. Жили мы в трудное время. Как-то весной мама достала кусок ситца и сшила по красному сарафанчику мне и Зое. Зоя была очень довольна, сарафанчик ей очень шел к ее смуглому лицу. Осенью бабушка прислала из Гаев шерстяную пряжу, и Зоя в благодарность связала мне теплые рейтузы.

В Москве мы жили далеко друг от друга, но виделись довольно часто, к нам — на улицу Б. Полянка — часто приезжала тетя Люба, а когда подросли, приезжали и Зоя с Шурой. Когда они учились в старших классах, ввели плату за обучение. Мой отец — Чуриков Сергей Тимофеевич — был начальником Геологического фонда СССР. В фонде составлялось много карт. Зоя с Шурой стали чертить геологические карты, чтобы заработать деньги на обучение. Зоя к работе относилась очень ответственно, и если папа находил какую-нибудь ошибку, пусть очень маленькую, Зоя ни за что не соглашалась ее оставить и все перечерчивала заново.

Папа очень любил и жалел свою сестру и называл ее Любашей. У тети Любы была очень трудная жизнь. Она рано овдовела, осталась с двумя детьми на руках. Она была очень красивая, высокая, статная. Но замуж она так и не вышла. Почему? Я не знаю, мы как-то на эту тему никогда не говорили, даже в ее последние годы. Она работала учительницей, и ей приходилось набирать много часов, чтобы прокормить детей. Зоя очень хорошо понимала свою маму, у нее был с нею полный контакт.

Внешне Зоя и Шура были непохожи. Зоя была сероглазой, а у Шуры глаза — ярко-синие. Зоя была шатенкой, а Шура — брюнет. Зоя была как взрослый человек — рассудительная, сдержанная, а Шура — как большинство мальчишек — озорной, непокорный. Он был очень талантливый мальчик, он хорошо рисовал. Турецкий поэт

Назым Хикмет, с которым тетя Люба познакомилась во время войны, когда увидел его рисунки, то сказал, что он настолько талантлив, что ему и учиться не надо. Но Шура ушел на фронт защищать свою Родину и мстить за сестру. Уже фронтовику, повоевавшему, раненому и награжденному, ему предложили больше не уезжать на фронт, а остаться в Москве. Он это предложение отверг и сказал, что не хочет быть золотопогонником (тыловиком). Но после войны он так и не вернулся домой. Он погиб 13 апреля 1945 года под Кенигсбергом. Это был последний жестокий удар для тети Любы. Она очень ждала сына с войны.

На опознании Зои она на глазах поседела, стала совсем белой, а при известии о гибели Шуры она потеряла слух.

Но это была мужественная женщина. Она продолжала дело детей — была в Комитете защиты Мира, выступала в защиту мира, в защиту детей. Но по праздникам ей особенно было одиноко и тоскливо. И хотя мы старались в праздники быть вместе с ней, детей её мы заменить не могли.

Вот такая грустная история семьи Космодемьянских.

Еще раз благодарю всех вас за память и желаю всего самого хорошего. Держитесь, тамбовчане!

17 октября 1999 г.

С искренним приветом Нина Сергеевна,

сестра Зои Анатольевны (двоюродная).

г. Москва.

ОСИНОВЫЕ ГАИ — СЕЛО ГЕРОЕВ

Работа над созданием нашего школьного музея трёх Героев — Зои и Александра Космодемьянских, Степана Перекальского — началась более сорока лет назад. 13 сентября 1957 года в Осиновых Гаях в торжественной обстановке был открыт бюст Зои Космодемьянской. Для села это стало большим событием, собравшим тысячи людей из всех районов области и даже из Москвы. Пламенная речь Любови Тимофеевны Космодемьянской на открытии памятника вдохновила педагогов школы, в которой Любовь

Тимофеевна работала в 1922 -1930 годах, на создание мемориальной комнаты. И вот начался сбор материалов. Старейшие наши учителя Евдокия Семеновна Свиридова, Анастасия Ивановна Каратаева, Анна Васильевна Шилкина стали инициаторами этого доброго дела, а возглавила всю работу Матрена Даниловна Перекальская. К сожалению, трое из них не дожили до открытия музея. Но мы всегда с большой любовью и теплотой вспоминаем о них. Они работали вместе с Любовью Тимофеевной, знали уклад семьи Космодемьянских, и их вклад в создание будущего музея неоченим. Кстати, Е. С. Свиридова, А. И. Каратаева и А. В. Шилкина были награждены орденом Ленина. Случай тоже редкий — в одной сельской школе три орденосца.

В Осиновых Гаях жили родственники семьи Чуриковых (девичья фамилия Любви Тимофеевны) — Лукьяновы, Давыдовы и другие. Они тоже оказывали помощь в сборе экспонатов, дополнили своими воспоминаниями уже известные нам факты. Приняли в этом участие и соседи семьи, сверстники Зои и Саши: Анна Федоровна Кожаринова, Михаил Федорович Кожаринов, Александра Ефимовна Подымова, Валентина Васильевна Аблова и многие, многие другие.

Собранный материал необходимо было систематизировать и оформлять. Большую работу по созданию будущей экспозиции провела старшая пионервожатая Антонина Матвеевна Лаптева вместе с советом дружины, с пионерским активом. Она длилась более 12 лет. С вводом в строй новой школы под музей были выделены три просторных светлых комнаты. 31 января 1969 года в торжественной обстановке он распахнул свои двери. Первыми посетителями, конечно же, стали учащиеся школы, жители села. Об открытии музея трех героев написали газеты «Пионерская правда», «Комсомольская правда», сообщили по Всесоюзному и областному радио. Работа же по сбору экспонатов, совершенствованию экспозиций не прекращается и до сих пор.

Учащиеся школы со своими учителями совершили много походов по тем местам, где пролегли партизанские тропы Зоинового отряда. Они встретились с одноклассниками героев, с их боевыми соратниками. Связь эта поддерживается и сегодня. Наши ребята были желанными гостями у Любви Тимофеевны, тесная дружба связывала их со сверстниками средней московской школы № 201, где учились Зоя и Шура.

У нас был единый лагерь труда и отдыха «Космодемьянец», москвичи ежегодно приезжали к нам летом и работали вместе с нашими ребятами на полях совхоза имени Зои Космодемьянской. Каждые зимние каникулы лучшие наши учащиеся проводили в Москве. О работе лагеря труда и отдыха «Космодемьянец» неоднократно писали газеты, посвящена ему целая глава в книге директора Н. Борисова «Здравствуй, Зоина школа». Звенья трудового отряда включали в свои составы Зою и Александра,

выполняли за них норму выработки, а москвичам, надо признать, с непривычки это было нелегко. Но большая дружба всегда выручала их. Так годами складывались добрые воспитательные традиции, так накапливался опыт патриотической работы. Но этим дело не ограничивалось.

Свой первый урок первоклассники нашей школы проводят в музее, где им в доступной для детей форме рассказывается о подвигах Зои и Шуры Космодемьянских, С. Перекальского. А 13 сентября ежегодно проводятся легкоатлетические соревнования на кубок Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Отрадно, что с каждым годом в них принимают участие все большее количество команд. 29 ноября, в день подвига Зои, в селе проходят митинги памяти, конкурсы на лучшее чтение стихов о героине, классные часы, читательские конференции, экскурсии в музей. В день присвоения Зое Космодемьянской звания Героя Советского Союза, 16 февраля, мы рассказываем нашим воспитанникам не только о подвиге землячки, но и о людях схожей судьбы, вставших на защиту Отчизны в тяжелую для нее годину. В феврале же в селе проходит месячник воинской славы и доблести. А вахта памяти традиционно проводится в мае, накануне и в день Победы.

В школьном музее проводятся классные часы по военно-патриотической тематике. Силами педагогов сделаны методические разработки по «Дням воинской славы России». В эту работу вовлекаем и учащихся. К примеру, они получают задание: собрать материалы о земляках — защитниках Ленинграда. Они обращаются к Книге памяти, картотекам погибших, к воспоминаниям ветеранов. После этого разыскивают родственников, расспрашивают их, делают записи. Считаем, что подобная практика полезна не только для учащихся, но и для будущих поколений осиногаевцев. Ведь все меньше и меньше становится людей, которые могли бы побывать в школе, в музее и рассказать о том пережитом лихолетье.

Трогательна традиция учащихся Каменской школы Земетченского района Пензенской области. Ее выпускники с последнего звонка отправляются в наш музей, я провожу с ними экскурсию. И это продолжается ежегодно вот уже более десятка лет. Экспонаты музея помогают в работе учителям истории, географии, литературы, иностранного языка и других предметов. Учащиеся же при написании сочинений на военно-патриотические темы также обращаются к его экспозициям. И не случайно на районных конкурсах они отмечались всегда с хорошей стороны.

Ежегодно в село трех героев прибывают многочисленные экскурсии, в основном в субботние и воскресные дни. И всегда мы встречаем гостей с радостью и теплотой, стараемся показать величие подвига нашего народа в борьбе за счастье и мир на земле. Не уходят из музея равнодушными его посетители. Обращают внимание на

такие красочно оформленные призывы: «Война унесла более тридцати миллионов жизней советских людей, она не обошла стороной ни одну семью, болью и скорбью она постучалась в каждый дом. Еще есть такие люди, старость которых не согрета ни сыновней, ни дочерней, ни супружеской любовью. Их отняла у них война. Найдите таких людей, согрейте их своей заботой и любовью, помогите им: прополтите грядки, помойте пол, принесите воды, сходите в магазин или аптеку». И такому призыву следуют многие наши мальчишки и девчонки. Они помогают престарелым людям. За последние годы поток посетителей заметно увеличился. Так, в 1998 году, когда отмечалось 75-летие Зои Космодемьянской, в осенне-летний период в музее побывало около десяти тысяч человек. Наибольшее число экскурсантов было из тамбовских школ № 2, 5, 15, 17, 19, 24, из педколледжа № 1, коммерческого колледжа, кирсановских, котовских школ, Кирсановского авиационного колледжа, ребят из Инжавинского, Пичаевского, Рассказовского, Староюрьевского районов, города Моршанска. Ну, и других, конечно.

Наши экскурсии стали выходить за рамки музея. Многие посетители просят провести их к домику, в котором жили Зоя и Александр Космодемьянские, на могилу дедушки Петра Ивановича. Отрадно, что священнослужитель Осиногаевской церкви откликается на наши просьбы. Даже во время литургии отец Александр разрешил нам проведение экскурсий, с соблюдением, разумеется, определенных правил, не нарушающих службу. Приезжающие в село обязательно посещают и наш мемориал, открытый с помощью администрации Гавриловского района к 50-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Он стал святыней для всех сельчан — от мала до велика. Часто можно наблюдать, как после окончания службы в церкви солдатские вдовы, ветераны войны, а также те, кто потерял своих близких, приходят к мемориалу. И первые свои три поклона они кладут перед памятником Зои. А затем сельчане направляются к мемориальным плитам, на которых высечены имена их родных и близких. Часто можно слышать от них: «Спасибо всем, кто сделал это, теперь нам есть где утешить вдовью горечь утраты, постоять в скорбной тишине».

Хочу выразить свою признательность всем, кто оказывает поддержку и помощь в работе музея. Это, в первую очередь, администрация Гавриловского района и ее глава Н. Д. Данилкин, директор ТОО имени Зои Космодемьянской С. А. Павлов, бывший глава Осиногаевского сельского Совета А. А. Фатюхин. Не могу не упомянуть и областные учреждения и организации, которые всегда откликаются на наши просьбы, с пониманием относятся к нуждам школьного музея. Это областное управление образования, областной краеведческий музей, областная станция юных туристов, областные библиотеки — им. А. С. Пушкина и детская, Тамбовский госархив. Руководителям этих учреждений мы благодарны за сотрудничество и помощь.

Сергей Полянский.

Директор Осиногаёвского музея Зои и Шуры Космодемьянских, С. Н. Перекальского.

НАШ ДРУГ МАКС КЛОСС

создал музей Зои Космодемьянской в Германии

Я училась в Абакумовской средней школе Токаревского района. В ней тогда занималось более тысячи учащихся. У нас была пионерская дружина, которая носила имя Зои Космодемьянской, была своя дружинная песня о ней. В пионерской комнате висел большой портрет отважной героини. В школе ежегодно отмечался день рождения Зои и день её подвига в Петрищеве. Одним словом, с её именем мы росли и мужали. Мне ещё тогда хотелось узнать как можно больше о землячке, в 18 лет шагнувшей в бессмертие, о ее родственниках. Но поисковой работой я смогла заняться только после окончания педагогического института, уже работая в школе. Однажды на заседании клуба интернациональной дружбы (КИД) мой ученик Лёня Михалёв сказал, что он слушал по радио выступление Любви Тимофеевны Космодемьянской и успел записать ее адрес. Мы сразу же написали письмо в Москву, а уже через две недели получили ответ. Сколько же было радости! 15 лет Любовь Тимофеевна была нашим верным другом и добрым наставником. Она присылала нам письма-воспоминания, фотографии своих детей, боевых друзей Зои и Шуры, книги с дарственными надписями. В одном из своих писем она писала: «Дорогие мои юные друзья! Вам предстоит умножить богатства нашей родной земли. Берегите всё, дорожите всем, что завещали вам старшие товарищи. Любите родную землю! Любите свою Родину! Трудитесь, прославляйте свою Отчизну! Будьте счастливы, здоровы и радостны. Дружески желаю успехов в учебе и всех добрых делах. С сердечным приветом и любовью Л. Т. Космодемьянская».

В том же 1963 году состоялась у школьников встреча с Иваном Степановичем Одарченко, легендарным солдатом из Трептов-парка. Он стал почётным президентом нашего КИДа «Планета». Он ответственно относился к своим «президентским» обязанностям: проводил в школе уроки мужества, рассказывал ребятам о подвигах своих боевых товарищей, их гуманном отношении к немецкому населению, особенно

детям. Мы смотрели с ним фильмы о войне, которые он доступно и очень умело комментировал. Иван Степанович передал нашему музею книги с автографами, значки, свои фотографии, гильзу со священной землей из Трептов-парка. Он-то и дал мне адрес немецкого коллеги из ГДР Макса Клосса, неутомимого воспитателя немецкой молодёжи. Он был горячим сторонником укрепления дружбы своих воспитанников с юношами и девушками нашей страны. У себя на родине он шефствовал над сорока школами, которые и сейчас чтут память о Зое Космодемьянской.

До последних своих дней Любовь Тимофеевна дружила с Максом Клоссом, отдавшим все свои силы, знания и опыт укреплению дружбы между нашими народами.

По приглашению нашего друга, учителя русского и немецкого языков Лотара Кречмара, мы с мужем Борисом Ивановичем побывали в 1982 году в ГДР. Навестили и Макса Клосса в Гребцине, округ Галле. Тогда я спросила его: «Почему Вас так заинтересовала судьба нашей советской героини?» Он ответил так: «Моя дочь Зиглинда — ровесница Зои. И она, воспитанная мной в антифашистском духе, могла быть на месте Зои. Пусть будет проклят фашизм! Нужно делать всё, чтобы никогда не повторилось такое жестокое насилие над людьми, чтобы никогда не было войны. И я делаю для этого всё возможное, что в моих силах».

20 лет своей жизни посвятил Макс Клосс сбору и изучению материала о жизни и героическом подвиге Зои Космодемьянской. Он стал инициатором создания музея советской героини в городе Кётен. Правда, в последние годы он переместился в город Эдериц (округ Галле). Об этом нам сообщила недавно дочь немецкого коммуниста Зиглинда Науманн. Самого Макса уже нет в живых. В том музее немало экспонатов, собранных борщевскими школьниками-кидовцами: книги Л. Т. Космодемьянской, открытки с видами Тамбова (на одной из них памятник Зое), значки, фотографии. Мы гордимся трёхцветным вымпелом, которым отмечено наше участие в создании музея имени Зои Космодемьянской в далеком немецком городе. По просьбе Макса Клосса, мы выслали ему фотографии экспонатов из Осиногаевского музея, виды родного села героев. Экскурсоводы Петрищевского музея также послали нашему немецкому другу заинтересовавшие его материалы.

Не остался в долгу и Макс. Подарки из Германии, сувениры занимают отдельный уголок в нашем сельском музее. Хранятся в нём и фотографии, рассказывающие о том, как чтут память о Зое немецкие ребята. Они проводят сборы в день её рождения и в день свершения героического подвига, возлагают цветы к могилам советских солдат и офицеров. И всегда с ними шелковое ярко-алое знамя с вышитым золотом портретом

Зою — подарок Любви Тимофеевны немецким друзьям. На одной из фотографий запечатлена инструментальная группа под руководством Макса Клосса, она исполняет песню о Зое «Партизанка из Петрищева» (музыка Хорста Форстера). Со своей инструментальной группой Макс побывал во многих городах Германии, где выступал в основном перед учителями и учащимися. У его воспитанников в 80-е годы даже девиз был такой: «Партизан — пример музыкальной группы» (имеется в виду группа юных дарований под руководством Клосса). Можно, конечно, улыбнуться этому необычному девизу, но он был, и ему следовали ребята.

Много лет спустя после войны, московская школьница Надя Рушева нарисует картину — женщины и девушки Петрищева оплакивают Зою. Печальны их лица, но сквозь застывшее страдание просвечивают мужество, решимость поддержать, подняться на защиту, на смену...

Но, Зоя, ты не одна!

Твой дух всегда с нами.

Ты погибла, но память жива, —

Говорит тебе молодежь нового времени.

Это подстрочник той самой песни, сочиненной Максом и так любимой немецкими школьниками. И еще в ней поется:

И когда мы вечером

Сидим у костра,

И эта песня звучит

В глубокую ночь,

Поднимаются

И сжимаются наши руки:

«Рот фронт!»

«Рот фронт!»

Перевод, конечно, непрофессиональный, но и он передает пафос этого патриотического произведения. В этой связи не могу не привести здесь хотя бы несколько строк из письма Любви Тимофеевны Клоссу: «Дорогой Макс Клосс! Я очень рада Вашему сообщению о том, что написана новая песня о подвиге наших партизан и моей дочери. Я полна уверенности, что она зажжет сердца молодежи новым энтузиазмом и стремлением продолжать их благородную борьбу за всеобщее счастье и справедливость на Земле... Я постараюсь повидать композитора Нину Макарову и попрошу ее написать Вам подробное письмо, что, я полагаю, она выполнит с большим желанием». Поясню: Нина Макарова — советский композитор, автор оперы «Зоя». Видимо, от нее Макс ожидал отзыв на его песню «Партизанка из Петрищева».

От нашего друга Макса мы узнали, что в Галле живет сестра Курта Рёмлинга, который был в одном партизанском отряде с Зоей и погиб, защищая Москву. Завязалась переписка с его сестрой Еленой Шименс, которая прислала нам фотографию брата, его биографию, свои воспоминания. Макс Клосс также познакомил юных кидовцев из Борщевки с замечательным человеком — ленинградцем Олегом Николаевичем Коротцевым, летописцем семьи Космодемьянских. Он стал инициатором создания звёздного мемориала Героев Великой Отечественной войны.

Скорбная весть о кончине Любви Тимофеевны пришла к нам незванной гостьей в мае 1978 года. Вспомнились недавние торжества в Москве, на которых Л. Т. Космодемьянской были вручены почетные свидетельства о присвоении малым планетам названия Зоя и Шура в честь ее детей-героев. Вскоре пришло письмо из ГДР. Макс Клосс просил советских астрономов увековечить светлый образ Л. Космодемьянской в названии одной из безымянных малых планет. О. Н. Коротцев сообщил ему: «Выполняя Ваше пожелание, астроном Тамара Михайловна Смирнова предложила назвать одну из новых малых планет в честь Зоиной мамы — Космодемьянская...»

Побывавший в нашем музее обозреватель газеты «Правда» Виктор Стефанович Кожемяко помог установить переписку с двоюродной сестрой Зои Космодемьянской Ниной Сергеевной Чуриковой-Ланге. В одном из писем она написала: «Посылаю Вам

мою переписку с Владимиром Егоровым. По-моему, она интересная. Началась она с моего ответа на письмо, адресованное тёте Любе. Писем ей приходило очень много, сама она не успевала на них отвечать, мы ей помогали. Так завязалась переписка». В заказной бандероли оказалось десять писем лейтенанта Владимира Егорова. Приведу первое из них полностью:

«Я не знаю Вашего имени. Хватит того, что Вы — мать Зои. Значит Вы — наша мать, родная, близкая. Не нужно быть нежным сыном, достаточно быть честным солдатом, человеком русской души, чтобы понять Ваше горе, слезы, муку.

Чем Вас порадовать? Чтобы сказать Вам такое — нужное, хорошее? Трудно это сделать, но оно есть. Дорогая наша, на днях мы — мстители за Зою, за Вашу материнскую скорбь — вершили достойный суд над одним из убийц нашей родной девушки Зои. Народ аплодировал при этой праведной казни. Это был он — один из запечатленных на снимке. Так по одному, по два, по десяти, по сотне, по тысяче — изведем гадов с лица земли.

В этот день я написал стихотворение для бойцов. Прочтите его.

По сугробам босую водили,

Выжигали, пытали огнем,

Насмехались, куражились, били

Своим кованым сапогом.

...И застыли уста молодые...

Затянулось тугое витье...

Трепещите, мучители злые,

Перед мстительной тенью ее!

Воин! Пусть твой гнев, твоя ненависть роет,

Рвет и глушит врага на пути!

Слышишь голос замученной Зои:

«Отомсти! Отомсти!.. Отомсти!..»

И рокочет в ответ канонадой:

«Нет, не будет убийцам пощады!

Своей кровью свой путь освящу.

Отомщу! Отомщу! Отомщу!»

И отомстим! Клянемся Вам именем Вашей дочери, а нашей сестры — родной бессмертной Зои, клянемся своей юностью — отомстим! Не убивайтесь в горе — мы принесем Вам Победу — самое высшее, в жертву чему принесла свою жизнь наша Зоя.

От всего солдатского сердца желаю Вам здоровья и радости.

Лейтенант Владимир Егоров. 30.X.43г.»

...В августе 2000 года Нины Сергеевны не стало. Но связь с этой семьей не оборвалась. Нам пишет и присылает очень ценные материалы её дочь Екатерина Константиновна Ланге.

На одной из наших очередных встреч было принято обращение: «Мы, члены интерклуба «Планета», обращаемся к учащимся всех школ области с просьбой: проводить ежегодно 7 мая День Памяти Любви Тимофеевны Космодемьянской. Мать, воспитавшая двух Героев Советского Союза, достойна этого. Любовь Тимофеевна ушла из жизни 7 мая 1978 года. Но она останется в ней навсегда. Как и её дети — Зоя и Шура. Зоя стала символом героизма поколения советской молодежи, вынесшего, не щадя жизни, невероятно тяжкие испытания ради свободы и счастья Родины.

И сама Любовь Тимофеевна останется для всех людей нашей страны, для всех честных людей земли примером, образцом матери, чью жизнь можно назвать каждодневным подвигом. У неё учились, учатся и будут учиться многие отцы и матери тому, как нужно формировать души юных, с какой высокой меркой подходить к сыновьям и

дочерям. Подвиг матери и её детей неразделим».

До настоящего времени продолжается дружба наша с немецким коллегой Лотаром Кречмаром из немецкого города Цвиккау. И этой дружбе вот уже четыре десятилетия. Много лет переписываются борщевские школьники с членами КИДа «Красная гвоздика» Корчунецкой школы-интерната Хмельницкой области на Украине (руководитель Софья Павловна Старосвитская) и членами КИДа имени Р. Зорге Какрыбашевской средней школы Башкирии (руководитель Василя Сайфулловна Хисматуллина). Они пишут в своих письмах: «Пусть наша дружба станет еще крепче!» И мы с ними солидарны. Боевая подруга Зои Клавдия Александровна Милорадова написала моим воспитанникам: «Прошу вас, вспоминайте ежегодно Зою, это значит, что вы будете вспоминать всех нас, отдавших жизни и здоровье ради жизни на земле...»

Помним и чтим!

Лидия Шебунова.

Директор Борщевского музея имени Зои Космодемьянской,

лауреат премии имени Зои Космодемьянской.

ЧИСТОТА, ВОССОЗДАННАЯ В МУЗЫКЕ

Образ героической дочери своего народа увековечен в мраморе и бронзе, о ней написаны книги, сложены стихи и поэмы, сняты фильмы. Не остались в стороне и композиторы

Впечатляющей музыкальной фреской выглядит композиция Д. Шостаковича к кинофильму И. Арнштама «Зоя». Музыка в этой картине, как и другие средства выразительности кино, подчинена одной задаче: передать становление образа героини. В узловых моментах музыка Шостаковича воссоздаёт душевную чистоту и цельность личности Зои, лирическое обаяние её молодости и героизм поступка. Лейтмотив кинопроизведения вырастает из «Песни о Зое», которая звучит увертюрой к кинофильму. Песня раскрывает истоки подвига партизанки: «Родная страна родила её смелою, Великий народ воспитал её гордою...»

Очень значима музыка в эпизодах фильма. Проникновенным ноктюрном звучит она в кадрах, рисующих Зою ребёнком. Музыка его «ночных страхов» заставляет вспомнить аналогичные образы в «Щелкунчике» Чайковского. Выразительна песенная мелодия солирующих скрипок на фоне арф, включённая в эпизод «Семнадцатая весна Зои». Она характеризует светлые мечты девушки, гуляющей в предрассветной Москве с близким ей человеком. Кульминации музыка достигает в панораме подвига Зои. Девушку-партизанку пытаются фашисты. Босую, полураздетую гонят её враги по снегу в морозную вьюжную зимнюю ночь. Чуть-чуть дают отогреться и вновь гонят по улицам деревни. Обессиленную, полуживую её возвращают в избу. Стучат часы-ходики. В помутневшем сознании Зои они превращаются в куранты на Спасской башне московского Кремля. Возвращается сознание, возвращается мысль о Родине, дающая девушке новые силы. И в этот момент звучит музыка — торжественная, величественная. Она сопровождает гордое и бесстрашное шествие партизанки к месту казни. Музыка эта — гимн подвигу Зои.

ПЕСНЯ О ТАНЕ ПАРТИЗАНКЕ

Текст М. Кремера Муз. В. Желобинского

Село с рассветом вышло из тумана,

Стоял суровый утренний мороз.

Схватили немцы девушку Татьяну

И потащили в хату на допрос.

В её глазах бесстрашие сияло,

При ней нашли гранату и наган.

Пытали... Но ни слова не сказала,

Не выдала Танюша партизан.

Припев:

Пусть слава не умолкнет о Тане комсомолке,
О наших девушках отважных и простых.
Они рискуют жизнью, как Таня, для Отчизны.
Споём же мы, товарищи, о них.

Седые ветви злобным ветром гнуло,
Палач к верёвке ящик приволок,
И девушка в последний раз взглянула
На вьющийся над крышами дымок.

«Нас не сломить!» услышали крестьяне.
А дальше петля крик оборвала,
И сила слов родной, любимой Тани
Слезу страданья с гневных лиц смела.

Припев.

Село с рассветом вышло из тумана,
Стоял суровый утренний мороз.
И девушку по имени Татьяна

Крестьяне хоронили у берёз.

Они клялись не дать врагу пощады,

Они клялись смерть Тани не забыть.

Умножить партизанские отряды,

За нашу Таню немцам отомстить.

Припев.

23 февраля 1942 года любители музыки, пришедшие в Московский театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, стали слушателями одноактной оперы «Таня» В. Дегтярева. Образ бесстрашной партизанки впервые на музыкальной сцене создала солистка театра З. Соловьева.

Героическому подвигу нашей землячки посвятила свою оперу и Н. Макарова. Её сочинение — «полнометражное», драматургически конфликтное, построено на противопоставлении советского человека его врагам. На основе этого произведения автор сочинил еще и оркестровую сюиту, оставив за ней название оперы — «Зоя».

Музыка балета А. Крейна «Татьяна» дала возможность коллективу Ленинградского театра им. С. М. Кирова в 1947 году рассказать о Зое Космодемьянской средствами хореографии. Танцоры, окрылённые романтикой подвига, создали эмоционально захватывающие образы.

Среди монументальных вокально-симфонических произведений о славной дочери народа выделяется музыкально-драматическая поэма В. Юровского «Зоя», написанная на слова М. Алигер. Она состоит из четырех частей — «Увертюра», «Подвиг», «Допрос», «Финал», каждая из которых являет собой глубокое осмысление композитором и поэтом героизма Зои. Выразительной и яркой получилась у авторов «Песня Зои» в третьей части. Простая, народная по характеру мелодия ее воспринимается как символ любви к жизни и Родине.

ПЕСНЯ О ЗОЕ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Сл. П. Градова

Муз. Ю. Милютина

Родная земля под Москвою

Пылала в суровый мороз.

Фашистами схвачена Зоя,

Её привели на допрос.

— Ты всё расскажи нам сначала,

Тогда отпустить прикажу!

И было вопросов немало,

Ответ был один: — Не скажу!

Припев:

И ветер то слово понёс над землёю

В далёкие сёла и к стенам Кремля.

И все услышали о юном герое,

О нашей подруге, о девушке Зое,

Которой гордится родная земля!

Фашисты её ни угрозой,

Ни пыткой сломить не смогли,

И утром, и утром морозным
На площадь казнить привели.
Взглянула она — перед нею
Толпою стоящий народ.
— Товарищи, будьте смелее
И знайте — победа придёт!
Припев.

Погибла за Родину Зоя,
Но память о ней не умрёт.
Немало в Отчизне героев,
Но помнит о каждом народ.
Сегодня мы в песнях крылатых
О радостной жизни поём,
И в наших рядах, как вожатый,
Бессмертное имя её!

Припев:

Ты, ветер, носи эту песнь над землёю
В далёкие сёла и к стенам Кремля.
Пусть песнь не смолкает о юном герое,

О нашей подруге, о девушке Зое,

Которой гордится родная земля!

Значительна симфония-легенда С. Разоренова «Памяти Зои Космодемьянской». Развернутое полотно симфонического повествования захватывает духовной чистотой и поэтичностью музыкальных образов, их живым соответствием духу и смыслу программного замысла — красота подвига возвышает человеческий образ, а не ужасы войны, подвигнувшие на него. В многотомном сочинении особенно впечатляют две народные мелодии, записанные композитором от людей, близко знавших Зою. Первая из них — партизанская песня-марш — воплощает в сочинении идею всенародного отпора врагу. Вторая легла в основу эпизода гибели героини.

Образ бесстрашной партизанки нашел воплощение и в камерно-инструментальном жанре. Среди первых — трио для фортепиано, скрипки и виолончели, созданное в 1942 году Г. Крейтнером. Оно имеет то же название, что и симфония Разоренова, и несет в себе высокую гуманистическую тему борьбы с фашизмом, чему отдала жизнь наша землячка.

Г. Таранов посвятил Зое свой «Патетический секстет» для двух скрипок, альты, виолончели, контрабаса и фортепиано. Психологически насыщенные, экспрессивные части его оттеняются жанровыми разделами.

О народной героине написано много песен. В их числе — «Песня о девушке-партизанке» В. Белого и «Зоя» Ю. Милютина, «Монолог о Тане» К. Данькевича.

Широкую популярность приобрели фольклорные песни «Тишина, ни огонька, ни звука» и «Село с рассветом вышло из тумана». Первая записана от воспитанников детского дома Волгоградской области. Её интонационный строй близок к городскому романсу. Композитор М. Раухвергер весьма тонко обработал её для трехголосного смешанного хора с фортепиано, а Н. Речменский переложил для женского коллектива с симфоническим оркестром. Первоисточником второй стало сочинение композитора Б. Фомина на слова М. Кримера. Народная транскрипция в разных вариантах звучит в народных хорах, как профессиональных, так и самодеятельных.

Многогранный образ Зои вдохновлял и тамбовских музыкантов. В годы войны композитор В. Желобинский, работавший в музыкальном училище, написал песню о

землячке-партизанке, погибшей в Петрищеве. Эта песня была напечатана в Тамбове, и концертные бригады преподавателей учебного заведения, выезжая во фронтовые части и концертируя в трудовых коллективах, исполняли ее. Другой тамбовец Г. Сметанин создал ораторию «Зоя» на слова М. Алигер. Это монументальное сочинение в трех частях, шести картинах ориентировано на солистов, хор и симфонический оркестр. В период лихолетья фрагменты из нее звучали во время гастролей по Тамбовщине хора областной филармонии под управлением автора и Ю. Валькова. А полностью сочинение было показано в 1948 году. Исполнили его коллективы и солисты музучилища и филармонии.

И в последующие годы местные композиторы не раз обращались к образу землячки. С концертной эстрады звучала «Баллада о Зое» Н. Емельяновой — преподавателя музучилища. Песня Л. Казанкова «Памятник Зое» стала премьерой в студенческом вокальном ансамбле «Зоренька». Она и сегодня в репертуаре коллектива. На Всесоюзном конкурсе молодых исполнителей советской песни в Риге в 1976 году третьей премии была удостоена «Песня о Зое» А. Нешко на стихи Майи Румянцевой. Ранее это сочинение звучало в спектакле Тамбовского драмтеатра им. А. В. Луначарского по пьесе М. Алигер «Зоя». На конкурсе песни, посвященном 65-летию образования Тамбовской области, внимание жюри привлекла песня «Зоя», сочинение С. Самойленко — музыканта из рабочего поселка Первомайский.

И это символично: образ юной героини остается духовным знаменем нового поколения XXI века.

Олег Казьмин.

Заслуженный работник культуры России.

«ЗОЯ — НАДЕЖДА РОССИИ...»

Размышления над сочинениями

Ещё свежи в памяти встречи, митинги в честь 75-летия нашей землячки Зои Космодемьянской, которые прошли на ее родине — в селе Осиновые Гаи и в Тамбове, у памятника героине. Тысячи людей объединила эта мужественная и смелая девушка,

отдавшая жизнь за свободу и независимость своей Родины в годы Великой Отечественной войны.

Среди старшеклассников области в 1998 году был проведен конкурс на тему «Дочь земли Тамбовской». На прочтение жюри поступило 75 сочинений учащихся 8-11-х классов из разных уголков Тамбовщины. «Зоя — надежда России, ее бессмертие и боль», — так написала Н. Беликова из Избердеевской средней школы Петровского района.

Я как член жюри с особенным интересом знакомилась с присланными работами, потому что для моего поколения, девчонок и мальчишек военных лет, Зоя Космодемьянская давно стала мерилom исполнения гражданского долга перед Родиной, преданности своему народу. Она органически вошла в нашу жизнь, как и сотни других легендарных героев Великой Отечественной войны. Она была примером для подражания, и в наши головы не приходила мысль о никчемности ее подвига. Имя Зои дорого для меня еще потому, что в день ее 75-летия на родине героини мне вручили Диплом лауреата премии имени Зои Космодемьянской.

Поэтому, вчитываясь в строки сочинений учащихся, хотела увидеть, насколько осознанно сегодняшнее поколение юных подходит к теме героизма, к пониманию сущности поведения советских девушек и юношей на войне в самых экстремальных условиях, в каких оказалась Зоя. И в целом члены жюри испытали чувство удовлетворения: в сочинениях не только описывалась жизнь и подвиг Зои, но и делались выводы о необходимости воспитания сегодняшних школьников на примере подвигов героев Великой Отечественной войны.

Работы убедили нас в том, что участники конкурса много прочитали о Зое, ознакомились с очерком Лидова «Таня», с газетными материалами о героине, в том числе и в нашей «Тамбовской жизни». Ученик 11-го класса из Никифоровского района Е. Синявин пишет: «Я прочитал две заметки в газете «Аргументы и факты», автором которых является писатель Жовтис. Какой цинизм, какая грязная клевета хлестала из каждой строчки! Я попытался расставить все точки над і и понял, что переписывать историю, как бы исправляя и уточняя её, берутся не всегда добросердечные и честные люди. Публикация о Зое — один из таких примеров». Автор сочинения понимает, что сплетни вокруг Зои и её подвига «служат для оболванивания подрастающего поколения. Но всех нас превратить в недоумков невозможно!» Очень верное замечание! Отрадно, что такие взволнованные строки принадлежат юноше. Ведь они обычно не склонны бурно проявлять свои эмоции.

До глубины души возмутила статья в «Аргументах и фактах» и десятиклассницу Л. Козачук (школа № 31, г. Тамбов). «Тревожно становится на душе, когда читаешь глумливые строчки, задевающие светлую память о погибших на войне. Не может быть счастливым народ, который не уважает своих героев, отдает их на поругание. Кому же мы уподобимся, если будем терзать память о героях войны?»

Вторит ей и десятиклассница из школы № 1 Мичуринска Н. Меркулова: «Когда я прочитала публикации, порочащие Зою, я думала о её матери. Как хорошо, что она не дожила до этих дней! Стыдно за страну, которая позволила очернить имя героини...»

Эмоционально и сочинение одиннадцатиклассника школы № 4 г. Кирсанова А. Тыртышного. «Передо мной портрет девушки, — пишет он. — Смотрю, смотрю и в глазах её читаю всё, что было. Вслух произношу слова Федора Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Сквозь призму времени вижу деревню Петрищеве... Дрожь охватила и сковала меня... то ли от страха, то ли от мороза. Вижу, ведут по зимней улице девочку в одной нижней рубашке, босую... Вижу, как допрашивают ее, как пытаются, как молчит она. И спрашиваю, что же дало ей столько сил, чтобы не плакать, не умолять о пощаде? Может быть, жизнь Чернышевского, которым она зачитывалась, или повесть о Татьяне Соломахе поразила ее? Наверное, и то, и другое...» Неординарно и заключение сочинения юноши: «Оторвал взгляд от портрета и поднял его к небу. Вижу, как бегут облака, вижу косяк журавлей, а в нем небольшого светлого журавлика — это Зоя, превратившаяся в журавля. Машу рукой и говорю стихами А. Барто: «Ты осталась в народе живая, и Отчизна гордится тобой!»

Поражают серьезные, взрослые размышления школьников о судьбах поколений, об уважительном отношении к истории, особенно Великой Отечественной войны, мысли о том, что «война — это трагедия не только конкретного народа, но и всей планеты!»

«Великая Отечественная война, — пишет И. Зайцев из Рудовской средней школы Пичаевского района, — поставила многих своих участников перед выбором: бороться и доказать свою любовь к Родине или смириться и покориться. Зоя, несмотря на свою юность, выбрала первое и проявила такую силу характера, мужество, храбрость, героизм, которому могут позавидовать многие мужчины... Вглядываясь в портрет этой девушки, невольно думаешь: «А что бы я сделал в этой ситуации, хватило бы сил у моего поколения вот так же с гордо поднятой головой идти на смерть во имя Родины? Однозначно ответить на этот вопрос не могу, и, может быть, потому в душе появляется еще большее уважение к этой смелой девушке. Мы не имеем права забывать, что наша земля рождала и еще способна рождать умных, красивых и отважных людей».

Аня Шапошникова (из Кирсанова) начинает свое сочинение с горького признания: «Никто не забыт, ничто не забыто... Как часто повторялись эти слова! Может, поэтому и забылось ее имя, имя девушки, совершившей подвиг во имя жизни на земле. К сожалению, многие из моих сверстников ничего не знают о Зое Космодемьянской». Она твердо убеждена: «Пока в памяти народа живет светлое имя Зои, народ этот не покорить никакому врагу».

Удивительное сочинение написала Катя Безгинова (лицей г. Мичуринска). Она поставила себя на место матери Зои и Шуры Л. Т. Космодемьянской и вместе с ней пришла в ненастный сентябрьский день на Новодевичье кладбище, к могилам детей. «Сколько раз приходила сюда? Теперь она и сама не помнила. Который раз глаза её, плохо видевшие от старости и застилавших их слёз, читали высеченные на мраморе проникновенные слова Островского... Тихий дом дочери всегда окружали цветы. В мудрых глазах женщины навечно поселилась боль, печаль и страдание от непосильной ноши, груза воспоминаний...» Ученица представляет, как к могиле Зои приходят школьники со своей молодой учительницей, как они, видя скорбь на заплаканном лице женщины, не отваживаются произнести торжественные слова.

И заканчивает девочка так своё сочинение: «Всё приходит и уходит. Но дети её бессмертны, и жизни их, такие короткие, но яркие... всегда будут служить уроком мужества и честности... неся в каждый дом отвагу и смелость, призывая любить и защищать свой дом — свою Отчизну».

Из 75-ти ученических сочинений, присланных на конкурс, мы отобрали 19 лучших. Это сочинения, в которых ребята отошли от простого пересказа истории жизни и подвига Зои, убедительно сумели показать, как им видится из сегодняшнего дня подвиг героини, в чём его суть и значимость для них, молодых людей конца XX столетия... «...трагедия моего поколения заключается в том, что нас хотят лишить веры, веры в святое. А этой святой, по моему глубокому убеждению, должна стать Зоя...» — так пишет Женя Синявин из Озерской средней школы.

«Нам, молодежи конца XX века, необходимо учиться патриотизму у таких героев, как Зоя» (В. Мананников, Петровский район). А. Кисляков из Рудовской средней школы Пичаевского района отмечает в сочинении, что именно в сельской глубинке сохранилась нравственность, что его земляки много трудятся, и у них, в Рудовке, не было ни одного случая отказа от службы в армии. «В «Песне о Соколе», — пишет он, — есть такие слова: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» Мы заканчиваем 11-й класс и невольно думаем: а что будет с нами? Сможем ли мы быть «безумными»?

Останавливает в сочинениях школьников, особенно юношей, мысль о том, что сегодняшние правители сознательно затушевывают все хорошее, яркое, достойное для подражания, что было при Советской власти, называют трагедией сегодняшних дней события в Чечне. «Мы оказались свидетелями войны в одном из регионов России — в Чечне. Там погибло много наших соотечественников. А вот за что они боролись?.. Была ли у этих молодых ребят такая же светлая цель, как 57 лет назад у Зои Космодемьянской и её сверстников? А может быть, это грязная игра политиков?.. Хочется верить, что молодые жизни отданы не даром...» И дальше юноша добавляет: «Я думаю, что народ, переживший такую страшную войну, как Великая Отечественная, должен бережней относиться к жизни» (И. Зайцев, Пичаевский район).

Интересны впечатления ребят, которые побывали на родине Зои, в школьном музее Зои и Александра Космодемьянских в Осиновых Гаях. Так, Дарья Козачук (школа № 31, г. Тамбов) пишет: «За тот час, что мы были в залах музея, слушая рассказ экскурсовода, я прожила жизнь Зои! Я была как во сне, почувствовала наш степной тамбовский ветер на лице, когда вместе с Зоей сбегала с кручи оврага вниз к ручью... Мне кажется, что это мои годы учёбы, а не Зои, тянутся чередой день за днем... И вот я вместе с Зоей в выпускном классе... Чем дальше я проживала жизнь Зои, тяжелее становилось на сердце... Вместе с Зоей я вступила в истребительный отряд. Как страшно идти одной тёмной ноябрьской ночью в тыл врага! Я чувствую, как пальцы рук похолодели, как к горлу подступает ком... Немцы пытали Зою, а мне казалось, что я преодолеваю боль, в моё тело вонзается штык, мою шею вместо тёплой маминой руки обняла петля палача... Еле справляясь со своими чувствами, я подняла голову: перед собою я увидела два десятка окаменевших лиц с глазами, полными слёз. Всё стало понятно! Всё, что со мной было, происходило и с моими одноклассниками».

Хочется верить, что ребята, писавшие процитированные строки, искренни и готовы на подвиг во имя Отчизны, как Зоя Космодемьянская. Хочется верить, что юбилей героини поможет возродить славную традицию воспитания патриотов на примере жизни замечательных людей. В этом убеждена и ученица 9-го класса школы № 23 г. Ми-чуринска Ю. Зоткина: «Я считаю, что день рождения Зои должен отмечаться в каждом классе всех школ Тамбовщины. Вот тогда-то мы и научимся ценить патриотов нашей страны и поймем, что главный талант каждого — это человечность».

Среди поступивших на конкурс сочинений были и работы в стихотворной форме: от небольших по объёму стихотворений, например, ученика Успеновской средней школы А. Логунова «Твой подвиг бессмертен», до поэм учениц средней школы № 35 г. Тамбова Оксаны Жиленовой «Дочь земли Тамбовской» и О. Моревой из гуманитарной гимназии г. Моршанска «Перед памятником Зое».

Сочинения прочитаны, подведены итоги, а мы, члены жюри, всё ещё находимся под впечатлением этих работ. Впервые за последние годы конкурс сочинений посвящался героине Великой Отечественной войны, чей подвиг, как и в целом величие подвига советского народа в той страшной войне, подвергается сейчас сомнению, охаиванию и забвению.

Поколение без идеалов, без высокой нравственности и духовности? Разве о таком поколении мечтали фронтовики, советские люди, восстановившие за немыслимо короткий срок разрушенное войной хозяйство, поднимавшие целинные земли и строившие БАМ?

Мне хотелось, чтобы как можно больше жителей узнали о конкурсе, о том, как думают и как воспринимают наши юноши и девушки подвиг Зои Космодемьянской. Мы, учителя, как никогда, должны чувствовать ответственность за тот нравственный багаж, который возьмут в будущее сегодняшние школьники.

И когда ребята в сочинении пишут: «Зоя жива. Это наша Зоя. Это и моя Зоя. Зоя и моего поколения», — надеешься, что это именно так и есть, не потеряно ещё сегодняшнее поколение.

Нету легких времён.

И в людскую врезается память

Только то, что пронёс эту тяжесть

На смертных плечах.

Стихами поэта Наума Коржавина заканчивает своё сочинение Юля Громова из Новолядинской средней школы. Это стихи о Зое!

Ольга Завадская.

Отличник народного просвещения,

лауреат премии имени Зои Космодемьянской.

ПОВЕСТЬ О ЗОЕ И ШУРЕ

(Фрагменты из книги)

ОСИНОВЫЕ ГАИ

На севере Тамбовской области есть село Осиновые Гаи. «Осиновый гай» значит «осиновый лес». Старики рассказывали, что когда-то здесь и вправду росли дремучие леса. Но в пору моего детства лесов уже не было и в помине.

Кругом далеко-далеко расстилались поля, засеянные рожью, овсом, просом. А у самого села земля была изрезана оврагами; с каждым годом их становилось все больше, и казалось — крайние избы вот-вот сползут на дно по крутому, неровному откосу. В детстве я побаивалась зимними вечерами выходить из дому: все холодно, неподвижно, всюду снег, снег без конца и края, и далекий волчий вой — то ли он слышится на самом деле, то ли мерещится настороженному детскому слуху...

Зато весной как преображалось все вокруг! Зацветали луга, земля покрывалась нежной, словно светящейся зеленью, и всюду алыми, голубыми, золотыми огоньками вспыхивали полевые цветы, и можно было целыми охапками приносить домой ромашки, колокольчики, васильки.

Село наше было большое — около пяти тысяч жителей. Почти из каждого двора кто-нибудь уходил на заработки в Тамбов, Пензу, а то и в Москву — клочок земли не мог прокормить бедняцкую крестьянскую семью.

Я росла в большой и дружной семье. Мой отец, Тимофей Семенович Чуриков, был волостной писарь, человек без образования, но грамотный и даже начитанный. Он любил книгу и в спорах всегда ссылался на прочитанное.

— А вот, помнится, — говорил он собеседнику, — пришлось мне прочитать одну книгу, так там насчет небесных светил объяснено совсем по-другому, чем вы рассуждаете...

Три зимы я ходила в земскую школу, а осенью 1910 года отец отвез меня в город

Кирсанов, в женскую гимназию. Более сорока лет прошло с тех пор, но я помню все до мелочей, словно это было вчера.

Меня поразило двухэтажное здание гимназии — у нас в Осиновых Гаях не было таких больших домов. Крепко держась за руку отца, я вошла в вестибюль и остановилась в смущении. Все было неожиданно и незнакомо: просторный вход, каменный пол, широкая лестница с решетчатыми перилами. Здесь уже собрались девочки со своими родителями. Они-то и смутили меня больше всего, больше даже, чем непривычная, показавшаяся мне роскошной обстановка. Кирсанов был уездным купеческим городом, и среди этих девочек, пришедших, как и я, держать экзамены, мало было крестьянских детей. Мне запомнилась одна, по виду настоящая купеческая дочка — пухлая, розовая, с ярко-голубой лентой в косе. Она презрительно оглядела меня, поджала губы и отвернулась. Я прижалась к отцу, а он погладил меня по голове, словно говоря: «Не робей, дочка, все будет хорошо».

Потом мы поднялись по лестнице, и нас стали одну за другой вызывать в большую комнату, где за столом сидели три экзаменатора. Помню, что я ответила на все вопросы, а под конец, забыв все свои страхи, громко прочла:

Отсель грозить мы будем шведу,

Здесь будет город заложен

Назло надменному соседу...

Внизу меня ждал отец. Я выбежала к нему, не помня себя от радости. Он сразу поднялся, пошел мне навстречу, и лицо у него было такое счастливое...

Так начались мои гимназические годы. Я сохранила о них теплое благодарное воспоминание. Математику у нас ярко, интересно преподавал Аркадий Анисимович Белоусов, русский язык и литературу — его жена, Елизавета Афанасьевна.

В класс она всегда входила улыбаясь, и устоять перед улыбкой её мы не могли — такая она была живая, молодая и приветливая. Елизавета Афанасьевна садилась за свой стол и, задумчиво глядя на нас, без всякого вступления начинала:

Роняет лес багряный свой убор...

Мы могли слушать ее без конца. Она хорошо рассказывала, увлекаясь и радуясь красоте того, о чем говорила.

Слушая Елизавету Афанасьевну, я поняла: учительский труд — большое искусство. Чтобы стать хорошим, настоящим учителем, надо иметь живую душу, ясный ум и, конечно, надо очень любить детей. Елизавета Афанасьевна любила нас. Она никогда не говорила об этом, но мы это знали без всяких слов — по тому, как она смотрела на нас, как иной раз сдержанно и ласково клала руку на плечо, как огорчалась, если кого-нибудь из нас постигала неудача. И нам все нравилось в ней: ее молодость, красивое вдумчивое лицо, ясный, добрый характер и любовь к своему труду. Много позже, уже став взрослой и воспитывая своих детей, я не раз вспоминала любимую учительницу и старалась представить себе, что сказала бы она мне, что посоветовала бы в трудную минуту.

И еще одним памятна мне кирсановская гимназия: учитель рисования нашел у меня способности к живописи. Рисовать я очень любила, но даже себе боялась признаться, что хотела бы стать художницей. Сергей Семенович Помазов однажды сказал мне:

— Вам надо учиться, непременно надо учиться: у вас большие способности.

Он, как и Елизавета Афанасьевна, очень любил свой предмет, и мы на его уроках узнавали не только о цвете, линиях, пропорциях, о законах перспективы, но и о том, что составляет душу искусства — о любви к жизни, об умении видеть ее повсюду, во всех ее проявлениях. Сергей Семенович первый познакомил нас с творениями Репина, Сурикова, Левитана — у него был большой альбом с прекрасными репродукциями. Тогда в моей душе зародилась еще одна мечта: поехать в Москву, побывать в Третьяковской галерее...

Но как ни хотелось мне учиться дальше, я понимала: нельзя. Семья едва сводила концы с концами, надо было помогать родителям. Окончив гимназию, я вернулась в Осиновые Гаи.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Весть об Октябрьской революции застала меня ещё в Кирсанове. Признаться, тогда я не очень поняла, что произошло. Помню только одно радостное ощущение: настал большой народный праздник. Город шумит и ликует, плещутся на ветру красные флаги. На митингах выступают простые люди — солдаты, рабочие.

Когда я вернулась в родное село, брат Сергей, друг моего детства и старший товарищ, сказал мне:

— Начинается новая жизнь, Люба, понимаешь, совсем новая! Пойду добровольцем в Красную Армию, не хочу оставаться в стороне.

Сергей был всего двумя годами старше меня, но я рядом с ним была еще совсем девчонкой. Он больше знал, лучше разбирался в происходящем. И я видела, что решение он принял твердое.

— Сережа, а мне что делать? — спросила я.

— Учительствовать! Конечно, учительствовать, — ни секунды не колеблясь, ответил брат. — Знаешь, теперь школы начнут расти как грибы. Думаешь, в Осиновых Гаях по-прежнему будет только две школы на пять тысяч жителей? Ну нет! Все учиться будут, вот увидишь. Народ больше без грамоты жить не станет.

Через два дня после моего приезда он ушел в Красную Армию, а я, не откладывая дела в долгий ящик, пошла в отдел народного образования и тут же получила назначение: в деревню Соловьянку, учительницей начальных классов.

Соловьянка была в трех верстах от Осиновых Гаев: бедная, неприглядная деревенька, убогие избы, покрытые соломой.

Немного утешила меня школа. Бывший барский дом стоял на краю деревни, утопая в зелени. Листва деревьев уже была тронута желтизной, но еще издали так весело и приветливо атели кисти рябины, вытянувшейся перед самыми окнами, что я невольно повеселела. Дом оказался довольно крепким и вместительным. Кухонька, прихожая и две комнаты: одна, побольше, — класс, другая — маленькая, с железными ставнями, — предназначалась мне. Я тут же разложила на столе привезенные с собой тетради, буквари и задачки, карандаши, ручки и перья, поставила бутылку с чернилами и пошла по деревне. Надо было переписать всех ребятишек школьного возраста — мальчиков и девочек.

Я заходила подряд во все избы. Встречали меня в первую минуту с недоумением, но потом разговаривали приветливо.

— Учительница, стало быть? Ну, учи, учи! — сказала мне высокая худая старуха с густыми и, показалось мне, сердито сдвинутыми бровями. — А только девчонок напрасно записываешь. Не к чему им учиться. Ткать да прясть, а там и замуж — для чего тут грамота?

Но я твёрдо стояла на своём.

— Теперь не прежнее время. Теперь совсем новая жизнь начинается, — сказала я словами брата Сергея. — Учиться всем надо.

...На другой день класс был битком набит — пришли все тридцать ребят, записанных мною накануне.

В крайнем ряду, у окон, сидели малыши — первоклассники, в среднем ряду — ученики второго класса, с другого края, у стены, — самые старшие, четырнадцатилетние, их было всего четверо. На первой парте, передо мной, сидели две девочки, обе светловолосые, веснушчатые и голубоглазые, в одинаковых цветастых платьях. Они были самые младшие, звали их Лида и Маруся Глебовы. Четыре старших мальчика у стены чинно встали, за ними поднялись и остальные.

— Здравствуйте, Любовь Тимофеевна! — услышала я нестройный хор детских голосов.
— С приездом вас!

— Здравствуйте. Спасибо! — ответила я.

Так начался мой первый урок, а потом дни пошли за днями. Мне было очень трудно справляться одновременно с тремя разными классами. Пока малыши старательно писали палочки, а старшие решали задачи на именованные числа, я рассказывала среднему ряду, отчего день сменяется ночью. Потом я проверяла задачку у больших, а вторая группа писала существительные женского рода с мягким знаком после шипящих. Тем временем малыши уставали выводить свои палочки, я возвращалась к ним, и они начинали читать, во всё горло выкликая по складам: «Ау, ма-ма!» Или: «Ма-ша е-ла кашу!»

Я с головой ушла в работу. Мне было весело и хорошо с моими ребятами. Дни пролетали незаметно. Раза два приходил ко мне из соседней деревни учитель, у которого был огромный, по моим тогдашним понятиям, опыт: он преподавал в школе

уже целых три года! Он сидел у меня на уроках, слушал, а потом давал советы и на прощанье всегда говорил, что дела мои идут хорошо.

— Детишки любят вас, — пояснял он, — а это самое главное.

СНОВА ДОМА

В Соловьянке я учительствовала одну зиму. С нового учебного года меня перевели в Осиновые Гаи. Жалко мне было расставаться с соловьянскими ребятами — мы успели привыкнуть друг к другу, — но переводу я обрадовалась: хорошо быть снова дома, среди родных!

Вернувшись в Осиновые Гаи, я снова встретилась с товарищем детства Толей Космодемьянским. Он был моим сверстником, но казался много взрослее: по серьезности, по жизненному опыту я не могла равняться с ним. Анатолий Петрович около года служил в Красной Армии, а теперь заведовал в Осиновых Гаях избой-читальней и библиотекой.

Тут же, в избе-читальне, собирался на репетиции драматический кружок: молодежь Осиновых Гаев и окрестных деревень, школьники и учителя ставили «Бедность не порок». Я играла Любовь Гордеевну, Анатолий Петрович — Любима Торцова. Он был и нашим руководителем и режиссером. Объяснения он давал весело, интересно. Если кто-нибудь путал, перевирал слова Островского или начинал вдруг кричать не своим голосом, неестественно таращить глаза и размахивать руками, Анатолий Петрович так остроумно, хоть и беззлобно, передразнивал его, что у того сразу пропадала охота становиться на ходули. Смеялся он громко, весело, неудержимо — ни у кого больше я не слышала такого искреннего, радостного смеха.

Вскоре мы с Анатолием Петровичем поженились, и я переселилась в дом Космодемьянских. Анатолий Петрович жил с матерью — Лидией Федоровной — и с младшим братом Федей. Другой брат — Алексей — служил в Красной Армии.

Жили мы с Анатолием Петровичем хорошо, дружно. Он был человек сдержанный, не щедрый на ласковые слова, но я в каждом его взгляде и поступке чувствовала постоянную заботу обо мне, и понимали мы друг друга с полуслова. Очень обрадовались мы, узнав, что у нас будет ребёнок. «Непременно будет сын!» — решили мы и вместе придумывали мальчугану имя, гадали о его будущем.

— Ты только подумай, — вслух мечтал Анатолий Петрович, — как это интересно: впервые показать ребенку огонь, звезду, птицу, повести его в лес, на речку... а потом повезти к морю, в горы... понимаешь, впервые!

И вот родился он, наш малыш.

— С дочкой вас, Любовь Тимофеевна, — сказала ходившая за мной старушка. — А вот и сама она голос подает.

В комнате раздался звонкий плач. Я протянула руки, и мне показали крошечную девочку с белым личиком, темноволосую и синеглазую. В эту минуту мне показалось, что я вовсе никогда и не мечтала о сыне и всегда хотела и ждала именно ее, вот эту самую девочку.

— Назовём дочку Зоя, — сказал Анатолий Петрович. И я согласилась.

Было это 13 сентября 1923 года.

ДОЧКА

Может быть, тому, у кого никогда не было детей, кажется, что все младенцы на один лад: до поры до времени они ничего не понимают и умеют только плакать, кричать и мешать старшим. Это неправда. Я была уверена, что узнаю свою девочку из тысячи новорожденных, что у неё особенное выражение лица, глаз, свой, не похожий на других голос. Я могла бы, кажется, часами — было бы только время! — смотреть, как она спит, как сонная вытаскивает ручонку из одеяла, в которое я ее туго завернула, как открывает глаза и пристально смотрит прямо перед собою из-под длинных густых ресниц.

А потом — это было удивительно! — каждый день стал приносить с собой что-то новое, и я поняла, что ребёнок действительно растёт и меняется «не по дням, а по часам». Вот девочка стала даже среди самого громкого плача умолкать, услышав чей-нибудь голос. Вот стала улавливать и тихий звук и поворачивать голову на тиканье часов. Вот начала переводить взгляд с отца на меня, с меня на бабушку или на «дядю Федю» (так мы после рождения Зои стали шутя называть двенадцатилетнего брата Анатолия Петровича). Пришел день, когда дочка стала узнавать меня — это был хороший, радостный день, он запомнился мне навсегда. Я наклонилась над люлькой. Зоя посмотрела на меня внимательно, подумала и вдруг улыбнулась. Меня все уверяли, будто

улыбка эта бессмысленная, будто дети в этом возрасте улыбаются всем без разбору, но я-то знала, что это не так!

Зоя была очень маленькая. Я её часто купала — в деревне говорили, что от купанья ребенок будет расти быстрее. Она много бывала на воздухе и, несмотря на то что приближалась зима, спала на улице с открытым личиком. На руки мы её попусту не брали — так советовали и моя мать, и свекровь Лидия Фёдоровна: чтоб девочка не разбаловалась. Я послушно следовала этому совету, и, может быть, именно поэтому Зоя крепко спала по ночам, не требуя, чтобы её укачивали или носили на руках. Она росла очень спокойной и тихой. Иногда к ней подходил «дядя Федя» и, стоя над люлькой, упрасивал: «Зоенька, скажи: дя-дя! Дай! Ну, говори же: ма-ма! Ба-ба!»

Его ученица широко улыбалась и лепетала что-то совсем не то. Но через некоторое время она и в самом деле стала повторять, сперва неуверенно, а потом все твёрже: «дядя», «мама»... Помню, следующим её словом после «мама» и «папа» было странное слово «ап». Она стояла на полу, совсем крошечная, потом вдруг приподнялась на цыпочки и сказала: «Ап!» Как мы после догадались, это означало: «Возьми меня на руки!»

ПРОЩАНЬЕ

Мамочка, — сказала Зоя, — решено: я иду на курсы медсестер.

— А завод как же?

— Отпустят. Ведь это для фронта.

В два дня она достала все необходимые справки. Теперь она была оживлённая, радостная, как всегда, когда находила решение. А пока мы с ней шили мешки, рукавицы, шлемы. Во время воздушных налетов она, как и прежде, дежурила на крыше или на чердаке и завидовала Шуре, который у себя на заводе потушил уже не одну за-жигалку.

Накануне того дня, когда Зое нужно было идти на курсы, она рано ушла из дому и не возвращалась до позднего вечера. Мы с Шурой пообедали одни. Он работал в эти дни в ночной смене и сейчас, собираясь уходить, что-то рассказывал мне, а я едва слушала — неотвязная, пугающая тревога вдруг овладела мною.

— Мам, да ты не слушаешь! — с упреком сказал Шура.

— Прости, Шурик. Это потому, что я не могу понять, куда девалась Зоя.

Он ушёл, а я проверила затемнение на окнах, села у стола, не в силах приняться ни за какое дело, и снова стала ждать.

Зоя пришла взволнованная, щеки у неё горели. Она подошла ко мне, обняла и сказала, глядя мне прямо в глаза:

— Мамочка, это большой секрет: я уйду на фронт, в тыл врага. Никому не говори, даже Шуре. Скажешь, что я уехала к бабушке в деревню.

Боясь разрыдаться, я молчала. А надо было ответить. Зоя смотрела мне в лицо блестящими, радостными и ожидающими глазами.

— А по силам ли тебе это будет?.. — сказала я наконец. — Ты ведь не мальчик.

Она отошла к этажерке с книгами и оттуда по-прежнему пристально, внимательно смотрела на меня.

— Почему непременно ты? — продолжала я через силу. — Если бы тебя призвали, тогда другое дело...

Зоя снова подошла и взяла меня за руки:

— Послушай, мама: я уверена, если бы ты была здорова, ты сделала бы то же, что и я. Я не могу здесь оставаться. Не могу! — повторила она. Потом добавила тихо: — Ты сама говорила мне, что в жизни надо быть честной и смелой. Как же мне быть теперь, если враг уже рядом? Если бы они пришли сюда, я не смогла бы жить... Ты знаешь меня, я не могу иначе.

Я хотела что-то ответить, но она снова заговорила, просто и деловито:

— Я еду через два дня. Достань мне, пожалуйста, красноармейскую сумку и мешок, который мы с тобой сшили. Остальное я сама добуду. Да, ещё: смену белья, полотенце, мыло, щётку, карандаш и бумагу. Вот и всё.

Потом она легла, я осталась сидеть у стола, чувствуя, что не смогу ни уснуть, ни читать. Всё было решено — это я видела. Но как же быть? Ведь она ещё девочка...

Мне никогда не приходилось искать слов в разговоре со своими детьми, мы всегда сразу понимали друг друга. А теперь мне казалось, что я стою перед стеной, которую мне не одолеть. Ах, если бы жив был Анатолий Петрович!..

Но нет: всё, что я ни скажу, будет напрасно. И никто — ни я, ни отец, будь он жив, — не удержит Зою...

В тот день Шура впервые после целой недели работал в утренней смене. Он пришел усталый и грустный и поел как-то нехотя.

— Зоя твёрдо решила ехать в Гаи? — спросил он.

— Да, — коротко ответила я.

— Ну что ж, — сказал Шура задумчиво, — это хорошо, что она уезжает. Девочкам сейчас в Москве не место... Голос его прозвучал неуверенно.

— Может быть, и ты поедешь? — добавил он, чуть помедлив. — Там тебе будет спокойнее.

Я молча покачала головой. Шура вздохнул, поднялся из-за стола и вдруг сказал:

— Знаешь, я лягу. Что-то я устал сегодня.

Я прикрыла лампу газетным листом. Шура некоторое время лежал молча, с открытыми глазами и, кажется, сосредоточенно думал о чем-то. Потом повернулся к стене и вскоре уснул.

* * *

Зоя вернулась поздно.

— Я так и знала, что ты не спишь, — сказала она тихо. И добавила ещё тише: — Я еду завтра, — и, словно желая ослабить силу удара, погладила мою руку.

Тут же, не откладывая, она ещё раз проверила вещи, которые надо было взять с собой, и аккуратно уложила в дорожный мешок. Я молча помогала ей. Так буднично просты были эти сборы, когда стараешься сложить каждую вещь, чтоб она занимала поменьше

места, и деловито засовываешь в свободный уголок кусок мыла или запасные шерстяные носки... А ведь это были наши последние, считанные минуты вместе. Надолго ли мы расстаёмся? Какие опасности, какие тяготы, едва посильные порою и мужчине, солдату, ждут мою Зою?.. Я не могла заговорить — я знала, что не имею права заплакать, и только всё стоял в горле горький комок.

— Ну вот, — сказала Зоя, — кажется, всё. Потом выдвинула свой ящик, достала дневник и тоже хотела положить в мешок.

— Не стоит, — с усилием выговорила я.

— Да, ты права.

И, прежде чем я успела остановить ее, Зоя шагнула к печке и бросила тетрадь в огонь. Потом присела тут же на низкую скамеечку и тихонько, по-детски попросила:

— Посиди со мной.

Я села рядом, и, как в былые годы, когда дети были маленькие, мы стали смотреть прямо в весёлое, яркое пламя. Но тогда я рассказывала что-нибудь, а раздумываясь от тепла Зоя и Шура слушали. Теперь я молчала. Я знала, что не смогу вымолвить ни слова.

Зоя обернулась, взглянула в сторону спящего Шуры, потом мягко взяла мои руки в свои и едва слышно заговорила:

— Я расскажу тебе, как всё было... Только ты никому-никому, даже Шуре... Я подала заявление в райком комсомола, что хочу на фронт. Ты знаешь, сколько там таких заявлений? Тысячи. Прихожу за ответом, а мне говорят: «Иди в МК комсомола, к секретарю МК».

Я пошла. Открыла дверь. Он сразу внимательно-внимательно посмотрел мне в лицо. Потом мы разговаривали, и он то и дело смотрел на мои руки. Я сначала все вертела пуговицу, а потом положила руки на колени и уже не шевелила ими, чтобы он не подумал, что я волнуюсь... Он сначала спросил биографию. Откуда? Кто родители? Куда выезжала? Какие районы знаю? Какой язык знаю? Я сказала: немецкий. Потом про ноги, сердце, нервы. Потом стал задавать вопросы по топографии. Спросил, что такое азимут, как ходить по азимуту, как ориентироваться по звездам. Я на всё ответила. Потом: «Винтовку знаешь?» — «Знаю». — «В цель стреляла?!» — «Да». — «Плаваешь?» — «Плаваю». — «А с вышки в воду прыгать не боишься?» — «Не боюсь».

— «А с парашютной вышки не боишься?» — «Не боюсь». — «А сила воли у тебя есть?» Я ответила: «Нервы крепкие. Терпеливая». — «Ну что ж, говорит, война идет, люди нужны. Что если тебя на фронт послать?» — «Пошлите!» — «Только, говорит, это ведь не в кабинете сидеть и разговаривать... Кстати, ты где бываешь во время бомбежки?» — «Сажу на крыше. Тревоги не боюсь. И бомбежки не боюсь. И вообще ничего не боюсь». Тогда он говорит: «Ну хорошо, пойдешь в коридор и посиди. Я тут с другим товарищем побеседую, а потом поедет в Тушино делать пробные прыжки с самолета».

Я пошла в коридор. Хожу, думаю, как это я стану прыгать — не сплеховать бы. Потом опять вызывает: «Готова?» — «Готова». И тут он начал пугать... (Зоя крепче сжала мою руку.) Ну, что условия будут трудные... И мало ли что может случиться... Потом говорит: «Ну, иди подумай. Придешь через два дня». Я поняла, что про прыжок с самолета он сказал просто так, для испытания.

Прихожу через два дня, а он и говорит: «Мы решили тебя не брать». Я чуть не заплакала и вдруг стала кричать: «Как так не брать? Почему не брать?»

Тогда он улыбнулся и сказал: «Садись. Ты пойдешь в тыл». Тут я поняла, что это тоже было испытание. Понимаешь, я уверена: если бы он заметил, что я невольно вздохнула с облегчением или ещё что-нибудь такое, он бы ни за что не взял... Ну, вот и всё. Значит, первый экзамен выдержала...

Зоя замолчала. Весело потрескивали дрова в печке, теплые отсветы дрожали на Зоинном лице. Больше света в комнате не было. Долго еще мы сидели так и смотрели в огонь.

— Жаль, что дяди Сережи нет в Москве, — задумчиво сказала Зоя. — Он поддержал бы тебя в такое трудное время, хотя бы советом...

Потом Зоя закрыла печку, постелила себе и легла. Немного погодя легла и я, но уснуть не могла. Я думала о том, что Зоя не скоро ещё будет снова спать дома, на своей кровати. Да спит ли она?.. Я тихонько подошла. Она тотчас шевельнулась.

— Ты почему не спишь? — спросила она, и по голосу я услышала, что она улыбается.

— Я встала посмотреть на часы, чтобы не проспять, — ответила я. — Ты спи, спи.

Я снова легла, но сон не шел. Хотелось опять подойти к ней, спросить: может, она раздумала? Может, лучше эвакуироваться всем вместе, как нам уже не раз

предлагали?.. Что-то душило меня, дыхания не хватало... Это последняя ночь. Последняя минута, когда я ещё могу удержать её.

Потом будет поздно... И опять я встала. Посмотрела при смутном предутреннем свете на спящую Зою, на её спокойное лицо, на плотно сжатые, упрямые губы — и в последний раз поняла: нет, не передумает.

Шура рано уходил на завод.

— До свиданья, Шура, — сказала Зоя, когда он стоял уже в пальто и шапке. Он пожал ей руку.

— Обними деда, — сказал он. — И бабушку. Счастливого тебе пути!.. Знаешь, нам будет скучно без тебя. Но я рад: в Гаях тебе будет спокойнее.

Зоя улыбнулась и обняла брата.

Потом мы с нею выпили чаю, и она стала одеваться. Я дала ей тёплые зелёные варежки с чёрной каёмкой, которые сама связала, и свою шерстяную фуфайку.

— Нет, нет, не хочу! Как же ты будешь зимой без теплого? — запротестовала Зоя.

— Возьми, — сказала я тихо. Зоя взглянула на меня и больше не возражала. Потом мы вышли вместе. Утро было пасмурное, ветер дул в лицо.

— Давай я понесу твой мешок, — сказала я. Зоя приостановилась:

— Ну зачем ты так? Посмотри на меня... Да у тебя слезы? Со слезами провожать меня не надо. Посмотри на меня ещё.

Я посмотрела: у Зои было счастливое, смеющееся лицо. Я постаралась улыбнуться в ответ.

— Вот так-то лучше. Не плачь...

Она крепко обняла меня, поцеловала и вскочила на подножку отходящего трамвая.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Дома каждая вещь сохраняла тепло недавнего Зонного прикосновения. Книги стояли на этажерке так, как она их расставила. Бельё в шкафу, стопка тетрадей на столе были уложены её руками. И аккуратно замазанные на зиму окна, и ветки с сухими осенними листьями в высоком стакане — всё, всё помнило её и напоминало о ней.

Дней через десять пришла открытка, всего несколько строк: «Дорогая мамочка! Я жива и здорова, чувствую себя хорошо. Как-то ты там? Целую и обнимаю тебя. Твоя Зоя».

Шура долго держал в руках эту открытку, читал и перечитывал номер полевой почты, словно хотел затвердить его наизусть.

— Мам?! — сказал он только, и в этом возгласе было всё: удивление, упрёк, горькая обида на нас за наше молчание.

Самолюбивый и упрямый, он ни о чём не хотел меня спрашивать. Его поразило и безмерно обидело, что Зоя не поделилась с ним, ни слова ему не сказала.

— Но ведь и ты, когда уезжал в июле, тоже Зое ничего не сказал. Ты тогда не имел права рассказывать, и она тоже.

И он ответил мне словами, каких я никогда не слышала от него (я и не думала, что он может так сказать):

— Мы были с Зоей одно. — И, помолчав, с силой добавил: — Мы должны были уйти вместе!

Больше мы об этом не говорили.

...«Не нахожу себе места» — вот когда я поняла, что значат эти слова! Каждый день до глубокой ночи я сидела за шитьём военного обмундирования и думала, думала: «Где ты сейчас? Что с тобой? Думаешь ли ты о нас?..»

Однажды у меня выдалась свободная минута, и я стала приводить в порядок ящик стола: мне хотелось освободить место для Зоиных тетрадей, чтобы они не пылились напрасно.

Сначала мне попались листки, густо исписанные Зоиным почерком. Я прочла их: это были разрозненные страницы ее сочинения об Илье Муромце, по-видимому, черновик. Начиналось сочинение так:

«Безграничны просторы русской земли. Три богатыря хранят её покой. Посредине, на могучем коне, Илья Муромец. Тяжёлая булава в его руке готова обрушиться на врага. По бокам — товарищи верные: Алеша Попович с лукавыми глазами и красавец Добрыня».

Мне вспомнилось, как Зоя читала былины об Илье, как принесла однажды репродукцию со знаменитой картины Васнецова и долго, сосредоточенно рассматривала её. Описанием этой картины она и начала сочинение.

На другом листке стояло:

«Народ относится к нему ласково, жалеет, когда он ранен в бою, называет Иленькой и Илюшенькой: «Ножка у Иленьки подвернулася». Когда его одолевает злой «нахвалыщик», то сама земля русская вливает в него силы: «Лежичи, у Ильи втрое силы прибыло».

И на обороте:

«И вот, спустя столетия чаяния и ожидания народные сбылись: у нашей земли есть свои достойные защитники из народа — Красная Армия. Недаром поётся в песне: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Мы делаем былью чудесную сказку, и поет народ о своих героях с такой же глубокой любовью, как пел он когда-то об Илье Муромце».

Я бережно вложила эти листки в одну из Зоиних тетрадей и увидела, что в этой тетради сочинение об Илье Муромце, уже исправленное, переписано начисто, а в конце его рукою Веры Сергеевны отчетливо выведено: «Отлично».

Потом я стала укладывать всю стопку в ящик и почувствовала, что в самом углу что-то мешает. Протянула руку, нащупала что-то твёрдое и вытащила маленькую записную книжку. Я открыла её.

На первых страничках были записаны имена писателей и названия произведений, против многих стояли крестики: значит, прочтено. Тут были Жуковский, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Диккенс, Байрон, Мольер, Шекспир... Потом шли несколько листков, исписанных карандашом, — полустершиеся, почти неразборчивые строки. И вдруг — чернилами, бисерно мелким, но чётким Зонным почерком:

«В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (Чехов).

«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь» (Маяковский).

На следующей страничке я увидела быструю запись карандашом: «В «Отелло» — борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты и духовной искренности. Тема «Отелло» — победа настоящего, большого человеческого чувства!»

И еще: «Гибель героя в шекспировских произведениях всегда сопровождается торжеством высокого морального начала».

Я листала маленькую, уже чуть потрепанную книжку, и мне казалось, что я слышу голос Зои, вижу её пытливые, серьезные глаза и застенчивую улыбку.

Вот выдержка из «Анны Карениной» о Серёже: «Ему было девять лет, он был ребенок — но душу свою он знал, она была дорога ему, он берег её, как веко бережет глаз, и без ключа любви никого не пускал в свою душу».

Я читала — и мне казалось, что это сказано о самой Зое. Всё время, из-за каждой строчки, это она смотрела на меня.

«Маяковский — человек большого темперамента, открытый, прямой. Маяковский создал новую жизнь в поэзии. Он — поэт-гражданин, поэт-оратор».

«Сатин: «Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!»

«...Что такое — правда? Человек — вот правда!»

«...Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!.. Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо!.. Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!.. Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми. Не в этом дело!.. Человек — выше! Человек — выше сытости!» (Горький, «На дне».)

Новые странички — новые записи:

«Мигуэль де Сервантес Сааведра. «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский». Дон-Кихот — воля, самопожертвование, ум».

«Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего» (М. Горький).

«Впервые прочёл хорошую книгу — словно приобрел большого, задушевного друга. Прочёл читанную — словно встретился вновь со старым другом. Кончаешь читать хорошую книгу — словно расстаёшься с лучшим другом, и кто знает, встретишься ли с ним вновь» (китайская мудрость).

«Дорогу осилит идущий».

«В характере, в манерах, стиле, во всем самое прекрасное — это простота»
(Лонгфелло).

И снова, как в тот день, когда я читала Зоин дневник, мне казалось, что я держу в руках живое сердце — сердце, которое страстно хочет любить и верить. Я всё перелистывала книжку, подолгу задумываясь над каждой страничкой, и мне чудилось: Зоя рядом, мы снова вместе.

И вот последние листки. Дата: октябрь 1941.

«Секретарь Московского комитета — скромный, простой. Говорит кратко, но ясно. Его тел. К 0-27-00, доб. 1-14».

А потом — большие выписки из «Фауста» и целиком — хор, славящий Эвфориона:

Лозунг мой в этот миг -

Битва, победный крик.

.....

Пусть! На крыльях своих

Рвусь туда!

Рвусь в боевой пожар,

Рвусь я к борьбе.

«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме

России» (Салтыков-Щедрин).

И вдруг на последней странице, как удар в сердце, — слова из «Гамлета»:

«Прощай, прощай и помни обо мне!»

Из книги Л. Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре»,

Детгиз, 1950 г.

ЗОЯ

(отрывок из поэмы)

* * *

Как морозно!

Как светла дорога,

утренняя, как твоя судьба!

Поскорей бы!

Нет, еще немного!

Нет, еще не скоро...

От порога...

по тропинке...

до того столба...

Надо ведь еще дойти дотуда,
этот длинный путь еще прожить...
Может ведь еще случиться чудо.
Где-то я читала...
Может быть!..
Жить...
Потом не жить...
Что это значит?
Видеть день...
Потом не видеть дня...
Это как?
Зачем старуха плачет?
Кто ее обидел?
Жаль меня?
Почему ей жаль меня?
Не будет
ни земли,
ни боли...
Слово «жить»...
Будет свет,
и снег,

и эти люди.

**Памятник Зое Космодемьянской в селе
Осиновые Гаи. Скульптор М. Салычев**

Будет все, как есть.

Не может быть!

Если мимо виселицы прямо

все идти к востоку — там Москва.

Если очень громко крикнуть: «Мама!»

Люди смотрят.

Есть еще слова...

— Граждане,

не стойте,

не смотрите!

(Я живая, — голос мой звучит.)

Убивайте их, травите, жгите!

Я умру, но правда победит!

Родина! —

Слова звучат, как будто

это вовсе не в последний раз.

— Всех не перевешать,

много нас!

Миллионы нас!.. —

Еще минута -

и удар наотмашь между глаз.

Лучше бы скорей,

пускай уж сразу,

чтобы больше не коснулся враг.

И уже без всякого приказа

делает она последний шаг.

Смело поднимаешься сама ты.

Шаг на ящик,

к смерти

и вперед.

Вкруг тебя немецкие солдаты,

русская деревня,

твой народ.

Вот оно!

Морозно, снежно, мглисто...

Розовые дымы... Блеск дорог...

Родина!

Тупой сапог фашиста

выбивает ящик из-под ног.

* * *

(Жги меня, страдание чужое,

стань родною мукою моей.

Мне хотелось написать о Зое

так, чтоб задохнуться вместе с ней.

Мне хотелось написать про Зою,

чтобы Зоя начала дышать,

чтобы стала каменной и злою

русская прославленная мать.

Чтоб она не просто погрустила,

уронив слезинку на ладонь.

Ненависть — не слово,

это — сила,

бьющий безошибочно огонь.

Чтобы эта девочка чужая

стала дочкой тысяч матерей.

Помните о Зое, провожая

в путь к победе собственных детей.

Мне хотелось написать про Зою,

чтобы той, которая прочтет,
показалось: тропкой снеговой
в тыл врага сама она идет.
Под шинелью спрятаны гранаты.
Ей дано задание.
Всё всерьез.
Может быть, немецкие солдаты
ей готовят пытку и допрос?
Чтоб она у совести спросила,
сможет ли,
и поняла:
«Смогу!»
Зоя о пощаде не просила.
Ненависть — не слово, это — сила,
гордость и презрение к врагу.
Ты, который встал на поле чести,
русский воин,
где бы ты ни был,
пожалей о ней, как о невесте,
как о той, которую любил.
Но не только смутною слезою

пусть затмится твой солдатский взгляд.

Мне хотелось написать про Зою

так, чтоб ты не знал пути назад.

Потому что вся её отвага,

устремленный в будущее взгляд, —

шаг к победе,

может быть, полшага,

но вперед,

вперед, а не назад.

Шаг к победе —

это очень много.

Оглянись, подумай в свой черёд

и ответь обдуманно и строго,

сделал ли ты этот шаг вперёд?

Близкие,

товарищи,

соседи,

все, кого проверила война,

если б каждый сделал шаг к победе,

как бы к нам приблизилась она!

Нет пути назад!

Вставай грозою.

Что бы ты ни делал, ты — в бою.

Мне хотелось написать про Зою,

будто бы про родину свою.

Вся в цветах, обрызганных росой,

в ярких бликах утренних лучей...

Мне хотелось написать про Зою так,

чтоб задохнуться вместе с ней.

Но когда в петле ты задыхалась,

я веревку с горла сорвала.

Может, я затем жива осталась,

чтобы ты в стихах не умерла.)

* * *

Навсегда сохрани фотографию Зои.

Я, наверно, вовеки её позабыть не смогу.

Это девичье тело,

не мертвое

и не живое,

Это Зоя из мрамора
тихо лежит на снегу.
Беспощадной петлёй перерезана тонкая шея.
Незнакомая власть в запрокинутом лице твоём.
Так любимого ждут,
сокровенной красой хорошея,
изнутри озаряясь таинственным женским огнём.
Только ты не дождалась его, снеговая невеста.
Он — в солдатской шинели,
на запад лежит его путь,
может быть, недалеко от этого страшного места,
где ложились снежинки на строгую девичью грудь.
Вечной силы и слабости неповторимо единство.
Ты совсем холодна, а меня прожигает тоска.
Не ворвалось в тебя, не вскипело в тебе материнство,
тёплый ротик ребёнка не тронул сухого соска.
Ты лежишь на снегу.
О, как много за нас отдала ты,
чтобы гордо откинуться чистым, прекрасным лицом!
За доспехи героя,
за тяжелые ржавые латы,

за святое блаженство быть храбрым бойцом.

Стань же нашей любимицей,

символом правды и силы,

чтоб была наша верность,

как гибель твоя, высока.

Мимо твоей занесенной снегами могилы -

на запад, на запад! —

идут,

присягая,

войска.

ЭПИЛОГ

Когда страна узнала о войне,

в тот первый день,

в сумятице и бреде,

я помню, я подумала о дне,

когда страна узнает о победе.

Каким он будет, день великий тот?

Конечно, солнце!

Неприменно лето!

И наш любимый город зацветёт

цветами электрического света.

И столько самолётов над Москвой,

и город так волнующе чудесен,

и мы пойдем раздвинутой Тверской

среди цветов, и музыки, и песен.

Смеясь и торжествуя, мы пойдём,

сплетая руки в тесные объятия.

Все вместе мы!

Вернулись в каждый дом

мужья и сыновья, отцы и братья.

Война окончена!

Фашизма в мире нет!

Давайте петь и ликовать, как дети!

И первый год прошёл,

как день,

как десять лет,

как несколько мгновений,

как столетье.

Год отступлений, крови и утрат.

Потерь не счесть,

страданий не измерить.

Припомни все и оглянись назад -
и разум твой откажется поверить.
Как многих нет,
и не сыскать могил,
и памятников славы не поставить.
Но мы живем, и нам хватило сил.
Всех сил своих мы не могли представить.
Выходит, мы сильнее самих себя,
сильнее камня и сильнее стали.
Всей кровью ненавядя и любя,
мы вынесли,
дожили,
достояли.
Мы стоим!
Он прожит, этот год.
Мы выросли, из нас иные седы.

Но это всё пустое!

Он придет,
он будет,
он наступит,

День Победы!

Пока мы можем мыслить, говорить
и подыматься по команде: «К бою!»,

пока мы дышим и желаем жить,
мы видим этот день перед собою.

Она взойдет, усталая заря,
согретая дыханием горячим,
живою кровью над землей горя
всех тех, о ком мы помним и не плачем.

Не можем плакать.

Слишком едок дым,
и солнце светит слишком редким светом...

Он будет, этот день,
но не таким,
каким он представлялся первым летом.

Пускай наступит в мире тишина.

Без пышных фраз,

без грома,

без парада

судьба земли сегодня решена.

Не надо песен.

Ничего не надо.

Снять сапоги и ноги отогреть,
поесть, умыться и поспать по чести...

Но мы не сможем дома усидеть,
и все-таки мы соберёмся вместе,
и все-таки, конечно, мы споём

ту тихую,
ту русскую,
ту нашу.

И встанем и в молчанье разопьём
во славу павших дружескую чашу.

За этот день отдали жизнь они.

И мы срываем затемнение с окон.

Пусть загорятся чистые огни
во славу павших в воздухе высоком.

Смеясь и плача, мы пойдём гулять,
не выбирая улиц,

как попало,

и незнакомых будем обнимать

затем, что мы знакомых встретим мало.

Мой милый друг, мой сверстник, мой сосед!

Нам этот день — за многое награда.

Война окончена. Фашизма в мире нет.

Во славу павших радоваться надо.

Пусть будет солнце,

пусть цветет сирень,

пусть за полночь затянутся беседы...

Но вот настанет следующий день,

тот первый, будний день за праздником

Победы.

Стук молотов, моторов и сердец...

И к творчеству вернувшийся художник

вздохнет глубоко и возьмет резец.

Резец не дрогнет в пальцах осторожных.

Он убивал врагов,

он был бойцом,

держал винтовку сильными руками.

Что хочет он сказать своим резцом?

Зачем он выбрал самый трудный камень?

Он бросил дом, работу и покой,

он бился вместе с тысячами тысяч

затем, чтоб возмужавшею рукой
лицо победы из гранита высечь.
В какие дали заглядишься ты,
ещё неведомый,
уже великий?
Но мы узнаем Зоины черты
в откинutom,
чудесном,
вечном лике.

Май-сентябрь 1942

Маргарита Алигер.

ВОЙСКО ПРАВЫХ

Пусть мои слова звучат набатом.
Вот лежит, раскинувшись в пыли,
Тот, который щелкал аппаратом
В час, когда на смерть ее вели.

Он хотел запечатлеть на пленке
Только казнь и больше ничего.

Только смерть отчаянной девчонки

Да свое тупое торжество.

Но навеки лента сохранила

Яркие, бессмертные черты.

Девичья сияющая сила,

Путь героя озаряешь ты.

Под прямым горящим взглядом Зои,

Перед гордым шествием ее

Копошится тусклое и злое

Гитлеровское офицерье.

И среди ничтожества и сброда,

Легким шагом устремясь вперед,

Девушка — любимица народа -

К смерти и в бессмертие идет.

Уместилось в фокус аппарата

Все, что Зоя завещала нам.

И неумолимая расплата

Мчится за убийцей по пятам.

От полуразрушенных предместий,

От сожженных вытопанных сел,

От народной непреклонной мести

Уходил палач и не ушел.

Мы одним порывом гнева жили,

Мстил за Зою каждый наш боец.

Сколько мы похожих уложили

И его настигли наконец.

Он уже не встанет из канавы.

Ну, а нас несет вперед земля.

И горят над нами светом славы

Порохом овеванные главы

Старого Смоленского Кремля.

Мы проходим, вестники свободы.

Нас ничто не держит. Пробил час!

И Днепра взволнованные воды,

Плача и смеясь, встречают нас.

Мы идем карающей грозой,

Нас послал разгневанный народ.

Войско правых, мстители за Зою,

За свободу Родины, вперед!

1943 г.

Маргарита Алигер.

У ПАМЯТНИКА ЗОЕ

Холодный мрамор и венки –

Мир вечного покоя.

Но, будто смерти вопреки,

С надгробья смотрит Зоя.

Сюда живые к ней идут,

Чтоб вспомнить подвиг Зои:

Седой подходит воин,

И вот стоит девчонка тут.

Со лба откинув завиток,
Она на камень гладкий
Кладет исписанный листок –
Он вырван из тетрадки.

Кладет слова присяги.
На клетчатой бумаге
Слова наивны и просты:
«Я тоже буду смелая!
Я тоже, Зочка, как ты,
Для Родины все сделаю!»

Агния Барто.

ТАНЯ

На лице твоём смертный покой...
Мы запомним тебя не такой, —
Мы запомним тебя смуглолицей,
Смелой девушкой с сердцем бойца.
Ты недавно была ученицей,
Поджидала подруг у крыльца...

Было лето...
Последний экзамен,
Волновались с подругой вдвоем.
А теперь старики-партизаны
Говорят о геройстве твоём.
Избивали фашисты и мучили,
Выводили босой на мороз,
Были руки веревками скручены,
Пять часов продолжался допрос.
На лице твоём шрамы и ссадины,
Но молчанье — ответом врагу.
Деревянный помост с перекладиной,
Ты босая стоишь на снегу.
Нет, не плачут седые колхозники,
Утирая руками глаза,
Это просто с мороза на воздухе
Стариков прошибает слеза.
Юный голос звучит над пожарищем,
Над молчаньем морозного дня:
«Умирать мне не страшно, товарищи,
Мой народ отомстит за меня!»

На лице твоём смертный покой...

Мы запомним тебя не такой.

Ты осталась в народе живая,

И Отчизна гордится тобой.

Ты — как слава ее боевая,

Ты — как песня, зовущая в бой!

Агния Барто.

ЗОЯ

На дубовой скамье, что была ей

конвейером пыток,

Не стонала она, и глаза не смотрели

с мольбой.

Кто ее укрепил?

Кто ей дал этой силы избыток,

Эту власть над собой?

Почему потемнел изувер,

истязающий Зою,

Заглянув ей в глаза?

Почему стало страшно ему?
Почему, не дрожа, Зоя шла по морозу
босою?
Не дрожа! Почему?
Как сумела она не издать
ни единого стога
В разъяренных когтях узколобого
штурмовика?
В смертный час почему,
перед нею склоняя знамена,
Расступились века?
Потому что века перед правдой
должны расступиться.
Зоя — это борьба, это русская доблесть
и честь!
В страшных муках ее есть и наших
страданий крупица,
Наше мужество есть!

1954 г.

Борис Ковынев.

Я – ТАНЯ

К 60-летию

Зои Космодемьянской

Нежный рот и высокие брови —
Восемнадцать девчоночьих лет.
В партизанских лесах Подмосковья
Никогда не исчезнет твой след.

Олененок с большими глазами,
Смуглых щек полудетский овал...
Посылал командир на задание —
Оказалось, в Бессмертье послал.

Ты попаласть гестаповцам в лапы,
В беспощадные клещи беды,
И палач раскаленную лампу
Подносил тебе вместо воды.

И тебя сапогами топтали:

— Где другие бандиты, ответь!

Как зовут? Ты откуда?

— Я — Таня...

— Где другие?

— Готовят вам смерть...

И по снегу ногами босыми,

Крепко сжав окровавленный рот,

Как на трон, партизанка России

На скрипящий взошла эшафот.

Огляделась:

— Что плачете, люди?

За меня и за вас отомстят!

...Ветер осени слезы мне студит.

Неужели тебе шестьдесят?

Нет, осталась ты юною, слышишь?

Над тобою не властны года.

В небе Вечности всходишь все выше

Комсомольская наша звезда!

1983 г.

Юлия Друнина.

ГОЛОС ЗОИ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Только раз я погибла.

И тысячи раз — воскресала...

И не мой ли протест

Над тревогою дня повисал?

Не моя ли душа,

Пролетая под сводами зала,

Вырывалась с трибун?

И взрывался овацией зал!

Я еще не успела

Оставить наследника миру,

Но наследство мое

У родного Отечества есть:

Неподкупная верность

Земле этой розовокрылой,

Комсомольское сердце,
Святая солдатская честь.
Разве в памяти дней

Не найти ни урока, ни смысла?
Разве мало тех жертв,
Чтобы мир от войны не погиб?
Навсегда умереть?
Не остаться ни в песнях, ни в мыслях?
Сгинуть в огненной бездне,
Взметнув термоядерный гриб?

Голос мой и призыв
Рвется к людям из подвигов прошлых,
Оседает росой
На цветущие травы и мхи.
И Раймондою Дьен
Откликаюсь на рельсах дорожных,
Он к Ассате Шакур
Сквозь застенок ворвется в стихи.

Это я говорю
От себя и от всех безымянных,
Оплативших собой
Золотое сияние дня.
От беспамятства вечного,
От катастроф окаянных
Защитите меня!
И посмертно спасите меня!

Людмила Щипахина.

ОНА В НАРОДЕ НЕ УМРЕТ

Как будто лишь сейчас взошла
На пьедестал — не эшафот.
И небо синева зажгла,
И свежий ветер волос рвет.
Оплечь тяжелый карабин
Висит сторожка на ремне.
И руки тонкие рябин
Склонились трепетно к земле.
Лица упрямый поворот,

Замкнут в молчанье гордом рот.

Погибшая за свой народ,

Она в народе не умрет.

Она жива!

Родимый край,

Там высока твоя звезда:

Ее село Осинов Гай

На картах мира — навсегда!

Иван Кучин.

ТВОЕ ИМЯ БУДЕТ ЖИТЬ ВСЕГДА

Восемнадцать и долгие сорок —

Устремленные в вечность года.

Прах войны превращается в порох,

Что сухим остается всегда.

И цветут краснофлагие зори —

В дни торжеств и в дни горестных тризн.

В этом ласковом имени — Зоя

Слышно слово бессмертное — Жизнь.

Эта девочка, хрупкая школьница,
Не согнувшая худеньких плеч,
Все, что в песнях страны колоколится,
Своей жизнью решила сберечь...

Люди шли — не на казнь, а на подвиг,
В горле комкали сдавленный плач.
Вот в руках, волосатых и потных,
Сжал тугую удавку палач.

Вот сейчас захлестнёт её шею,
Жилку трепетную оборвет.
— Что притихли? Смотрите смелее!
Я умру, но умру за народ!..

И народ расправлял свои спины,
Веря в праведный клич до конца.
Ты не знала тогда, героиня,
Сколько силы влила ты в сердца!

...У деревни Чернушки Матросов

На кинжальной струи острие
За весенние, светлые росы
Бросил юное сердце своё.

И в сраженьях, гремящих грозою,
Брат твой Саша, в дыму и огне,
Мчался в танке. И надпись: «За Зою!»
Пламенела на гордой броне.

И в Маутхаузене встал, леденя,
На тебя чем-то очень похож,
Генерал, пред которым злодеи
Не сумели унять свою дрожь...

Корабли просоленные — Зоя!
Парки, скверы зеленые — Зоя!
Школы, улицы светлые — Зоя!
И победы несметные — Зоя!

Твоя жизнь не прошла и не кончена,
Ей в грядущих былинах сиять.

Твоё имя Москва и Тамбовщина,
Вся Земля — будут век повторять.

Сорок лет светят красные зори —
В дни торжеств и в дни горестных тризн.

...Восемнадцатилетняя Зоя —
Бесконечная, вечная Жизнь.

29.11.1981 г.

Иван Кучин.

**Лауреат областной комсомольской
премии имени Зои Космодемьянской.**

БАЛЛАДА

*Памяти Зои Космодемьянской
и Веры Волошиной*

Их в разных местах схватили.

Несхожие имена...

Две матери их растили —

Россия у них одна.

Плеснули в девичьи лица
Морозная синь и ширь.
А рядом Москва дымится,
А там — вся в лесах — Сибирь.
За Зоей снега месили
Подкованные сапоги.
На иве, на грустной иве
Повесили Веру враги.
Где сыщешь ты человека,
Чтоб шапку пред Зоей не снял?
Про Веру же четверть века
Никто ничего не знал.
Молчала седая ива,
Растаял кровавый снег.
Две звездочки горделивых
Пусть светятся рядом вовек!

Владимир Фёдоров.

ЗОЕ

День рожденья подступил опять...

Сверстница, сестренка фронтовая!
В камне его выпало встречать,
Трепет в честных людях пробуждая.

В чистом сердце пробуждаешь ты
Мысли об Отчизне, о России,
Как за честь ее сражались мы,
Как невзгоды все переносили.

Как шагнула молодость в огонь:
В час, когда гремели грозно пушки,—
Парни со студенческой скамьи,
Школьницы, девчонки-хохотушки.

Отложив мечтанья о любви,
Слов прощальных не сказав и маме,
По полям заснеженным ползли
В тыл врага морозными ночами.

...Злые ветры дуют над страной,
Нечестивцев злобных кружит стая,

Мажут Память злобной клеветой,
Наш народ бесстыдно унижая.

Но не меркнет облик светлый твой,
Факелом духовности пылая...
В день рожденья сердцем мы с тобой,
Зоинька, сестренка дорогая!

А. Кузнецов

ЗОЯ

Зоя Космодемьянская родилась на Тамбовщине.

*Памятник её стоит в центре города,
у ног её всегда цветы*

Что такое подвиг?

Прощанье или встреча?

Что такое подвиг?

Секунда или вечность?

Шла она неслышно

От школьного порога,

Уходила девочка

в бессмертную дорогу.
Зимы пройдут, вёсны пройдут —
Дорога не кончится эта.
Лунного,
зимнего,
красного цвета —
Дорога не кончится эта...
А слова в тетрадках
В линейчку косую
По спине, по сердцу
Плетью полосуют.
Красно бились банты
У школьного порога.
Алая, как лента, —
В бессмертие дорога...
Закричать бы надо
Те слова, что знают.
Знак — вопрос петлёю
Под метелью ладится.
Точки, запятые —
У школьного порога.

Крики, восклицания —
В бессмертие дорога.
Кто придумал петли
Высоко над бедами,
У снегов России
Над детьми да дедами?..
Улыбнись с портрета
У школьного порога,
Станет белоснежною
В бессмертие дорога.
Зимы пройдут, вёсны пройдут —
Дорога не кончится эта.
Лунного,
зимнего,
красного цвета —
Дорога не кончится эта...
Шла она неслышно
От школьного порога.
Уходила девочка
В бессмертную дорогу...
Майя Румянцева.

ЭТО ИМЯ ОЗНАЧАЕТ «ЖИЗНЬ»

Узел размышлений, развяжись!..

Я Америк вовсе не открою,

Коль напомню вам, что имя Зоя

В переводе означает — «Жизнь».

...Защищать идя родную власть

В страшную годину испытаний,

Ты в отряде партизанском Таней

Не случайно, видно, назвалась.

Петь,

смеяться,

плакать

и любить,

Как и Жанне д'Арк

тебе хотелось...

А враги убить решили Смелость,

Но её,

как Жизнь,

нельзя убить!

Взяв на плечи хрупкие свои
Трудные недевичьи заботы,
Ненависть к врагу
до эшафота
Гордо ты несла через бои.
Вот уже разверзлась смерти пасть...
А ведь у тебя вся жизнь вначале...
Только разве перед палачами
На колени ты могла упасть?!
Детям жить под мирной бирюзой,
Брать галактик дальних рубежи...
Ты всеильна и бессмертна, Зоя,
Как всеильна и бессмертна Жизнь.

Владимир Матвеев.

У памятника Зое Космодемьянской

Последнее застыло слово,
Запечатлен суровый миг.
И тянет к памятнику снова,
Поскольку Зои нет в живых.
Цветы к подножию пристрою —

Протянется меж нами нить.

Поговорю с ней, как с сестрою,

И вроде дальше можно жить.

Живу. И радуюсь, и маюсь,

Бывает все — и зной, и лед.

С пристрастием в себе копаюсь

Да так, что ближний не поймет.

Я не скажу: характер слабый.

Но как спрошу себя опять:

— А ты смогла бы? Ты смогла бы? —

И не могу ответа дать.

Зачем живу? Чего я стою?

Смогла бы? Да! Смогла бы? Нет!

Лгать бесполезно пред собою:

Ни то, ни это — не ответ.

Все существо мое в смятеньи,

Сама не знаю, почему.

И только памятник — спасенье.

И снова я иду к нему.

Я снизу вверх взгляну на Зою -
Протянется меж нами нить.
Поговорю с ней, как с сестрою,
И вроде дальше можно жить.

Валентина Дорожкина.

Петрищево

Найду?
Дождусь ли —
Слова Наивысшего,
Чтоб звуки плоть и душу обрели?
Как выскажу тебя,
село Петрищево,
Слеза святая на лице моей земли?
Я шел к тебе.
Я шел все тридцать лет.
И вот — пришел,
А девочки той — нет.

Зачем печальным ветром занесло
Меня к тебе, печальное село,
Зачем как бы в предчувствии беды
Все размывает дождь мои следы?
Зачем, по грунту мокрому скользя,
Иду туда, где дважды быть — нельзя!

Где площадь
(да, та самая!),
Где дом
(тот самый дом!)?
Ах, что же я не плачу,
Когда обычно столько слез я трачу
Над малостным каким-то пустяком?..

Дом перекрашен в странный желтый цвет,
И в доме женщина живет безбедно
(Мне говорили, что она бездетна,
А впрочем, правда это или нет,
Я у нее не спрашивал). Мы с ней
Стояли у скрипучего колодца,

И с медленных разлапистых ветвей
Сползала в воду ржавая короста.
Я той воды не знаю солоней
И той слезы невыплаканной горше.
Мне никогда не быть уже моложе,
А девочке — вовек не быть взрослей.
Все тридцать лет она идет по снегу,
Не по селу идет уже — по свету,
По белу свету
с вечным палачом
За девичьей озябшею спиною...
Кто скажет мне, зачем с иной судьбою
Я сызмала на свете обручен?

Зачем я не сумел ее спасти,
Зачем не разлучил ее с петлею,
Ее сердечко не успел в горсти
Еще горячим унести с собою?

Но каждому отмерило свое
Нещедрое двадцатое столетье:

Той девочке —
страданье и бессмертье,
А мне — печаль и гордость за нее.

1971 г.

Олег Шевченко.

Петрищево

Опять я в Петрищеве.
Снова
Хожу по развилкам дорог.
Звучало тут Зоино слово,
Остались следы ее ног.
Сквозь окна в тревожной
печали
Ее освещала луна.
И, глядя на снежные дали,
С Отчизной прощалась она.

Поземка мела над полями,
И стужей несло из сеней...

И думала с болью о маме
Она перед казнью своей.
Истерзанной и босою,
Как только рассеялась мгла,
В то утро холодное
Зоя
По снегу в бессмертье ушла...

Юрий Мельников.

И сегодня рядом с нами Зоя
Женственную, хрупкою,
но твердой
Героиня замерла в веках,
В партизанской стеганке потертой,
В стоптанных солдатских башмаках.
Над винтовкой —
небо голубое,
За спиною —
яблони в цвету.
И сегодня рядом с нами Зоя

На бессменном бронзовом посту.
А вокруг — Тамбовщина,
Россия,
Добрый взгляд родимой стороны,
Юные ровесники,
живые,
Никогда не знавшие войны...
Власти нет над памятью людскою!
Сколько новых весен ни пройдет,
В тихом сквере
к памятнику Зое
Юности тропа не зарастет.

Виктор Острижный.

Сиянье подвига

Огонь горящий и светящий...
В сердцах ты мужество зажгла.
И, причастившись смертной чаши, —
Еще светлее, чем была!

Светильник хрупкий, ты хранила
Сиянье подвига в себе,
Пока Божественная сила
Вела тебя к твоей судьбе.

О, ты венца была достойна,
Бесстрашно муку приняла
И палачам, и страшным войнам
Конец бесславный предрекла.

Ты легкой поступью своею
Взошла на высший пьедестал.
«Смотри, глаза ее светлеют!» —
Малыш в восторге прошептал...

Любуясь жизнью возрожденной,
Весной, вступающей в права,
Ты — героиня и ребенок —
Бессмертна, трепетна, жива!

Ольга Кулькова,
студентка ТГУ

им. Г.Р. Державина.

О Зое писали в книгах, журналах, газетах

Космодемьянская Л.Т. **Моя Зоя: Воспоминания матери.** — М: Молодая гвардия, 1942. — 32 с.

Космодемьянская Л.Т. **Повесть о Зое и Шуре.** — М.; Л.: Детгиз. 1950. — 208 с.: ил.

Алигер М.Н. **Зоя: Поэма.** — М.: Молодая гвардия, 1943. — 63 с.: ил.

Жизнь и подвиг Зои: Новые страницы героической летописи. — М.: Газ.: «Правда». 1998. — 48 с. — /Б-чка «Газ. Правда»/.

Коротцев О. **...И звезда с звездой говорит.** — С.-Петербург, 1995. — 301 с.

Успенский В.Д. **Зоя Космодемьянская.** — М.: Молодая гвардия, 1989. — 235 с., 8 л. ил. — /Жизнь замечательных людей. Малая сер./

Дьячков Л.Г. **Имя, ставшее легендой** // Дьячков Л.Г. За родину!: Очерки о тамбовцах — Героях Советского Союза. — Тамбов, 1995. — С. 110-113: фото.

Кожемяко В. **Зоя Космодемьянская — яркая звезда в нашей памяти** //Лица века. — М., ИТРК 2002. — С. 304-316.

Лидов П. **Зоя Космодемьянская** // Ради жизни на земле. — М., 1979. — С. 69-81.

Милорадова К. **Перед подвигом: Война и победа.** — М. 1976. — С. 115-120.

Коротцев О. **Космический мемориал** // Наука и религия. — 1998. — № 5. — С. 34-35.

Филин Н. **О гибели, о славе, о любви: Размышления о подвиге Зои Космодемьянской** // Молодая гвардия. — 1996. — №5. — С. 25-47.

- Овчинникова Л. **«Прощай и помни обо мне...»** // Трибуна. — 2002. — 30 ноября.
- Васильева Л. **Зое Космодемьянской приносят цветы и сигареты** // Комс. правда. — 2002. 29 ноября — С. 10.
- Кожемяко В. **Он первым рассказал о «Тане» — Зое Космодемьянской** // Правда. — 2002. — 29-30 янв.
- Соколов Б. **И ещё одна дата. Подвиг Зои** // Рос. газ. — 2001. 29 ноября.
- Маркович В., Жур Э. **Клубков, который назвал «Таню» Зоей** // Известия. — 2000. — 2 февр.
- Кожемяко В. **Венок Зое: Заметки в связи с праздником Зои Космодемьянской в Москве** // Совет. Россия. — 1998. — 17 сент.
- История Тани в документах** // Аргументы и факты. — 1992. — № 7.
- Кожемяко В. **Трагедия Зои Космодемьянской: Факты против домыслов** // Правда. — 1991. — 29 ноября.
- Овсянников И. **Бессмертие Зои** // Тамб. жизнь. — 2002. — 16 февр.
- Овсянников И. **«...И вдруг среди сельчан окаменела»: К 60-летию подвига Героя Советского Союза Зои Космодемьянской** // Тамб. жизнь. — 2001. — 30 ноября.
- Овсянников И. **Десять писем офицера Егорова** // Тамб. жизнь. — 2000. — 24 ноября.
- Овсянников И. **Правда о Зое** // Тамб. жизнь. — 1992. — 26 февр.
- Космодемьянская Зоя Анатольевна /Таня/. /1923-1941/, Герой Советского Союза: Биограф. справка** // Великая Отечественная война 1941-1945: Энцикл. — М., 1985. — С. 37.
- Космодемьянская З.А.:** Библиограф., справка // Герои Советского Союза: Крат. биограф. слов.: в 2 т. — М., 1987. — Т. 1. — С. 743.
- Космодемьянская З.А. /Таня/** // Вронская Д., Чугуев В. Кто есть кто в России и бывшем СССР. — М., 1994. — С. 269.

Космодемьянские // Москва: Энцикл. — М., 1998. — С. 390.

Кожемяко В. **Есть в России Осиновые Гаи.** // Правда. — 1998. — 14 сент.

Лога В. **О подвиге и подлости.** // Красная звезда. — 2002. — 16 февр.

И. Гнеушева.

Зав. отделом Тамбовской областной библиотеки

им. А.С. Пушкина.